

**Департамент образования города Москвы
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»**

На правах рукописи

АВЕРИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ТВОРЧЕСТВО К.В. НАЗАРЬЕВОЙ КАК ЯВЛЕНИЕ МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 — русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор И.А. Беляева

Москва — 2022

Оглавление

Введение	3
Глава I. Биография и творческий путь К. В. Назарьевой: проблемы реконструкции	25
1.1. Биография К. В. Назарьевой как отражение идей «новых людей» 1860-х годов.....	27
1.2. Литературный дебют К. В. Назарьевой в журнале «Вестник Европы» и проблема мифологизации биографии	57
Глава II. Литературная репутация К. В. Назарьевой.....	78
2.1. Оценка современниками творчества К. В. Назарьевой	83
2.2. Литературный круг К. В. Назарьевой	96
Глава III. Творчество К. В. Назарьевой: проза, драматургия, публицистика	116
3.1. Повествовательная проза К. В. Назарьевой: темы, герои, жанры, сюжеты.....	117
3.2. Драматургические тексты К. В. Назарьевой	146
3.3. Публицистика и журналистская деятельность К. В. Назарьевой.....	166
Заключение	180
Библиографический список	190
Приложение 1	228
Приложение 2	230

Введение

Литературный процесс второй половины XIX века в России представлен прославленными именами классиков русской литературы. Их наследие хорошо изучено. Однако литературная среда, в которой работали классики, была неоднородна и представлена многочисленными писательскими именами, которые доселе не введены в научный оборот, а также самыми различными видами и жанрами литературы, пользовавшимися огромным «спросом» у читающей публики.

Среди фигур феминистского движения в России второй половины XIX века выделялась писатель, прозаик, драматург, публицист, журналист Капитолина Валериановна Назарьева (1847–1900). «Одна из наиболее плодовитых писательниц»¹, она оставила после себя большое наследие — «около ста романов, повестей и рассказов»², которые печатались «почти во всех современных журналах»³. Крайне популярная при жизни, после смерти она была практически сразу забыта. Между тем как справедливо писал А. А. Измайлов, «литературный багаж К. В. Назарьевой представляется <...> настолько крупным»⁴, что не может не привлечь внимание историка литературы.

В исследовательской литературе Назарьева фигурирует в качестве корреспондента в переписке известных писателей, или же упоминается как плодовитая романистка и публицистка, в последнее время журналисты и исследователи Ф. М. Достоевского обращают на нее внимание в связи с историей про т.н. «ставрогинский грех» писателя, а между тем ни одной научной работы о Назарьевой, где была бы представлена оценка ее деятельности и освещены спорные моменты биографии, не существует.

¹ [Б. а.] К. В. Назарьева (Некролог) // Нива: Илл. журнал лит-ры и совр. жизни. 1901. № 3. С. 60.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

В связи с этим определилась **актуальность** научной работы, которая связана с изучением творческой судьбы и писательской репутации Назарьевой в свете проблем литературы периферии. Если творчество классиков русской литературы хорошо изучено, то писатели «второго плана», составлявшие массовый литературный поток, остаются и по сей день малоизученными. В то же время для историка литературы подобная писательская продукция представляет собой явление, которое позволяет глубже понять историко-литературный процесс, вкусы эпохи и — в случае с Назарьевой — особенности развития женской литературы второй половины XIX века.

Историко-литературный процесс представляет собой явление неоднородное. Существуют магистральные линии в литературе, но не менее важными оказываются процессы, которые происходят на ее периферии. В этой связи принято различать как минимум две категории сочинений, что называется, «по вертикали»: «литературный “верх” и “низ”»⁵. Первую категорию представляет «высокая», «классическая литература»⁶, то есть та «часть художественной словесности, которая интересна и авторитетна для **ряда** [выделено автором. — *М. А.*] поколений и составляет “золотой фонд” литературы»⁷. Она существенно отличается от массовой литературной продукции, которая, при всей своей самой широкой востребованности читателем-современником, как правило, «не переживает» границы своего времени и представляет собой «совокупность **популярных** [выделено автором. — *М. А.*] произведений, которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать

⁵ Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых / Ред. кол. д-р филол. наук, проф. Н. А. Андрамонова [и др.] Казань: Казанский государственный университет, 2003. С. 203.

⁶ Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. С. 144.

⁷ Там же. С. 143.

произведения, ищущего в печатной продукции главным образом развлечения»⁸.

Однако такое отношение к «популярной», массовой литературе разделяют не все исследователи. Так, например, Ю. М. Лотман утверждает, что, во-первых, понятие «массовая литература» есть, прежде всего, «понятие социологическое», а не литературоведческое⁹. При этом бесспорно, что «именно в ней мы получаем ту упрощенную, сведенную к средним нормам необыкновенную картину литературы эпохи, на основании которой легче всего возводить все исследовательские модели вкуса, читательских представлений и литературных норм»¹⁰.

Творчество авторов огромного пласта литературы XIX века (так называемых писателей периферии), массово творивших «за спинами» классиков, имевших в свое время определенную литературную репутацию и в основном заполнявших своим «творческим продуктом» страницы толстых литературных журналов XIX века и их многочисленных литературных приложений, не может не интересоваться историка литературы. Подобная литература, «не обладающая художественной масштабностью и ярко выраженной оригинальностью»¹¹, очевидно представляет собой явление, которое позволяет глубже понять «проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам общества»¹². Ю. М. Лотман писал, что «у массовой литературы — двойственная природа»¹³, так как, «выступая в определенном отношении как средство разрушения культуры, она одновременно может втягиваться в ее систему, участвуя в строительстве новых структурных форм»¹⁴, тем самым

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Таллин: Александра, 1993. С. 382.

¹⁰ Там же.

¹¹ Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых / Ред. кол. д-р филол. наук, проф. Н. А. Андрамонова [и др.] Казань: Казанский государственный университет, 2003. С. 203–209.

¹² Там же.

¹³ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Таллин: Александра, 1993. С. 388.

¹⁴ Там же.

разрабатывая и закрепляя литературные модели, нашедшие свое высшее развитие в творчестве классиков.

Во второй половине XIX века к литературной периферии относили представительниц «дамского романа» в России¹⁵: А. А. Вербицкую, З. А. Волконскую, Н. А. Дурову, Ю. В. Жадовскую, М. В. Крестовскую, Е. П. Ростопчину, А. И. Соколову, Н. Д. Хвощинскую, Л. А. Чарскую, О. А. Шапир и др. Все без исключения названные авторы, каждая по-своему, отдали дань «женскому вопросу», например, Н. Д. Хвощинская рассматривала проблему под углом социологии и философии, Ю. В. Жадовская ратовала за право женщины свободно выбирать себе партнера, Е. П. Свешникова настаивала на феминистской модели поведения женщины как на единственно возможной, Л. И. Веселитская-Микулич, напротив, полагала, что женщина не способна к самостоятельности, и т.д.¹⁶

Женскую прозу второй половины XIX века можно рассматривать как литературный феномен, несмотря на позитивные или негативные результаты писательской карьеры ее представительниц. Разные модели гендерного поведения персонажей изображены в прозе Е. П. Свешниковой (утверждение самостоятельной и независимой феминистской идеи), Л. И. Веселитской-Микулич (отрицание феминистской идеи, представление неспособной к самостоятельным чувствам и действиям героини), А. А. Вербицкой (умеренная феминистская модель)¹⁷.

Разработка вопросов, связанных с феминизмом, началась во второй половине XIX века М. Л. Михайловым в его работе «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860)¹⁸, Н. Н. Страховым в книге «Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля “О подчинении

¹⁵ Начало «женской прозе» в первой половине XIX века заложили французские писательницы (Жорж Санд, Мари Буавен, Виржини Ансело, Марселина Деборд-Вальмор). Затем эстафету подхватили английские писательницы (Шарлотта Бронте, Мэри Анджела Диккенс, Эмили Бронте), а от них центр женского писательского творчества переместился в Германию (Луиза Отто-Петерс, Тереза фон Лютцов, Ида Барбер), и только потом мода на «женскую литературу» пришла в Россию.

¹⁶ См.: Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: Автореферат дис. кан. филол. Наук: 10.01.01. М., 2009. 18 с.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Утопический социализм в России. М.: Политиздат, 1985. С. 301–309.

женщины”» (1871)¹⁹, и была продолжена в работах Д. Л. Мордовцева «Русские исторические женщины: Популярныe рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси» (1874)²⁰, Г. Е. Благосветлова «Женский труд и вознаграждение за него» (1882)²¹, П. Н. Сущинского «Женщина-врач в России: Очерк десятилетия Женских врачебных курсов, 1872–1882 гг.» (1883)²², В. С. Соловьева «Смысл любви» (1884)²³, В. О. Михневича «Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды» (1895)²⁴, А. В. Амфитеатрова «Женщины в общественных движениях России» (1907)²⁵ и т.д.

Начало XX века дало множество материалов на эту тему, среди которых стоит упомянуть «Женское движение в России и за границей» М. В. Кечеджи-Шаповаловой (1902)²⁶, «Очерк женского движения в России» А. Н. Шабановой (1912)²⁷, а также «Из истории женской личности в России» Е. Н. Щепкиной (1914)²⁸.

Существенный интерес для осмысления русского феминизма середины XIX столетия представляет публикация Г. А. Тишкина «Женский вопрос в России: 50–60 годы XIX века» (1984)²⁹, в котором дана широкая историческая ретроспектива становления феминистских настроений в России. Не меньший интерес по широте охвата темы представляет собой и книга Э. А. Павлюченко «Женщины в русском освободительном движении:

¹⁹ Страхов Н. Н. Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб.: Изд. Тип. Майкова, 1871. 50 с.

²⁰ Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины: Популярныe рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси. СПб.: Изд. книгопродавца К. Н. Плотникова, 1874. 363 с.

²¹ Благосветлов Г. Е. Женский труд и вознаграждение за него. СПб.: Тип. Е. А. Благосветловой, 1882. С. 73–114.

²² Сущинский П. Н. Женщина-врач в России: Очерк десятилетия Женских врачебных курсов, 1872–1882 гг. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1883. 221 с.

²³ Соловьев В. С. Смысл любви // В. С. Соловьев. Сочинения: В 2-х т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.

²⁴ Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды. Киев: Южно-русское книгоизд-во Ф. А. Иогансон, 1895. 403 с.

²⁵ Амфитеатров А. В. Женщины в общественных движениях России. СПб.: Живое слово, 1907. 81 с.

²⁶ Кечеджи-Шаповалов М. В. Женское движение в России и за границей. СПб.: Тип. СПб. О-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1902. 210 с.

²⁷ Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1912. 32 с.

²⁸ Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. 320 с.

²⁹ Тишкин Г. А. Женский вопрос в России: 50–60 годы XIX века. Л.: Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, 1984. 239 с.

от Марии Волконской до Веры Фигнер» (1988)³⁰ и работа О. А. Хазбулатовой «Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917)» (1994)³¹.

Подавляющее большинство критиков-современников Назарьевой отказывали ей, как и многим ее современницам, в «литературном равноправии», считая, что «все наши женщины-писательницы не оказывали видимого влияния на развитие русской литературы; <...> можно даже сказать, что они не служили проводниками тех новых идеалов, которые зарождались на Западе и возникали на русской почве, <...> русские писательницы прошлого только подражательницы, более или менее искусные и талантливые»³². В то же время находились и те, кто полагал, что «благодаря оригинальности решения затрагиваемого вопроса о **новой семье** [выделено автором. — М. А.]»³³, Назарьева выгодно отличалась от подруг по «литературному цеху» своей принципиальной идейностью: «умением прекрасно затронуть какой-либо из жгучих вопросов, семейный, брачный, о призвании женщины, о ее роли в обществе, о материнстве и т.д.»³⁴

Представления Назарьевой о жизни, как и у многих ее современниц и единомышленниц, формировались под явным и сильным влиянием книги Н. Г. Чернышевского «Что делать?», яростных споров в обществе о «женском вопросе». О влиянии на умы молодежи идей Н. Г. Чернышевского существует немало свидетельств современников: «Литературные воспоминания» (1928)³⁵ А. М. Скабичевского, «Любовь людей шестидесятих годов» (1929)³⁶ Т. А. Богданович, «На заре жизни» (1964)³⁷ Е. Н. Водовозовой, «Женский труд» (2007)³⁸ М. Н. Вернадской. В науке эта

³⁰ Павлюченко Э. А. Женщины в освободительном движении. М.: Мысль, 1988. 270 с.

³¹ Хазбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: ИвГУ, 1994. 135 с.

³² Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23.

³³ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

³⁴ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

³⁵ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., Л.: Изд. «Земля и фабрика», 1928. С. 248–249.

³⁶ Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятих годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.

³⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни: В 2-х т. / Е. Н. Водовозова. Ред. и примечания Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. Т. 2. М., Л.: Художественная литература, 1964. С. 188–201, 230–232.

³⁸ Вернадская М. Н. Женский труд // Сочинения / Вступ. статья Е. А. Тончу. М.: ИД Тончу, 2007. С. 133.

проблема изучалась в исследованиях И. А. Паперно³⁹, Г. А. Склеинис⁴⁰. Как справедливо констатирует И. А. Паперно, «в романе “Что делать? Из рассказов о новых людях” (1863), Чернышевский сознательно работал над построением новой модели человека, предназначенной для реализации в социальной жизни»⁴¹, тем самым предлагая своей читательской аудитории поступать так же, как и его героям, хотя «адептам Чернышевского не удалось повторить его успехов»⁴². Для Назарьевой, чья писательская карьера началась в 1870-е годы, именно этим заблуждением, неоспоримой верой в то, что у нее все же «получится», и была определена вся ее жизнь.

Лично знавшие Назарьеву (П. В. Быков⁴³, В. М. Дорошевич⁴⁴, Ф. Ф. Фидлер⁴⁵, А. Е. Богданович⁴⁶, А. А. Измайлов⁴⁷, А. В. Амфитеатров⁴⁸) писали, что она была подлинной пионеркой «на поприще женского труда, приучившей себя к самостоятельности, к свободе, порвавшей паутину условной морали <...> из стремления сохранить свою независимость и возможность самостоятельной работы на общую пользу»⁴⁹, что, по сути, являлось «истинным идеалом романистки, к которому она не переставала звать современную женщину»⁵⁰. И в процессе реконструкции биографии писательницы действительно становится понятно, что «в смысле беззаветной преданности труду и высоким заветам альтруизма, сам автор <...> был полным осуществлением этого идеала»⁵¹.

³⁹ Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ. 1996. 207 с.

⁴⁰ Склеинис Г. А. Создание модели знакового поведения в творчестве Н. Г. Чернышевского (“Что делать?”, “Пролог”) и ее влияние на общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35–38.

⁴¹ Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ. 1996. С. 9.

⁴² Склеинис Г. А. Создание модели знакового поведения в творчестве Н. Г. Чернышевского (“Что делать?”, “Пролог”) и ее влияние на общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35–38.

⁴³ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

⁴⁴ Дорошевич В. М. К. В. Назарьева // Литераторы и общественные деятели: художественная литература. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 65–75.

⁴⁵ Фидлер Ф. Ф. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фидлер,_Фёдор_Фёдорович. [Дата обращения: 20.01.2022].

⁴⁶ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.

⁴⁷ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1–2.

⁴⁸ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. – 3-е изд. СПб., 1908. С. 134–139.

⁴⁹ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

Считая Назарьеву идейным писателем (в плане следования «женскому вопросу»), критики-современники в то же время видели в ее литературной продукции некоторую поспешность, упрекали ее в том, что она не уделяет должного внимания ни грамотной разработке ситуаций, ни подробному и логичному разбору характеров своих персонажей, подчас откровенно греша против законов логики и психологии. Именно поэтому творчество Назарьевой традиционно «числилось» ими в ведомстве «массовой литературы» и «дамского романа». В то же время отмечалось, что у Назарьевой обнаруживались задатки незаурядной беллетристки, развить которые не позволяли сами условия существования женского литературного труда, «в которые у нас поставлен литературный работник, хотя бы и талантливый, выдающийся, поражают своей ненормальностью — и К. В. Назарьевой приходилось нести весь страшный гнет этих условий, просить, кланяться терпеть унижения, обиды»⁵². Именно необходимостью зарабатывать литературным трудом знакомые писательницы объясняли тот факт, что «библиографический указатель к сочинениям К. В., буквально способный поразить всякого своими грандиозными размерами, является достаточным объяснением и оправданием того, почему иногда среди значительных по достоинству произведений романистки [ее называли «мастером сюжета». — *М. А.*] встречаются вещи, слабо обработанные в художественном отношении»⁵³. На это же жаловалась она сама, будучи «матерью-одиночкой», как она сама себя называла, четверых детей: «Писать свое, задуманное и близкое, нет возможности, когда нужно думать о хлебе насущном, о маленьких дорогих существах, нуждающихся во многом. Каждый звонок напоминает о возможном вторжении мясника, булочника, дворника и лиц, имеющих могучую власть над трудящимся человеком. <...> а жить нужно»⁵⁴.

⁵² Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

⁵³ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

⁵⁴ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 115.

Судьба Назарьевой, ее приход в литературу, вся ее жизнь в этом смысле как раз и является для историка литературы прекрасным примером для изучения этих причин и — шире — всего явления «женской литературы» второй половины XIX века. «Никогда еще в русской литературе не было так много женщин-писательниц, как в настоящее время <...>, — пишет один из современников Назарьевой. — Это своего рода признак времени. Было бы чрезвычайно любопытно <...> проследить те общественные, семейные и иные причины, которые вызывали это интересное явление»⁵⁵.

Однако при попытке углубиться в биографию и творчество писательницы исследователь сталкивается с рядом трудностей. За сто с лишним лет, прошедших со дня смерти Назарьевой, никто и никогда предметно не занимался ее судьбой и наследием, и потому современными исследователями о ней не написано ни единой статьи, не говоря уж о диссертациях или монографиях. Исключения составляют лишь упоминания в литературных словарях («Галерея Русских писателей»⁵⁶; «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей И. Ф. Масанова»⁵⁷; «Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова»⁵⁸; «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона»⁵⁹; «Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь»⁶⁰), с той или иной мерой точности отображающие основные вехи жизни и творчества писательницы.

При составлении полноценной биографии Назарьевой исследователь испытывает серьезный дефицит источников, ведь, по сути, личный архив писательницы утрачен. Более или менее достоверные сведения о ее жизни можно почерпнуть из написанных (но не законченных) самой Назарьевой

⁵⁵ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23.

⁵⁶ [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 376–377.

⁵⁷ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. / Под ред. Б. П. Козьмина [и др.]. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюз. кн. Палаты, 1960. С. 330.

⁵⁸ Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова / Под ред. и с предисл. В. Яковенко [и др.]. — 4-е вновь пересмотр. изд. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1910. С. 1512.

⁵⁹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 48-ми т. / Под ред. К. К. Арсеньева [и др.]. Т. 20. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1897. С. 460.

⁶⁰ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

«Воспоминаний»⁶¹ и из биографического очерка, размещенного в «Театральном мирке»⁶².

В различных архивах страны (РГАЛИ, ИРЛИ РАН⁶³, РГИА, РГБ Дом Пашкова, СПФ АРАН, РГАДА) нашлись также немногочисленные рукописные материалы: письма (самой писательницы к разным корреспондентам и ее мужа — к ней), «Дело о дворянстве Манкошевых»⁶⁴, «Дело о расторжении брака»⁶⁵. Некоторые сведения можно почерпнуть из некрологов, «Истории строительства Покровского храма»⁶⁶, из воспоминаний мужа писательницы В. Н. Назарьева «История моего несчастья»⁶⁷ и диссертационного исследования его творчества⁶⁸.

Путем сопоставления уже известных фактов, а также в силу специфики творчества как самого В. Н. Назарьева, так и его жены, кое-что можно узнать из его пьесы «Золотые сердца», в основу которой легла история развода, и из биографической повести Назарьевой «Специалист (Страница из женской жизни)»⁶⁹. Собственно, вот и все, чем располагает исследователь, взявшийся сегодня реконструировать биографию известнейшей в XIX веке, а ныне прочно позабытой писательницы.

Следует сделать существенную оговорку: редкие попытки исследователей ввести в исторический оборот имя Назарьевой в целом могут оцениваться как не слишком удачные⁷⁰, поскольку грешат прежде всего

⁶¹ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 106–128.

⁶² Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.

⁶³ В описи фондов литературного архива, относящихся к писательнице, в ИРЛИ РАН некоторые письма отсутствуют, а именно: письма к Ю. М. Бугушевичу, И. Л. Леонтьеву-Щеглову, П. О. Морозову, Т. Л. Щепкиной-Куперник.

⁶⁴ Дело о дворянстве Манкошевых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1358. Ед. хр. 2.

⁶⁵ Дело о расторжении брака Штаб Ротмистра Валериана Никанорова Назарьева с женою его Капитолиной Валерьяновной за прелюбодеяние ее // РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 466. Ед. хр. 4.

⁶⁶ Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. 140 с.

⁶⁷ Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.

⁶⁸ Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева: 70–90 гг. XIX века: Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. Ульяновск, 2012. 20 с.

⁶⁹ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 63–94.

⁷⁰ С существенными трудностями при поиске материалов для работы над биографией К. В. Назарьевой исследователь сталкивается еще и потому, что во многих современных энциклопедиях и словарях ссылки на фонды рукописных отделов и архивов страны указаны неверно. Например, в словаре «Русские писатели» многие фонды не указаны, а все указанные фонды ИРЛИ РАН относятся вовсе не к Капитолине Назарьевой,

большим количеством неточностей. Частично в этом вина источников — и их скудности, и общего для всех них характера, ведь даже некрологи, написанные современниками Назарьевой, и те дают разную дату ее смерти. Например, в журнале «Нива» ошибочно было опубликовано, что писательница скончалась не в декабре, а в ноябре⁷¹, а в словаре «Русские писатели» указано, что она умерла 13, а не 14 декабря⁷².

Кроме того, некоторые словари путают и девичью фамилию писательницы, указывая варианты «Ман*та*шева»⁷³ и «Монка*ш*ева»⁷⁴ вместо правильного «Ман*ко*шева». В какой-то мере в этом есть и ее вина — статус «разведенной» обязывал Назарьеву вести довольно обособленный и закрытый образ жизни. В силу этого в статьях современных литературных словарей и в энциклопедиях, где мы все же находим упоминания о ней, тоже можно обнаружить искажения и неточности, подчас довольно существенные. Так, например, на портале «Ф. М. Достоевский (Антология жизни и творчества)»⁷⁵ авторы публикации представили Назарьеву исключительно как детскую писательницу, в то время как она являлась и романисткой, и драматургом, и журналистом. В «Большом библиографическом словаре», в посвященной ей статье отчество ошибочно указано как «Васильевна»⁷⁶.

Кроме того, словарь И. Ф. Масанова⁷⁷ и П. В. Быков в Некрологе⁷⁸, посвященном писательнице, ошибочно указывают псевдоним Назарьевой как «Панов И.», в то время как в процессе изучения сохранившихся материалов

а к А. А. Фету («ИРЛИ. Ф. 441, Ф. 337.») // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

⁷¹ [Б. а.] К. В. Назарьева (Некролог) // Нива: Илл. журнал лит-ры и совр. жизни. 1901. № 3. С. 60.

⁷² Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

⁷³ Большая Биографическая энциклопедия. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: [https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia//Назарьева_\(урожд_Манташева\),_Капитолина_Валер.](https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia//Назарьева_(урожд_Манташева),_Капитолина_Валер.) [Дата обращения: 20.01.2022].

⁷⁴ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 48-ми т. / Под ред. К. К. Арсеньева [и др.]. Т. 20. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1897. С. 460.

⁷⁵ Достоевский Ф. М. (Антология жизни и творчества) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://fedordostoevsky.ru/around/Nazareva_K_V/. [Дата обращения: 20.01.2022].

⁷⁶ Русский биографический словарь. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gulex.ru/01140237.htm>.; Краткая биографическая энциклопедия, 2012. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/ist/biografiya/2261920.html>. [Дата обращения: 20.01.2022].

⁷⁷ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. / Под ред. Б. П. Козьмина [и др.]. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюз. кн. Палаты, 1960. С. 330.

⁷⁸ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

нами было установлено, что она подписывает свои произведения «Панова Ив.»⁷⁹ и «Панова И.»⁸⁰. Более того, современники относились к ней с известной долей иронии и скепсиса. Так, например, в посмертных воспоминаниях о Назарьевой В. М. Дорошевич пишет, что даже не знал ее настоящего имени и называл Калерией⁸¹. Ф. Ф. Фидлер в своих заметках на немецком языке допускает неточность в отчестве писательницы — «Валерьяновна» вместо «Валериановна»⁸².

Скудность сохранившихся материалов и источников обусловлена еще и тем положением, которое Назарьева занимала в современной ей писательской среде. Будучи известной и востребованной читателем (некоторые ее романы и повести, например, «Над пропастью» (1890, 1889), «Брак, каких мало» (1889, 1890), «Из огня да в полымя» (1883, 1884, 1885), «Надорванные силы» (1893, 1898), «Скорбный путь» (1889, 1885, 1885) выдержали два-три переиздания), она, как будет показано далее, и при жизни не относилась к «писателям первой величины», даже не была вхожа в их круг и потому отчасти практически была не замечена серьезной критикой своего времени. Современники настолько несерьезно относились к ней самой и к ее творчеству, что ни при жизни писательницы, ни сразу после ее смерти никто не занимался ни изучением ее творчества, ни составлением хотя бы посмертного списка сочинений, ни сохранением и систематизацией архива.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в работе впервые предлагается реконструкция биографии и проводится системное изучение писательского наследия Назарьевой, определяются вехи ее творческого пути. В научный оборот вводится имя одной из ярких, но забытых писательниц второй половины XIX века.

⁷⁹ Панова Ив. [Назарьева К. В.] Ураган: Сценка-монолог: Сюжет заимствован. СПб.: Театр. б-ка В. А. Базарова, 1891. 16 с.

⁸⁰ Панова И. [Назарьева К. В.] Чужая вина: Роман в 3-х ч. // Прил. к журн. «Живописное обозрение». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1888. № 11–12. 350 с.

⁸¹ Дорошевич В. М. К. В. Назарьева // Литераторы и общественные деятели: художественная литература. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 66.

⁸² Прожито. (Дневники и записи). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221890-01-01%22&diaries=%5B1393%5D>. [Дата обращения: 20.01.2022].

Материалом нашего исследования являются художественные тексты К. В. Назарьевой (повести: «Специалист (Страница из женской жизни)», «Под влиянием аффекта»; романы: «Скорбный путь», «Из огня да в полымя», «В тисках», «Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой», «Дорогой ценой», «Надорванные силы»; рассказы и очерки: «Сокровище», «Порыв», «Драма на море»; пьесы: «Тревожное счастье», «Два полюса (Опасные люди)», «Над пропастью»; публицистика и др.), архивные документы и письма писательницы, воспоминания писательницы и ее мужа В. Н. Назарьева «История моего несчастья», «Дело о расторжении брака» и «Дело о дворянстве Манкошевых» (РГАДА, РГИА, СПФ АРАН, ИРЛИ РАН, РГАЛИ, РГБ Дом Пашкова — 50 архивных фондов). **Методами** обработки этих материалов стали: культурно-исторический, семантико-стилистический, историко-функциональный. **Теоретико-методологической основой** исследования стали труды по проблемам массовой литературы, женской прозе, гендерному аспекту и социологии литературы: И. А. Гурвич⁸³, Б. В. Дубина⁸⁴, Ю. М. Лотмана⁸⁵, Н. Г. Мельникова⁸⁶, М. В. Михайловой⁸⁷,

⁸³ Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: РОУ, 1991. 90 с.; Гурвич И. Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 113–142.

⁸⁴ Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Массовая литература как социальный феномен // Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. 80 с.; Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // НЛО. 2002. № 5 (57). С. 6–23.; Дубин Б., Зоркая Н. Идея классики и ее социальные функции. // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: «ИНИОН», 1983, С. 40–82.; Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // Отечественные записки, 2005. № 4. С. 25–43.

⁸⁵ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Ю. М. Лотман / О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 817–827.

⁸⁶ Мельников Г. Н. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. Материалы Международной научной конференции. М.: МГУ, 1998. С. 229–240.

⁸⁷ Михайлова М. В. Лица и маски русской женской культуры «серебряного века» // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 117–132.; Михайлова М. В. Женщины-драматурги серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе: Теория и история литературоведения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: РАН ИНИОН Центр гуманитар. науч.-информ. Исслед, 2010. С. 4–35.; Михайлова М. В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Феминизм и женская литература в России. История последнего десятилетия. Вестник Московского университета. Серия 9: Филология / Гл. ред. М. Л. Ремнева. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, № 1. 2001. С. 35–44.; Михайлова М. В., Ровенская Т. А. Феминизм и женская литература в России. История последнего десятилетия // Литературная учеба. 2004. № 1. С. 93–97.; Михайлова М. В. И. А. Гончаров и идеи феминизма: (Роман «Обломов») // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 49–58.; Михайлова М. В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе серебряного века // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. № 4. С. 150–158.

И. А. Паперно⁸⁸, Е. М. Пульхритудовой⁸⁹, А. И. Рейтблата⁹⁰, И. Л. Савкиной⁹¹, Е. Н. Строгановой⁹², Ю. Н. Тынянова⁹³, В. Е. Хализева⁹⁴, Г. А. Шпилевой⁹⁵, Б. М. Эйхенбаума⁹⁶ и других. **Объектом** исследования является творческое наследие и писательская судьба К. В. Назарьевой. **Предмет** исследования — архивные документы, письма, воспоминания, романы, повести, рассказы, пьесы и публицистика К. В. Назарьевой.

Цель работы: реконструировать жизненный и творческий путь К. В. Назарьевой, определить место писательницы в литературном процессе второй половины XIX века.

Для достижения обозначенной цели в работе поэтапно решаются следующие **задачи**:

1. Сбор и систематизация сохранившихся архивных документов.
2. Сбор и систематизация сохранившихся произведений К. В. Назарьевой для составления библиографии ее сочинений.
3. Уточнение ошибок и разночтений, допущенных авторами словарных статей и современниками о К. В. Назарьевой.

⁸⁸ Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ. 1996. 207 с.

⁸⁹ Пульхритудова Е. М. Литература, беллетристика и паралитература // Теория литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 10–29.

⁹⁰ Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница // НЛЮ. 2006. № 77. С. 405.; Рейтблат А. И. Булгарин и его читатели // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 55–66.; Рейтблат А. И. Записка Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча о «Северной пчеле» // Шестые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 65–68.; Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. // НЛЮ. 1993. № 2. С. 113–129.

⁹¹ Савкина И. Международная научная конференция «Культ-товары: феномен массовой культуры в современной России» // НЛЮ. 2008. № 4. С. 421–425.; Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с.

⁹² Строганова Е. М. Русская литература XIX века в гендерном измерении: опыт коллективного исследования // Кафедра истории русской литературы Тверского государственного университета, Центр изучения и пропаганды женского творчества. Сб. науч. статей / Сост. Е. М. Строганова. Тверь: Изд-во Лилия Принт, 2004. 161 с.

⁹³ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино // О литературной эволюции. М.: Наука, 1971. С. 270–281.

⁹⁴ Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.

⁹⁵ Шпилева Г. А. «Язык бала» и «Музыка жизни» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 142–150.; Шпилева Г. А. А. А. Шклярский и Э. Габорио: родоначальники «Полицейского» романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5. С. 145–149.; Шпилева Г. А. Беллетристика Н. А. Некрасова в свете эйхенбаумовской концепции «массовой литературы» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж, 2014. № 4 (265). С. 95–96.; Шпилева Г. А. Динамика развития прозы Н. А. Некрасова: учебное пособие / Г. А. Шпилева. Воронеж: ВГПУ, 2005. 257 с.

⁹⁶ Эйхенбаум Б. М. Литература и писатель // Звезда. 1927. № 15. С. 121–141.

4. Реконструкция родословной и истории семьи писательницы.
5. Выявление на основе документальных свидетельств ключевых факторов, определивших мировоззрение и основные темы произведений К. В. Назарьевой.
6. Изучение круга корреспондентов К. В. Назарьевой с целью детализации литературной среды, которая влияла на творческие интересы писательницы.
7. Воссоздание литературной репутации К. В. Назарьевой на основе отзывов современников о ее творчестве.
8. Анализ прозы, драматургии и публицистики К. В. Назарьевой: определение характерных черт творческого почерка.

Цель и задачи определили **структуру** исследования, которое состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во **введении** определяются актуальность исследования, степень изученности проблемы, объект и предмет исследования, цель и задачи, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В I главе **«Биография и творческий путь К. В. Назарьевой: проблемы реконструкции»**, состоящей из двух параграфов, выявляются и исследуются биографические материалы: сведения о родословной писательницы, ее воспитании и образовании, о работе и общественной деятельности, о сотрудничестве со столичными и провинциальными изданиями. Отдельное внимание уделяется ее успешному литературному дебюту в «Вестнике Европы».

Во II главе **«Литературная репутация К. В. Назарьевой»**, состоящей из двух параграфов, систематизируются и анализируются архивные документы, связанные с кругом общения писательницы, прежде всего ее личная переписка, которая носит большей частью деловой характер и раскрывает для исследователя подробности общения К. В. Назарьевой с работодателями и издательствами. Предлагается аналитическое изучение отзывов на сочинения К. В. Назарьевой критиков-современников.

В III главе «Творчество К. В. Назарьевой: проза, драматургия, публицистика», состоящей из трех параграфов, исследуются особенности творчества писательницы. В первом параграфе отмечается, что вся проза К. В. Назарьевой условно делится на две большие части: «уголовные» романы и любовно-психологическое повествование. Имея большой опыт журналистской работы, освещающей судебную практику, К. В. Назарьева заимствовала свои сюжеты из жизни, из реальной судебной практики, обрабатывая публицистические статьи и заметки в духе «морально-нравственного» назидательного повествования. Показывается, что любовно-психологическая проза К. В. Назарьевой отличается тем, что практически всегда разрабатывает одну и ту же тему, в продолжение идей Н. Г. Чернышевского: о свободной, честной, трудолюбивой, самостоятельной женщине, и о сложностях ее существования в российском социуме.

Во втором параграфе рассматривается драматургический опыт К. В. Назарьевой. Показывается, что частично она занималась самоинсценировками, адаптируя для театра собственные романы, а частично создавала так называемые оригинальные пьесы, впрочем, так же заимствуя сюжеты для них из различных житейских случаев, описываемых в прессе. В целом ее пьесы доподлинно копировали жизненную бытовую реальность, и потому в большей степени представляют интерес не как драматургические произведения, а как любопытный документ бытового и семейного течения жизни людей второй половины XIX века.

В третьем параграфе рассматривается публицистика К. В. Назарьевой. Отмечается, что ее репортажи, заметки и статьи, которые она публиковала в большом количестве в самых разных изданиях под псевдонимом Н. Левин имели гораздо большую славу, чем ее романы. К. В. Назарьева редко создавала собственно журналистские тексты. Своеобразно трансформировав наиболее свободный публицистический жанр фельетона, она скорее создавала мини-рассказы с диалогами и описаниями, нежели репортажи, статьи и заметки. Для публицистики К. В. Назарьевой свойственен

назидательный тон, однако, именно благодаря такой необычной форме, ее журналистские заметки пользовались большим успехом у читающей публики, особенно в провинции России.

В заключении подводятся итоги исследования.

Список использованных источников состоит из **449** наименования, при этом значительная часть архивных материалов привлекается к исследованию впервые.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реконструкция биографии К. В. Назарьевой, произведенная на материале архивных документов, свидетельств современников и воспоминаний самой писательницы, представляет собой ценный свод данных о судьбе дворянской женщины второй половины XIX века, решившейся порвать с привычным социальным окружением, традиционным семейным укладом и самостоятельно определить собственный жизненный путь, найдя самореализацию в творчестве.

2. Личная переписка К. В. Назарьевой, являющаяся по большей части деловой, раскрывает реальные механизмы взаимодействия беллетристов второй половины XIX века с издательствами-работодателями, поскольку большинство корреспондентов писательницы — это издатели и публицисты В. С. Миролюбов, Б. Б. Глинский, К. К. Арсеньев, А. А. Навроцкий и т.д., библиографы, среди которых следует назвать А. В. Старчевского, Н. А. Рубакина, Н. В. Гаврилова, С. Е. Добродеева, П. В. Быкова и т.д. Письма Назарьевой показывают, каким образом писательница взаимодействовала с постановщиками ее пьес: адресатами писем являются театральные деятели того времени, среди которых А. Р. Кугель, Е. П. Карпов, И. М. Булацель. Группа писем-обращений к уже тогда знаменитым писателям и публицистам Д. Н. Мамину-Сибиряку, Н. К. Михайловскому, В. И. Немировичу-Данченко, Н. С. Лескову, Ф. М. Достоевскому, А. П. Чехову свидетельствуют о литературной репутации К. В. Назарьевой, не принимаемой в круг писательской элиты.

3. Литературная репутация К. В. Назарьевой складывалась противоречиво: с одной стороны, она была востребована читателем, что доказывают многочисленные переиздания ее сочинений и их переводы на иностранные языки, с другой — критика не была к ней благосклонна и прочно закрепила ее творчество по рангу «дамского романа», причисляя К. В. Назарьеву к «литературным поденщикам», сделавшим «писательство» основным источником заработка.

4. Творчество К. В. Назарьевой, которое удалось систематизировать по разным библиографическим и архивным источникам, многопланово: она была автором многочисленных романов, пьес, писала повести, малую прозу, рассказы для детей и публицистику (самой популярной рубрикой были ее «Очерки иностранной жизни», выходившие на страницах журнала «Осколки»).

5. Проза К. В. Назарьевой разрабатывает две главные жанровые линии — «уголовный», авантюрно-приключенческий роман и психологическую повесть, где в центре оказывалась судьба современной женщины, которая вынуждена делать выбор между личным успехом и женским предназначением. Проза писательницы была основана на жизненных ситуациях, зачастую с криминальным оттенком, почерпнутых ею из истории судебной практики, а потому ее тексты отличались особой фактографичностью, протокоальностью, но одновременно были актуальными. Умея выстраивать интригу и сюжет в своих повествованиях, К. В. Назарьева, однако, не могла глубоко разработать характеры, а персонажи ее сочинений отличались постоянным набором черт.

6. Драматургия представлена в творчестве К. В. Назарьевой двумя видами пьес: инсценировками собственных романов (напр. «Тревожное счастье») и т.н. «оригинальными» пьесами, то есть адаптированными к сцене сюжетами, заимствованными либо из иностранной литературы, либо из газетных публикаций. Наиболее сильное влияние на нее оказала драматургия В. А. Крылова. Упор в ее пьесах сделан на интригу, непременно со

счастливым концом, характеры персонажей разработаны слабо, а сами тексты отличаются дидактизмом и назидательностью. Драматургия К. В. Назарьевой, в отличие от ее прозы, хотя и была рассчитана на массового читателя (зрителя), не стала столь же популярной и не была востребована театром.

7. Публицистическое наследие К. В. Назарьевой обширно и с трудом поддается полной идентификации по причине многочисленности разнообразных псевдонимов, которые она использовала. Однако то, что нам удалось достоверно установить как принадлежащее ее перу, представляет собой корпус оригинальных и в строгом смысле не совсем публицистических текстов. Взяв за основу входивший в моду жанр фельетона, К. В. Назарьева существенно раздвинула его границы, превратив свои заметки и репортажи в мини-рассказы с диалогами и описаниями, исключив смеховую составляющую и подключив дидактическую интонацию. В форме мини-рассказов подается все: как сообщения о выставках, военных учениях, так и трагические происшествия — пожары, наводнения, землетрясения и проч. Однако именно эта «беллетризованная» форма подачи информации приносит К. В. Назарьевой наибольшую славу у читателя, и ее публицистические произведения активно печатаются во многих периодических изданиях в России.

8. Произведения К. В. Назарьевой представляют собой литературу периферии и являются своего рода «каталогом» вкусов читателя второй половины XIX века. Будучи увлеченной с юности идеей эмансипации женщины и перенеся ее в свои сочинения, К. В. Назарьева как писательница оказалась актуальным автором для читателя ее эпохи, поскольку этот вопрос активно обсуждался во всех социальных слоях. Сочетание этих факторов и сделало К. В. Назарьеву одной из самых популярных писательниц своего времени — в среде массового читателя.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она позволяет расширить представление о закономерностях развития

литературного процесса второй половины XIX века и предлагает стратегию изучения малоизвестного писателя.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в рамках вузовских курсов по истории русской литературы второй половины XIX века, при разработке дисциплин, связанных с изучением литературы периферии, творчества русских женщин-писательниц XIX века, в рамках изучения социологии литературы; на факультативных занятиях в общеобразовательных учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы изложены в **11** статьях.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Аверина М. А. Литературная жизнь конца XIX века в переписке К. В. Назарьевой // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук.* 2020. № 3. С. 248–252.

2. Аверина М. А. Литературный дебют К. В. Назарьевой и проблема литературной репутации // *Мир науки, культуры, образования.* 2021. № 3. С. 393–396.

3. Аверина М. А. Особенности публицистики К. В. Назарьевой // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук.* 2022. № 4. С. 51–55.

Публикации в других изданиях:

4. Аверина М. А. «...Это смешное имя выдумали ей мы, фельетонисты...»: о литературной деятельности К. В. Назарьевой // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сб. науч. статей / Э. Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 76–83.

5. Аверина М. А. «Драма на море» К. В. Назарьевой: Герой и сюжет для массовой литературы // *Русское слово: синхронический и диахронический аспекты: Сборник научных статей по итогам работы седьмой Международной научно-практической конференции.* Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. С. 3–10.

6. Аверина М. А. Автобиографическая проза К. В. Назарьевой: между реальностью и мифом // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». М.: МГПУ, 2019. № 3. С. 107–112.

7. Аверина М. А. Литературная деятельность К. В. Назарьевой в оценках современников: индивидуальность на фоне беллетристики // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения: в 3-х т. Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы / Отв. ред. И. Н. Райкова. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 242–248.

8. Аверина М. А. Литературная репутация К. В. Назарьевой как автора русского «Дамского романа» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета / Под ред. А. А. Шаталова. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. № 4. С. 55–59.

9. Аверина М. А. О литературной репутации К. В. Назарьевой: по материалам переписки // Художественная антропология: Актуальные вопросы литературоведения. Сб. науч. статей / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2019. С. 87–90.

10. Аверина М. А. Переписка К. В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». М.: МГПУ, 2019. № 1. С. 113–118.

11. Аверина М. А. Проза К. В. Назарьевой как явление русского «дамского романа» // Актуальные проблемы изучения литературы XVIII–XIX вв. Филологические чтения. Сб. науч. статей / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2018. С. 63–67.

Автор исследования принимал участие в **11** научных мероприятиях. Основные положения были изложены на Международной научно-практической конференции молодых ученых «Художественный текст глазами молодых» (Ярославль, 28 октября 2017), на Седьмой международной научно-практической конференции «Русское слово: синхронический и

диахронический аспект» (Орехово-Зуево, 14 декабря 2017), на Международной научной конференции XV Виноградовские чтения «Текст, контекст, интертекст» (Москва, 3–5 марта 2018), на Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «И. С. Тургенев в исследованиях молодых ученых» (Спасское-Лутовиново, 25–27 апреля 2018), на Международной научно-практической конференции «Художественный текст глазами молодых» (Ярославль, 27 октября 2018), на Шестом научно-практическом семинаре для магистрантов и аспирантов (Москва, 29 марта 2019), на IV Международной научной конференции «Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс» (Ярославль, 15–17 мая 2019), на научно-практической конференции «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...: Забытые писатели — обыкновенные таланты» (Москва, 31 мая 2019), на VII Всероссийской научно-практической конференции «Маршаковские чтения» (Москва, 21–22 ноября 2019), на Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (Москва, 5–6 марта 2020), на VIII Всероссийской научно-практической конференции «Маршаковские чтения» (Москва, 21–21 апреля 2021).

Глава I.

Биография и творческий путь К. В. Назарьевой: проблемы реконструкции

Из биографии Капитолины Валериановны Назарьевой, опубликованной в «Театральном мирке», известно, что она родилась в Санкт-Петербурге 6 (19) октября 1847 года в старинной дворянской семье Манкошевых⁹⁷.

Отцом писательницы был Валериан Николаевич Манкошев⁹⁸, капитан, помещик Лужского уезда Петербургской губернии, который, в свою очередь, был сыном Николая Ивановича Манкошева и Капитолины Егоровны Дириной.

Детство писательница провела «частью в имении [Манкошевых. — М. А.], частью — в Луге, где отец ее служил по дворянским выборам»⁹⁹. Об этом периоде ее жизни известно не много, лишь А. Е. Богданович свидетельствует, что «с 13–14 лет ее стали “вывозить” на вечера и балы, но когда до нее коснулось веяние 60-х годов, удовольствия были оставлены ради научных занятий»¹⁰⁰. Известно также, что отец дал дочери домашнее образование¹⁰¹, которое, видимо, было довольно основательным, поскольку позволило ей в 1864 году¹⁰² (по другим сведениям — в 1867)¹⁰³, «наперекор родительским симпатиям»¹⁰⁴, выдержать экзамен на звание домашней учительницы в Петербургском университете. Наряду с этими сведениями

⁹⁷ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

⁹⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 48-ми т. / Под ред. К. К. Арсеньева [и др.]. Т. 20. СПб.: Типолиитография И. А. Ефрона, 1897. С. 460.

⁹⁹ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

¹⁰² Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

¹⁰³ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

¹⁰⁴ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

существуют и другие, утверждающие, что Назарьева — «малообразованная дочь мелкого чиновника»¹⁰⁵.

Сама писательница почему-то никогда и нигде не писала о своих родственниках, исключение составляет лишь крохотное упоминание в Театральном мирке¹⁰⁶ и в «Воспоминаниях»¹⁰⁷ (либо эти упоминания есть в тех частях архива, которые нам не доступны и, видимо, безвозвратно утрачены). Например, мы ничего не знаем о том, как складывались после замужества ее отношения с отцом. Однако нам удалось восстановить историю ее семьи, пользуясь материалами, связанными с постройкой дедом Назарьевой Покровского храма в деревне Дубровка (старое название — Самокража) Новгородского района Новгородской области, а также извлечь кое-какие сведения из документа «Дело о дворянстве Манкошевых», сохранившегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА)¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Авдонин А., Краснов Н. В. Н. Назарьев и просвещение чувашей // Дружба: Лит.-худ. Альманах. 1983. № 2. С. 266.

¹⁰⁶ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.

¹⁰⁷ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 106–128.

¹⁰⁸ Дело о дворянстве Манкошевых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1358. Ед. хр. 2.

1.1. Биография К. В. Назарьевой как отражение идей «новых людей» 1860-х годов

Из «Истории постройки Покровского храма»¹⁰⁹ известно, что дворянский род Манкошевых изначально — Новгородский. В 1606 году¹¹⁰ им было пожаловано первое поместье, при этом наделы были расположены в разных районах тогдашней Новгородской земли: деревни располагались в окрестностях Самокражи, а также на территории современных Маловишерского, Маревского, Крестецкого районов Новгородской области, Стругокрасненского района Псковской области, Тосненского и Сланцевского районов Ленинградской области. Известно, что в XVIII веке род владел участком земли в Санкт-Петербурге.

Семья долгое время проживала в самом Новгороде, о чем свидетельствуют Переписные книги второй половины XVII века, в которых мы находим запись о подьячем Новгородской приказной палаты Алфере Манкошеве, живущем «на шести посадских местах»¹¹¹ на Бардовой улице Торговой стороны, в приходе храма святого апостола Филиппа. Писцовая книга¹¹² 1678 года подтверждает владения помещиков Манкошевых в Боженском погосте: «да вопчей дворовой старинной человек с Федором да з Дмитрием Трусовым <...> да по переписным книгам 186-го году написано было за отцем их помещика моего Ивана да Дмитрия да Федора Трусовых за Петром Михайловым сыном Трусовым деревни Частовы 3 двора <...> Морозовского погоста усадища Костянтинова что была пустошь приказные полаты подьячего Петра Алферьева сына Манкошева дворовой ево человек

¹⁰⁹ Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. 140 с.

¹¹⁰ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи: В 2-х т. / А. А. Бобринский. Т. 2: От начала XVII стол. до 1885 года / Под ред. А. А. Бобринского [и др.]. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. С. 17.

¹¹¹ Анкудинов И. Ю. Переписная книга 1678 года / Сост. И. Ю. Анкудинов, Н. П. Воскобойникова, Т. Б. Соловьева // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII начала XVIII вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 135.

¹¹² Там же.

Федор Якимов сказал <...> за помещиком моим Петром Алферьевичем и за братом ево приказные ж полаты подьячим за Дмитрием Алферьевым сыном Манкошевыми в Боженском погосте по прежним переписным книгам 186-го году был двор крестьянской»¹¹³.

Далее Перемерная книга 1686 года закрепляет владение участком за вдовой Алфера Манкошева Катериной¹¹⁴, которая, вероятно, распределяет впоследствии этот надел между своими сыновьями: подьячим Земской палаты Петром Манкошевым и подьячим Дворцового Приказа Дмитрием Манкошевым¹¹⁵, — об этом сообщает Переписная книга 1707 года. Последний имел двоих сыновей: Петра (1701 года рождения) и Якова (1707 года рождения).

Петр Дмитриевич Манкошев (1701 — после 1761)¹¹⁶ служил в Санкт-Петербурге секретарем Камер-коллегии¹¹⁷ и умер в чине коллежского асессора, жена его Дарья Осиповна (ок. 1720–1800) к этому моменту (1780) числится владелицей имения Песочно¹¹⁸. Именно эта чета Манкошевых в 1740–1800 годах владела участком земли в Санкт-Петербурге¹¹⁹.

Их сын Иван Петрович Манкошев (прадед Назарьевой, род. ? — после 1813) окончил Санкт-Петербургский университет. При этом сохранился документ 1761 года («записка ректора Академического университета

¹¹³ Перепись 1710 года: Новгородский уезд: Деревская пяттина: Григорьева половина Морозова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8597. [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_8597_2.htm. [Дата обращения: 12.01.2022].

¹¹⁴ Анкудинов И. Ю. Переписная книга 1678 года / Сост. И. Ю. Анкудинов, Н. П. Воскобойникова, Т. Б. Соловьева // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII начала XVIII вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 141.

¹¹⁵ Там же. С. 380.

¹¹⁶ Даты жизни дворян Манкошевых здесь и далее взяты с портала: Генеалогическая база данных Geni. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.geni.com/people/>. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹¹⁷ Дело Герольдмейстерской конторы: Книги решенных дел // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 10.

¹¹⁸ В дальнейшем в справочниках XIX века наряду с названием Песочно встречаются и другие — Манкошево или Покровское. Ранее имение принадлежало дворянам-помещикам Дириным. Сельцом Покровским иногда еще именуется церковная земля // Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. С. 23.

¹¹⁹ «Участком, на котором стоит дом № 31 /по ул. Блохина/, до 1740 г. владел купец А. А. Абросимов <...>, затем вдова коллежского асессора Д. О. Манкошева. <...> Спустя 60 лет, в 1800 г., участок с постройками по наследству перешел ее сыну И. П. Манкошеву. В сентябре 1801 г. его купил купец 3-й гильдии А. М. Угрюмов за две тысячи рублей ассигнациями // Привалов В. Д. Улицы Петроградской стороны. Дома и люди. М., СПб.: Центрполиграф, 2015. С. 73–95.

М. В. Ломоносова» к инспектору, за его подписью), который свидетельствует о том, что И. П. Манкошев был зачислен на учебу за свой счет¹²⁰.

По окончании университета прадед Назарьевой сперва служил сержантом лейб-гвардии Преображенского полка (1769), а затем стал в Новгороде в Казенной палате (упом. 1777–1779¹²¹) председателем губернского магистрата (1779–1782). Приобретя чин «надворного советника», он в 1798 году, будучи предводителем дворянства Новгородского уезда¹²², 27 августа 1798 года был жалован от Императора Павла I дипломом («жалованной грамотой») в подтверждение дворянского достоинства (по прошению от 25 августа 1797 года)¹²³.

Герб рода Манкошевых внесен в Часть 3 «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», стр. 50 (Приложение 1)¹²⁴.

Иван Петрович и Елизавета Игнатьевна (род. ? — после 1805) имели двоих детей: сына Николая и дочь Александру¹²⁵. В памяти современников Иван Манкошев остался благодаря тому, что на территории своего имения в Песочно¹²⁶ на свои собственные средства построил в 1794 году деревянный храм.

Николай Иванович Манкошев (дед Назарьевой) (род. ок. 1780–1863) служил на ниве просвещения. Будучи статским советником, он отдал уездным училищам в Новгороде более 20 лет в должности директора (1811–1833). Семья жила в приходе Николо-Кочановской церкви на Софийской

¹²⁰ Записка ректора Академического университета Ломоносова М. В. к инспектору, 1761 год // СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825.

¹²¹ Сведения о местах службы здесь и далее взяты с портала: Государственная публичная историческая библиотека России. Адрес-календари и месяцесловы Российской империи (общероссийские), списки чинов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/9504-adres-kalendari-i-mesyatseslovy-rossiyskoj-imperii-obscherossiyskie-spiski-chinov>. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹²² По документам за ним и его женой числились довольно приличные земельные наделы: пустоши Коровниково (номер 1015, 551 десятина), Лытная (номер 1021, 271 десятина), Лушино (номер 550, 269 десятин), Борыгино (номер 551, 162 десятины, часть), деревни Самокража (номер 552, 200 десятин, часть) // Межевые книги, 1798 год // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 279. Ч. 1.; Межевые книги, 1798 год // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Ч. 1.

¹²³ Дело Герольдмейстерской конторы: О даче надворному советнику Манкошеву на дворянское достоинство диплома, 1798 год // РГАДА. Ф. 86. Оп. 2. Д. 68. Стр. 28 (Кн. 68. Д. 8).

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Дело о дворянстве Манкошевых // РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1358. Ед. хр. 2.

¹²⁶ Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. С. 27.

стороне. Бабка Назарьевой (жена Николая Манкошева, в честь которой, вероятно, писательница и получила свое имя) Капитолина Егоровна (род. ок. 1785 — после 1853) была дочерью действительного статского советника Егора Наумовича Дирина, члена Гофинтендантской конторы хозяйственного управления Императорского Двора в Санкт-Петербурге. Чета имела восемь детей, но, видимо, не была стеснена в средствах настолько, что, продолжая дело своего отца, в складчину с помещицей Т. Я. Кемецкой¹²⁷ (1770–1842) Николай Манкошев смог построить уже каменный Покровский храм¹²⁸ (1834–1837). Для церковных нужд Манкошевыми было предоставлено 30 десятин 812 кв. саженей¹²⁹ земли. Новое церковное место стало называться сельцом Покровским¹³⁰. Похоронен Н. И. Манкошев в Самокраже.

Продолжая, в свою очередь, традицию своего отца, исполняя его волю по завещанию, один из сыновей Николая Манкошева — Валериан Николаевич (отец Назарьевой) (род. ? — ум. после 1863), капитан, исправник Лужского земского суда¹³¹ — построил деревянный Никольский храм (1863) в с. Зачеренье Лужского уезда (ныне Псковская обл.).

Не менее примечательными были судьбы братьев и сестер отца Назарьевой — дядюшек и тетушек писательницы. Иван Николаевич (род. ? — ум. после 1865) как командир Мариупольского гусарского полка (1849) прошел несколько войн, дослужился до генерал-майора кавалерии (1851) и по выслуге лет получил орден св. Георгия 4 степени (1850). Его сестра Капитолина Николаевна (тетя Назарьевой) (1818–1856), выйдя замуж за дворянина Лонгина Ивановича Горемыкина (1809–1864), стала матерью

¹²⁷ «В 1798 году владела усадьбой Локоток. После ее смерти земли в Локотке перешли к Манкошевым. <...> Могла быть с Манкошевыми в родственных отношениях» // Поленов Д. В. Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. Ч. 3. С. 263.

¹²⁸ «Венчает погост <...> белый каменный храм, освященный когда-то в честь Покрова Божией Матери. Построенный в 1837 году новгородским дворянином Николаем Ивановичем Манкошевым, в обиходе местных жителей он так и значился – Манкошевской церковью...» // Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. С. 4.

¹²⁹ [Б. а.] Памятная книжка Новгородской губернии на 1858 год / Сост. ред. губ. правл. Вишневым. Новгород: Тип. губ. правл., 1858. 90 с.

¹³⁰ «Иногда Покровским называли само имение» // Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. С. 29.

¹³¹ [Б. а.] Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии за 1863 год. СПб., Ч. 1. 1863. С. 215.

Ивана Горемыкина (двоюродного брата писательницы), впоследствии известного Председателя совета министров Российской империи, министра внутренних дел, члена Государственного совета и сената.

Федор Николаевич (еще один дядя писательницы) (1824 — ум. после 1888) в 1842 году окончил Аракчеевский кадетский корпус, служил в армии в чине штаб-капитана, а после выхода в отставку — как статский советник, мировой судья Новгородского уездного земского суда (1852–1878) и член Императорского Российского общества садоводства (1861). Его дочь Ольга (двоюродная сестра писательницы)¹³² (1858 — ум. после 1916), выйдя замуж за сына петербургского протоиерея Алексея Андреевича Павловского¹³³, жила с мужем сначала в Петербурге, а с 1891 года в Одессе. О ней известно, что она первая перевела с немецкого книгу Р. М. Розенберга «История искусства с древних времен до наших дней»¹³⁴, изданную в 1905 году под редакцией ее мужа, а в 1913 году Ольгу Федоровну хотели избрать попечительницей Любитовского земского училища вместо ее умершего супруга, однако в итоге попечителем стал ее сын¹³⁵. У Ольги Федоровны и Алексея Андреевича родилось трое детей: Георгий Алексеевич (1887–1967), Мария Алексеевна (в замужестве Брун) (1888–1935), Николай Алексеевич (1891 — ?). В этой семье, согласно свидетельствам современников¹³⁶, часто гостил Сергей Рахманинов.

Остается только догадываться, каким образом Капитолина Манкошева (Назарьева), имея таких богатых и сановных родственников, в одиночку поднимала своих четырех детей и едва сводила концы с концами. Так,

¹³² Весной 1914 года Ольга Федоровна подарила часть земель имения сыну Г. А. Павловскому // Личные и служебные документы Павловского Г. А., жены его урожденной Левашевой, и имущественные документы их на недвижимую собственность в Новгородской губ. // РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 7.

¹³³ Павловский А. А. (1856–1913), действительный статский советник, профессор, историк античного и христианского искусства. Участник археологических съездов, член Одесского общества истории и древности, попечитель Любитовского земского училища. Награжден шестью орденами. Подробная биография А. А. Павловского» // Наша родословная. Генеалогические исследования А. Новожилова и Н. Белозеровой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novbelgen.net/pv>. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹³⁴ Розенберг Р. Н. История искусства с древних времен до наших дней / Пер. с нем. О. Ф. Павловской: Под ред. А. А. Павловского. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 25 с.

¹³⁵ [Б. а.] Постановления Новгородского уездного земского собрания и доклады Новгородской земской управы за 1913 год. Новгород, 1914. С. 12.

¹³⁶ По свидетельству З. В. Левочской, внучки последнего настоятеля прихода отца Владимира // Там же.

например, в письме к Н. А. Лейкину [б. д.] она пишет: «Надо мною стряслись разные беды и одна из них — продажа моего имущества, назначенная на 6 марта, так меня удручает, что пока эта катастрофа так или иначе не окончится, я не в состоянии написать что-либо даже приличное»¹³⁷.

Известно только, что от богатейших земельных имений семьи ей достался от матери не слишком большой надел, который из нужды в деньгах ею был немедленно продан. Об этом свидетельствует письмо от 25 марта [б. г.], написанное П. В. Быкову: «Я обдумала Ваше доброе предложение относительно займа в Лит.<ературном> Фонде, и была бы крайне благодарна, если бы это дело устроилось. Дело в том, что меня заедают дела, так что хотя я зарабатываю теперь в месяце 100–17(4)0 р., но все-таки задеваю и не могу вздохнуть свободно. Между тем, в течение 1881 г. я буду утверждена в правах наследства (мне после матери земля с лесом досталась в тихв.<инском> уезде Новг.<ородской> губ.<ернии>) так что если не из работы, то из продажи земли уплачу долг»¹³⁸.

Не сохранилось никаких свидетельств того, поддерживала ли вообще какие-либо отношения Назарьева со своими многочисленными родственниками. В доступных нам материалах писательница только вскользь упоминает: «Ни знакомых, ни друзей, никого не было у меня в Петербурге. Родные, — но с ними я не могла встречаться в силу особых условий»¹³⁹. Возможно, что статус «разведенной женщины», покрыв ее имя «позором», навсегда отделил ее и ее детей от старинного и славного рода дворян Манкошевых.

Из вышеприведенного письма А. Е. Богдановича известно, что ее «коснулось веяние 60-х годов», в результате чего она проявила известную строптивость и отказалась от традиционного для ее круга (по происхождению) образа жизни «ради научных занятий»¹⁴⁰. Некоторые

¹³⁷ Письмо Назарьевой К. В. к Лейкину Н. А. [б. д.] // ИРЛИ РАН. Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143.

¹³⁸ Письма Назарьевой К. В. к Быкову П. В. от 25 марта [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

¹³⁹ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 106.

¹⁴⁰ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

исследователи на основании этого факта даже причисляют Капитолину Манкошеву (Назарьеву) к числу «крупнейших русских феминисток своего времени»¹⁴¹.

В известной степени это было так: одинокая свободная женщина, самостоятельно зарабатывающая себе на хлеб и содержащая четверых детей, коротко стриженная, в очках (Приложение 2). «“Женская самостоятельность заключается в умении заработать кусок хлеба”, повторяла я и, ничего не умеющая, ехала в Петербург, веря только в свои силы»¹⁴² — писала она в «Воспоминаниях». Однако феминизм Назарьевой (как и практически всех женщин того времени) имел свои специфические черты и не мог еще быть отнесен к собственно феминистскому движению в том виде, в котором оно сформировалось к концу жизни писательницы. В середине XIX века в России феминизм еще не оформился в строгую «концепцию» и еще только набирал обороты, по большей части в тот момент следуя по пути разрушения института брака и пропаганды «свободного выбора» форм любовных и семейных отношений, нежели по собственно политической линии.

Зародившись в «рамках либерального движения среднего класса в середине XIX века»¹⁴³ на Западе как идеология равноправия женщин, феминизм проникает в Россию вместе с мыслями его идеолога и основателя — Д. С. Милля. Он провозгласил «равенство обоих полов перед законом, равное представительство в органах власти, равное участие в общественной жизни»¹⁴⁴, что было востребовано в России на первом этапе развития феминизма (середина XIX — 20–30-е годы XX века). Далее Э. К. Стентон и Ш. П. Гилман существенно обогатили его начинания, развивая, однако, несколько более умеренное, по сравнению со следующими этапами,

¹⁴¹ Мезенцева Л. Литературный календарь. [Электронный ресурс] // Журнал «Литература». 2005. № 25. Режим доступа: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200502323>. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹⁴² Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 110.

¹⁴³ См.: Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. И. А. Школьниковой, О. В. Шныровой; Ин-т соц. и гендер. политики. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 614. с.

¹⁴⁴ Там же.

направление феминистской теории¹⁴⁵. Их идеи постепенно становятся популярными в России во второй четверти XIX века, к концу которой и появляется на свет Капитолина Манкошева.

Широкому же распространению идеи «освобождения» женщины из рабской «семейной зависимости» в России существенно способствовала отмена крепостного права в 1861 году, положившая начало принципиально новым экономическим условиям и потребовавшая огромного притока рабочих рук, в том числе и женских. В свою очередь, низкий социальный статус женщины в России способствовал укоренению феминистских настроений в обществе: «женский вопрос» совпал с подъемом революционно-демократического движения и активно обсуждался виднейшими русскими публицистами того времени.

Вероятнее всего, на морально-этические принципы юной Капитолины Манкошевой существенное влияние оказали идеи Н. Г. Чернышевского (о чем сохранились воспоминания мужа Назарьевой)¹⁴⁶, М. Л. Михайлова, Г. Е. Благосветлова, которые настаивали на смене принципов женского воспитания и образования, женского труда, положения в семье, на участии женщин в общественной жизни. Литературному критику и поэту М. Л. Михайлову приписывается авторство первого манифеста русского феминизма (1860)¹⁴⁷. Всемирно известный хирург Н. И. Пирогов был одним из самых яростных поборников женского образования, в чем его активно поддерживали И. М. Сеченов, П. Ф. Лесгафт, Н. И. Костомаров.

Для понимания особенностей т.н. «феминизма» Назарьевой важно, что в ее эпоху русские феминистки, казалось, отстаивали прежде всего два главных права женщины: на образование и на профессиональную деятельность. Высшее и среднее специальное образование для женщин тяжело пробивало себе дорогу в русском обществе. Тем не менее, общественность настаивала, потребность была на лицо и потому постепенно

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.

¹⁴⁷ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Утопический социализм в России. М.: Политиздат, 1985. С. 301–309.

стала складываться целая система учебных заведений, допускающих женщин к приобретению профессии, однако к моменту наступления социальной самостоятельности Капитолины Назарьевой студентками высших учебных заведений женщины еще быть не могли. Но благодаря ряду постановлений Правительства, принятых в рамках трудового законодательства, женщины получили право трудиться в области медицины и образования.

Бесспорно, юность Капитолины Манкошевой не могли миновать споры и рассуждения о «женском вопросе», наполнявшие все гостиные со времен В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Женщина, по мнению В. Г. Белинского, «решительно должна отстаивать свое человеческое достоинство и право самостоятельно устраивать свою личную жизнь»¹⁴⁸, поскольку «в наше время жизнь и деятельность в сфере общего есть необходимость не для одного мужчины, но точно так же и для женщины, <...> ибо наше время создало уже, что и женщина точно так же человек, как и мужчина»¹⁴⁹. А. И. Герцен разделял эти взгляды, считая, что «Семейное призвание женщины никоим образом не мешает ее общественному призванию. Мир всеобщего так же открыт женщине, как и мужчине»¹⁵⁰.

Наиболее шумную реакцию общественности вызывали публичные высказывания известного хирурга Н. И. Пирогова, который настаивал на качественном, наравне с мужчинами, женском образовании: «Не положение женщины в обществе, но воспитание ее — вот что требует перемен»¹⁵¹. Ему вторил Д. И. Писарев, полагая, что «дело эмансипации — внести в женское воспитание науку во всем ее строгом величии. Те женщины, для которых настала пора самостоятельности, с жадностью возьмутся за науку, они поймут, что знание делает человека свободным и великим»¹⁵².

¹⁴⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13-ти т. / В. Г. Белинский. Т. 2: Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838 / Под ред. Н. Ф. Бельчиков [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 143.

¹⁴⁹ Шашков С. С. История русской женщины. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. С. 276.

¹⁵⁰ Там же. С. 277.

¹⁵¹ Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 595.

¹⁵² Писарев Д. И. Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание сочинений: В 6-ти т. / Д. И. Писарев. Т. 1: Сочинения Д. И. Писарева с портретом автора и статьей Евгения Соловьева (автора биографии Писарева). СПб.: Изд. Ф. Павленкова; Тип. А. Пороховщикова, 1897. С. 115.

Подлинным взрывом интереса к теме, как уже упоминалось, были публично отстаиваемые взгляды на «женский вопрос» Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, К. Д. Ушинского. «Необходима полная доступность образования для женщин и ликвидация зависимого положения женщины в обществе и семье»¹⁵³, считал Н. Г. Чернышевский. Горячее согласие с этими идеями он получил и от К. Д. Ушинского: «Воспитание женщины, кроме индивидуального и семейного значения, имеет еще огромное значение в народной жизни, потому что через женщину только успехи науки и цивилизации могут войти в народную жизнь»¹⁵⁴.

Целым рядом статей выражал свою позицию по «женскому вопросу» Н. А. Добролюбов в 1858 году, считая, что «ныне уж и от женщины требуют не одних блесков, шумихи-то этой, а образования прочного, солидного, потому что оно, действительно, доставляет лучшее счастье в жизни»¹⁵⁵.

Результатом этих шумных заявлений, обсуждений, в атмосфере которых прошла юность Назарьевой, к середине века стали женские гимназии, и с 1859 года женщины получили право стать вольнослушателями в университетах.

Одновременно, в связи с интенсивным вступлением России в индустриальную эпоху, возник вопрос о трудовой занятости женщин, которые «могли бы работать, если б только захотели или, вернее, если б перестали презирать труд. Пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии потому, что только в одном труде истинная свобода женщины»¹⁵⁶. При этом труд для многих становился основным условием выживания: «Эмансипация женщин и тесно связанный с этим вопрос об их самостоятельном заработке, прежде всего, был вызван экономическими условиями новой эпохи, а также и ее демократическими идеями, но сильный

¹⁵³ Цит. по: Чернышевский Н. Г. Избранные педагогические высказывания. М.: Учпедгиз, 1936. С. 33.

¹⁵⁴ Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти т. / К. Д. Ушинский. Т. 3: Педагогические статьи / Под ред. А. М. Еголина. М., Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. С. 291.

¹⁵⁵ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9-ти т. / Под ред. Б. И. Бурсова [и др.]. Т. 2: Статьи и рецензии. Август 1857 – май 1858 / Под ред. А. И. Груздева. М., Л.: Гос. изд. Художественной литературы, 1962. С. 361.

¹⁵⁶ Вернадская М. Н. Женский труд // Сочинения / Вступ. статья Е. А. Тончу. М.: ИД Тончу, 2007. С. 133.

толчок к распространению этих идей был дан, конечно, и романом <Н. Г. Чернышевского> “Что делать?” <(1863)>¹⁵⁷, который сыграл ключевую роль в становлении взглядов будущей писательницы — на тот момент юной Манкошевой было всего 14 лет! Темы и мотивы романа в разнообразных интерпретациях просматриваются как в ее личной биографии, так и следуют сквозной линией через все ее творчество. Судьба Веры Павловны, поразившая не одно женское воображение, навсегда определила дальнейший жизненный путь юной дворянки. Вопрос взаимоотношений мужа и жены довольно остро ставился в этом нашумевшем, оказавшем огромное влияние на несколько поколений женщин произведении, и оказался для них ключевым. П. П. Цитович в своем памфлете «Что делали в романе “Что делать?”» (1879) писал: «“Что делать?” — не только энциклопедия, справочная книга, но и кодекс для практического применения “нового слова”. <...> За 16 лет пребывания в университете мне не удалось встретить студента, который не прочел бы знаменитого романа еще в гимназии; а гимназистка 5–6 класса считалась бы душой, если бы не ознакомилась с похождениями Веры Павловны»¹⁵⁸. Об этом гораздо позже писала мемуаристка Татьяна Богданович, дворянка, окончившая историко-филологическое отделение Бестужевских курсов в 1896 году. В своих воспоминаниях «Любовь людей шестидесятых годов»¹⁵⁹ она свидетельствует, что «громадное большинство читателей приняло новое учение как новую религию»¹⁶⁰.

П. А. Кропоткин утверждал, что роман «Что делать?» стал подлинным «знаменем для русской молодежи»¹⁶¹, отмечая, что ни И. С. Тургенев, ни Л. Н. Толстой не имели такого повального влияния в 60-е годы. Невзирая на то, что роман был запрещен, журнал с его публикацией передавали из рук в

¹⁵⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни: В 2-х т. / Е. Н. Водовозова. Ред. и примечания Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. Т. 2. М., Л.: Художественная литература, 1964. С. 188–201, 230–232.

¹⁵⁸ Цит. По: Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 26.

¹⁵⁹ Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.

¹⁶⁰ Там же. С. 73.

¹⁶¹ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., Л.: Изд. «Земля и фабрика», 1928. С. 248–249.

руки, отдельное издание книги, вышедшее за рубежом, стоило дорого. «Мы читали роман чуть ли не коленопреклоненно, с таким благочестием, которое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги»¹⁶², — признавался критик А. М. Скабичевский.

Нужно заметить, что эта новая религия дала в очарованном ею поколении весьма своеобразные плоды. Любовный сюжет романа «Что делать?», так впечатливший барышень всех сословий, был отнюдь не безобиден. Ведь Вера Павловна, спасаясь от матери, практически «продающей» ее богатому жениху с весьма вольными нравами, выходит замуж за учителя своего брата — студента-медика Лопухова — фиктивно, заключая своеобразный договор, по которому никто не претендует на супружеские права (подобные сюжеты мы находим и у Назарьевой, например, в романе «Брак, каких мало»¹⁶³ или в публицистической заметке «Брак по приличию»¹⁶⁴). Затем возникает любовный треугольник и с ним — возможность реализовать союз втроем.

Характерно, что Н. Г. Чернышевский данный сюжет не придумал: своеобразными прототипами героев стали доктор Петр Боков и его жена Мария Обручева, которая тоже, чтобы иметь возможность учиться, оформила фиктивный брак с П. Боковым. Вторым и настоящим ее мужем стал врач Иван Сеченов, отчего дружба мужчин не только не распалась, а, напротив, упрочилась. Сам И. М. Сеченов к тому же был ярким поборником равноправия женщин и мужчин. Подобные «тройственные» союзы в то время в среде «новых людей» не были чем-то из ряда вон выходящим.

Женщины идею «свободного выбора партнера» восприняли с восторгом как руководство к действию, противопоставляя традиционным семейным отношениям свободное проявление «высоких чувств» в соответствии с «декларацией независимости женщины», которую провозгласила героиня романа «Что делать?» Вера Павловна: «Я не хочу

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Назарьева К. В. Брак, каких мало: Роман // Прил. к журн. «Живописное обозрение». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. № 6. 128 с.

¹⁶⁴ Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Брак по приличию // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 1. С. 10.

никому поддаваться, хочу быть свободной, не хочу никому быть обязанной ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь»¹⁶⁵. Очевидно, роман Н. Г. Чернышевского был прочитан юной Манкошевой-Назарьевой внимательно и навсегда определил как ее судьбу, так и смысл и назначение всего ее творчества.

Семья, по Н. Г. Чернышевскому, это прежде всего равноправие супругов, их партнерские взаимоотношения, основанные на дружбе, доверии и уважении. Мужчина мыслился теперь лицом «страдательным», поскольку обязан был испытывать весьма специфическое чувство вины за то, что много веков подряд держал женщину в рабстве (вариации этой темы мы неизменно будем обнаруживать в творчестве Назарьевой). Согласно Н. Г. Чернышевскому, от мужчины теперь требовался совершенно иной подход к проблеме брака. Теперь это были свободные, равноправные, семейные связи, противопоставленные «патриархальному» главенству мужчины в семье. Причем фиктивный брак не считался зазорным, поскольку был одним из самых эффективных средств борьбы за свободу и права женщин в российском обществе, по-прежнему живущем предрассудками. С официального согласия такого мужа-сотрудника либо фиктивного супруга, женщина получала от него разрешение либо начать самостоятельную трудовую деятельность, либо учиться за границей, поскольку в России женщинам не было еще доступа в студенческие аудитории высших учебных заведений. Соблюдение пусть и фиктивного, но все же брачного обязательства заставляло русский социум мириться с волей одинокой самостоятельной женщины, определяющей теперь, от кого ей рожать детей и на какие средства их содержать (что также впоследствии и стало фактически сквозной темой творчества Назарьевой).

Одна за другой в Петербурге открываются коммуны, наиболее известная — на Знаменской улице, ею руководил писатель Василий Слепцов.

¹⁶⁵ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15-ти т. / Под ред. В. Я. Кирпотина [и др.]. Т. 11: Что делать? Из рассказов о новых людях. Юношеские произведения. Комментарии / Под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.: Гослитиздат, 1939. С. 167.

Она пользовалась дурной славой, ее называли «вертепом разврата»¹⁶⁶. Одна из таких коммун была описана не одобрявшим «новые веяния» Н. С. Лесковым в романе «Некуда» (1864).

Выход романа Н. Г. Чернышевского подтолкнул большое количество женщин к поиску средств к самостоятельной жизни: они «искали уроки, поступали на службу наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтецами, акушерками, фельдшерицами, переписчицами, стенографистками»¹⁶⁷.

Много позже, к 70-м годам XIX века, феминизм обретает привычные нашим обобщенным представлениям черты Веры Засулич или Софьи Перовской. Женщины становятся активными членами разнообразных революционных движений и групп, в своем стремлении к равноправию полов доходя подчас до абсурда: требуя, например, «равного с мужчинами права на каторгу и смертную казнь»¹⁶⁸. А. В. Тыркова-Вильямс писала: «Мы были равны не перед законом, а перед общественным мнением, особенно в тех кругах, где я жила... Мне уступали дорогу, придвигали стул, оказывали те мелкие знаки внимания, которые благовоспитанные люди привыкли оказывать женщинам. Но это нисколько не нарушало полного равенства, прелесть которого я оценила, только попав в Англию. Там я наблюдала, как при внешнем почтении, несравненно большем, чем отдавали женщинам в России, англичанок держали за чертой, в своего рода женском гетто, которого не поколебали ни избирательные права, ни появление женщин в парламенте»¹⁶⁹.

Поскольку добиться права учиться в высших учебных заведениях наравне с мужчинами не удавалось, девушки стали поступать в университеты за границей: например, в 1871–1872 гг. в Цюрихском университете из 31

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Водовозова Е. Н. На заре жизни: В 2-х т. / Е. Н. Водовозова. Ред. и примечания Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. Т. 1: Мемуарные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1987. С. 177.

¹⁶⁸ Павлюченко Э. А. Женщины в освободительном движении. М.: Мысль, 1988. С. 239.

¹⁶⁹ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон: «ОРІ», 1990. С. 396.

слушательниц 21 была из России. Среди них были выдающийся профессор математики, дворянка Софья Ковалевская (в девичестве Корвин-Круковская), первая женщина-врач Н. П. Сулова, сестры Фигнер¹⁷⁰.

В 1880-х годах П. П. Цитович, редактор ежедневной политической и литературной газеты «Берег», издаваемой за казенный счет, словно предвосхищая написанные позже слова Н. А. Бердяева, писал: «Во имя ваших последних выводов науки и рефлексов с борьбой за дармоедство вы надолго искалечили не только нравственный облик, но даже наружный образ русской женщины. В этом уме была игривость — из нее сделали блудливость. В этом сердце было увлечение — вы превратили его в похоть... Полюбуйтесь же на нее: мужская шапка, мужской плащ, грязная юбка, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвет лица, подбородок вперед, в мутных глазах все: бесцельность, усталость, злоба, ненависть... По наружному виду — какой-то гермафродит, по нутру — подлинная дочь Каина»¹⁷¹.

В то же время за всей «политической» шумихой вокруг «женского вопроса» в России скрывалось прежде всего желание освобождения, раскрепощения человеческой личности из-под власти вековой традиции (родового начала). Оглядываясь на этот период становления российского феминизма, Н. А. Бердяев гораздо позже верно подметил, что «женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле... Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи. Новый человек есть, прежде всего, человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искаженное распадом на мужское и женское в человеческом роде»¹⁷². Задним числом осмысливая процессы середины XIX века, Н. А. Бердяев совершенно верно акцентировал внимание на том, что социально-политический вопрос в

¹⁷⁰ Озерская Ф. С. Средние женские учебные заведения // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. ред. А. И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. С. 183.

¹⁷¹ Цитович П. П. Ответ на письма к ученым людям: документально-художественная литература. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. С. 9.

¹⁷² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд. «Правда», 1989. С. 418.

России надолго принял окраску вопроса «полового», существенно смещая акцент из экономико-политической сферы обсуждения в сторону сферы «специфически-сексуальной».

В несколько упрощенном, как бы сильно сниженном виде все эти впечатления юности, усиленные и дополненные последующими размышлениями философов и классиков русской литературы, также найдут свое отражение в творчестве Назарьевой.

Вероятнее всего, переполненная этими «новыми веяниями», идеями о труде на благо человечества, о праве женщины на интеллектуальное и социальное развитие, рассказами об «энергичных деятельных девушках, отбросивших все, что было бабьего, мелочного и пошлого в прежних женщинах»¹⁷³, Назарьева и воспротивилась воле родителей. Они собирались по традиции «выгодно» выдать ее замуж. Благоприобретенные «новые верования» и определили выбор ею спутника жизни.

С будущим мужем судьба свела Капитолину Манкошеву совершенно случайно: он и она в 1867 году проходили лечение в Максимилиановской лечебнице в Петербурге¹⁷⁴. Приехавший из Симбирской губернии В. Н. Назарьев настолько увлекся всеми этими «новыми веяниями», а также барышней, которая во всем старалась им следовать, что 3 июля 1868 года¹⁷⁵ женился на ней. Союз молодые изначально постарались построить на «новых принципах»: ухаживая за Капитолиной, ее будущий муж оказался щедр: у нее появился рояль, был нанят учитель музыки, а также появились преподаватели французского, немецкого и английского языков. Но самое главное, жених оплатил весьма серьезный долг «семейства Манкошевых»: пять тысяч рублей, огромные по тем временам деньги¹⁷⁶.

Личность мужа Капитолины Назарьевой — симбирского дворянина, общественного деятеля и литератора Валериана Никаноровича Назарьева

¹⁷³ Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.

¹⁷⁴ Миронова Н. В. Драматургические произведения В. Н. Назарьева // Симбирский научный Вестник. 2017. № 1. С. 117–120.

¹⁷⁵ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

¹⁷⁶ Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.

(1830–1902) нельзя не назвать примечательной. К тому моменту уже вдовец, будучи старше своей невесты на 18 лет, он имел за плечами прошлое штаб-ротмистра, уволенного из армии за нравоописательную повесть «Бакенбарды. Очерки полковой жизни»¹⁷⁷, одобренную самим Н. А. Некрасовым. К моменту оформления брака с Капитолиной Манкошевой он — известный в Симбирской губернии просветитель, открывший и на собственные средства содержавший в селе Новое Никулино (ныне Цильнинский район Ульяновской области) образцово устроенную школу. Впрочем, его усилиями было открыто не одно учебное заведение в тогдашней Симбирской губернии.

К тому же В. Н. Назарьев еще и довольно известный общественный деятель: с 1865 года он возглавлял основанное им Ново-Никулинское берегательное товарищество, затем надолго стал гласным уездного земства и членом уездного Симбирского училищного совета, участвовал в работе Симбирской архивной комиссии, состоял членом комитета Карамзинской общественной библиотеки и значился мировым, а со временем — и «почетным» мировым судьей¹⁷⁸. При всем этом В. Н. Назарьев оставался плодовитым писателем: библиография его художественной прозы и публицистики весьма обширна, причем прозу В. Н. Назарьева публиковали такие авторитетные издания, как «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Современник» и др.¹⁷⁹

Первое время семья жила в Лужском уезде. Но вскоре было принято решение переехать на Ново-Никулинский хутор. Какое-то время семья проводила за совместным чтением, и это давало иллюзию общности, которая, к сожалению, оказалась только иллюзией. Они откровенно скучали в обществе друг друга. Видимо, В. Н. Назарьев при всей своей «просвещенности» был все же более склонен к традиционным представлениям о семье. Молодая жена, однако, вместо ведения домашнего

¹⁷⁷ Аникеевский В. [Назарьев В. Н.] Бакенбарды. Очерки полковой жизни // Современник. 1858. № 10. С. 471–523.

¹⁷⁸ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

¹⁷⁹ Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева: 70–90 гг. XIX века: Автореферат дис. кан. филол. наук: 10.01.01. Ульяновск, 2012. 20 с.

хозяйства предпочитала заниматься самосовершенствованием: «усердно занималась в основанной ею сельской школе, а в свободное время изучала языки: английский, немецкий и отчасти итальянский»¹⁸⁰.

Видимо, вскоре, сочтя опыт построения семейных отношений с точки зрения «новых людей» «удачным», Назарьева изменяет мужу с его воспитанником ¹⁸¹ — выпускником классической мужской гимназии Симбирска ¹⁸² и на тот момент уже лекарем Петербургской клиники профессора В. В. Бессерера Николаем Федоровичем Борхсениусом (1847–1909)¹⁸³, от которого в Киеве¹⁸⁴ рождает сына Николая (1872). Неизвестно, отказывается ли Н. Ф. Борхсениус от отцовства или просто не знает о ребенке, но вскоре после отпуска он возвращается на работу в Петербургскую клинику. Рождение Николая имело роковые последствия для семьи Назарьевых. Капитолина рвалась за «любовью» в Петербург, муж, как пишет писательница, ей не возражал, выговорив лишь одно-единственное условие: инициатором развода должна стать она.

После долгих судебных мытарств, о которых писательница с документальной точностью напишет в своей первой повести «Специалист (Страница из женской жизни)», в марте 1874 года брак официально был расторгнут по инициативе и «вине» Назарьевой (о чем будет сказано позже).

После этого «разведенная» женщина с маленьким сыном уезжает в Санкт-Петербург, где, видимо, пытается какое-то время наладить отношения с отцом своего ребенка. Однако Н. Ф. Борхсениус (частично эти события

¹⁸⁰ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

¹⁸¹ Миронова Н. В. Назарьевы-Борхсениус-Лесков // История Симбирского-Ульяновского края в документальном наследии. К 70-летию образования Ульяновской области. Материалы Межрегиональной историко-архивной конференции / Под ред. Г. В. Романова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2013. С. 151–154.

¹⁸² Н. Ф. Борхсениус обучался в мужской классической гимназии в Симбирске с 1856 по 1866 год, свидетельство об окончании гимназии датировано 21 января 1866 года // [Б. а.] Наши деятели по медицине // Иллюстрированный вестник культуры, научно-воспитательного, технического и торгово-промышленного прогресса России. 1910. № 1. С. 59–60.

¹⁸³ Впоследствии, он — доктор медицины, действительный статский советник // Там же.

¹⁸⁴ Миронова Н. В. Назарьевы-Борхсениус-Лесков // История Симбирского-Ульяновского края в документальном наследии. К 70-летию образования Ульяновской области. Материалы Межрегиональной историко-архивной конференции / Под ред. Г. В. Романова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2013. С. 151–154.

отражены в романе писательницы «Дорогой ценой»¹⁸⁵) так и не становится горячим поборником союза в духе «новых людей», и вскоре отношения окончательно сходят на нет.

О дальнейших взаимоотношениях Назарьевой с мужчинами нам достоверно ничего не известно. Мы можем догадываться об этом только по романам писательницы, в которых частично отражены ее личные биографические подробности, а также по немногим сохранившимся свидетельствам современников. Так, например, Ф. Ф. Фидлер в своих заметках¹⁸⁶ от 26 июля 1890 года писал: «Присутствовала также Капитолина Валерьяновна Назарьева, остроумная женщина с постриженными в кружок волосами. Говорят, она каждый год меняет мужей. Но держала себя пристойно, совсем не походила — ни обликом, ни суждениями — на синий чулок и впечатление произвела симпатичное»¹⁸⁷.

Характерно, что не только Капитолина Назарьева посчитала нужным отразить историю своего развода в литературном тексте, значительно трансформировав факты и события, но то же самое сделал и ее муж: по свежим впечатлениям от своей семейной жизни В. Н. Назарьев написал пятиактную пьесу «Золотые сердца», которая спустя долгое время на два вечера, 11 и 12 ноября 1882 года¹⁸⁸, украсила сцену Малого театра.

Пьеса, в основе своей имея историю брака Назарьевых, идеализировала и облагораживала изначально сложившуюся ситуацию. Обедневшие дворяне Пыхчевы (имеются в виду Манкошевы) воспитывают благородную и добрую дочь Марусю (Капитолина Валериановна), которая, принося себя в жертву семье, выходит замуж за Краснобаева (В. Н. Назарьев), ссудившего денег отцу Маруси и тем самым спасшего его от долгового позора. Однако, не

¹⁸⁵ Назарьева К. В. Дорогой ценой. СПб.: Паровая скоропеч. Я. И. Либермана, 1898. 315 с.

¹⁸⁶ Ф. Ф. Фидлер около 30 лет (1888–1917) вел на немецком языке заметки; общее название – «Из мира литераторов». – «Хроника наблюдений» за знакомыми русскими и немецкими литераторами // Фидлер Ф. Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фидлер,_Фёдор_Фёдорович. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹⁸⁷ Прожито. (Дневники и записи). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221890-01-01%22&diaries=%5B1393%5D>. [Дата обращения: 13.01.2022].

¹⁸⁸ «На титульном листе пьесы “Золотые сердца” чьей-то рукой написано: “Провалилась торжественно!”. Архив Малого театра // Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.: АСТ, 1997. С. 28–29.

выдержав жизни с нелюбимым мужем, Маруся вместе со студентом-медиком Лавриком (Н. Ф. Борхсениус) уезжает в Петербург, где становится известной писательницей. С этого момента пьеса серьезно искажает события реальности, видимо, представляя финал этой истории в том свете, в каком хотелось бы их видеть В. Н. Назарьеву. А именно: Маруся, вознесшись на вершину литературной славы, бросает студента, тот встречается с бывшим мужем Маруси и рассказывает ему, как Маруся борется за права женщин, как она умна и талантлива. Но вскоре дела Маруси идут все хуже и хуже, ее преследует полиция, она перестает писать и посвящает себя уходу за больными и калеками. Прежний муж со слезами на глазах пишет ей трогательные письма, умоляя вернуться (что было бы физически невозможно — к тому времени В. Н. Назарьев уже был женат в третий раз), но она отказывает ему, предпочитая остаться свободной и самостоятельной.

Следует заметить, что пьеса В. Н. Назарьева уступила успеху «Специалиста» Назарьевой, где излагались те же события: в оба вечера она была «ошикана» партером Малого театра за представление на сцене тех самых непривычных «новых отношений». Через год, 29 ноября 1883 года в Симбирске пьесу принял к постановке частный театр В. М. Булычева. Власти до последнего не хотели давать разрешение на ее представление, однако все же подписали афишу и премьера состоялась с оглушительным успехом. Исследователь творчества В. Н. Назарьева полагает что причиной успеха стало то, что тематика пьесы была ближе провинциальному зрителю, поскольку именно сцены у мирового судьи или в школе были более узнаваемы жителем российской провинции, нежели столичным¹⁸⁹. После этой премьеры пьеса больше никогда и нигде не ставилась, и навсегда легла в архивы.

Впоследствии, уже в советское время, она и вовсе не имела шанса быть оттуда извлеченной, поскольку друживший с семьей Ульяновых

¹⁸⁹ Миронова Н. В. Драматургические произведения В. Н. Назарьева // Симбирский научный Вестник. 2017. № 1. С. 117–120.

В. Н. Назарьев образы дворян Пыхчевых возводил в том числе и к ней, а прямое совпадение имени Маруся могло бросить тень на честную репутацию Марии Ильиничны Ульяновой¹⁹⁰. Однако с распадом СССР никогда более не видевшая света пьеса снова стала причиной скандала: утратив биографическую нить-связку между событиями столетней давности, не знакомые с биографией и воспоминаниями В. Н. Назарьева исследователи напрямую стали указывать уже на полное соответствие истории «Золотых сердец» с реальной историей семьи Ульяновых¹⁹¹.

Как бы то ни было, но оба супруга в своих «воспоминаниях» об этом периоде их жизни одни и те же упоминаемые ими эпизоды по-разному и серьезно мифологизировали (о чем будет идти речь впереди).

После развода, напомним, Назарьева с маленьким сыном на руках приехала в Петербург: «Первые два-три месяца мне было очень трудно. <...> у меня был ребенок, кормилица и мы жили на Выборгской, занимая небольшую комнату»¹⁹². Поскольку отношения с отцом ребенка не сложились, ей следовало каким-то образом содержать себя и сына. Долгое время она работала в редакции «исторического журнала»¹⁹³ и занималась переписыванием «старинных документов, писем»¹⁹⁴, переводами, после чего «в течение пяти лет служила конторщицей и секретарем при газете “Судебный вестник”, получая 30 р. жалованья за 7–8 часов труда в день! Последние два года жалование это возросло до 50–60 р., но газета вскоре прекратила свое существование и для К. В. опять наступил вопрос о куске хлеба для семьи»¹⁹⁵.

Около двух лет, до закрытия «газеты»¹⁹⁶, Назарьева занималась приемом подписки, объявлениями, ведением кассовых книг, расчетами с

¹⁹⁰ Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.: АСТ, 1997. С. 28–29.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 108.

¹⁹³ Там же. С. 106.

¹⁹⁴ Там же. С. 107.

¹⁹⁵ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

¹⁹⁶ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 108.

сотрудниками, выдачей гонораров, перепиской, продажей книг¹⁹⁷, и еще огромный объем работы брала на дом: «Я брала переписку, шила белье для магазинов, делала игрушки на продажу, раскрашивала какую-то игру по заказу, словом, не отказывалась ни от какой работы, но все это были гроши, жалкие гроши»¹⁹⁸. Брала корректуру, «работала в переплетной, шила даже на рынок рубашки, клеила и продавала в табачные лавки домики»¹⁹⁹.

Между тем семья Назарьевой стремительно росла. Вслед за родившимся в 1872 году Николаем один за другим — до 1877 года — последовали еще два сына, а в 1894 году на свет появилась дочь Ольга.

Вместе с семьей росли и потребности: «У меня теперь никакой определенной работы, — пишет Назарьева Н. К. Михайловскому в письме от 31 августа [б. г.]. — Ничего впереди, а на руках 4 детей, нуждающихся в помощи. Я работала и работаю из последних сил, но... **Одно** [выделено автором. — М. А.] перо, а потребностей, самых законных так много»²⁰⁰.

К сожалению, имена отцов остальных троих детей Капитолины Назарьевой нам неизвестны. Понятно только, что она любила рожденных от них детей и даже специально написала об этом повесть: «Я только что закончила повесть, листа 4, т.е. 4–4,200 строк. Название “**Сила могучая**” [вероятно, повесть не была издана. — М. А.]. Считаю удачной вещью. (**Сила могучая** — это дети [выделено автором. — М. А.], во имя которых надо и можно придавить личный любовный и карьерный вопрос)»²⁰¹. При всех стесненных ее средствах она стремилась устраивать для своих детей праздники и дарить им подарки: «Я думала, что к Пасхе она будет уже напечатана, и мне не придется беспокоить г. Карновича, но, увы, праздники требуют много денег, а ребяташки — <неразобр.> так что поневоле нужно прибегать к авансам»²⁰². По-видимому, она принимала неформальное участие в их делах, о чем свидетельствует письмо ее К. К. Арсеньеву от 27 февраля

¹⁹⁷ Там же. С. 111.

¹⁹⁸ Там же. С. 111–112.

¹⁹⁹ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

²⁰⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Михайловскому Н. К. от 31 авг. [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.

²⁰¹ Письмо Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. от 30 янв. 1899 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.

²⁰² Письмо Назарьевой К. В. к Быкову П. В. от 25 марта [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

1899 года: «Позвольте мне, от лица матери, товарищей моего сына студента, от старых студентов и, наконец, от себя, старого, но маленького публициста (пишу под псевдонимом Н. Левин) принести Вам выражение глубокой и уважительной признательности»²⁰³.

Вся жизнь Капитолины Назарьевой прошла в бесконечных хлопотах о том, как устроить детей. Так, в письме к Н. К. Михайловскому от 31 августа [б. г.] она взывает: «Я знаю, как вы отзывчивы, знаю, что вы сами отец и, вот, совсем Вам неизвестная, решаюсь просить. Вот уже 15 лет как я пишу и печатаюсь, держа и воспитывая на свои, рабочие гроши, четверых детей. Старшему уже 20 лет, но он еще не на своих ногах, и я нужна всем им. Между тем мои силы слабеют, и я мучусь жестокими головными болями, мешающими работать по 10–12 ч. в сутки, как я это делала еще недавно... В данное время я должна заплатить за сына 150 р. в гимназию и 152 р. 50 коп. за дочь в Институте. Денег нет и достать их нет возможности. Я обратилась в Литер.<атурный> Фонд (послала на имя В. И. <неразобр.>), но никого из членов комитета не зная и сама не пользуясь известностью, боюсь неудачи. Я прошу как особой милости внести плату за мою дочь, Ольгу Назарьеву, в институт Принцессы Ольденбургской (на Каменностр. пр.) 152 р. 50 коп., только за это полугодие»²⁰⁴.

Нам неизвестны ни имена еще двоих ее сыновей, ни их дальнейшие судьбы. Лишь пунктиром намечены начала их пути по немногим упоминаниям о них в сохранившихся материнских письмах. Так, из ее письма к А. П. Чехову от 28 октября 1896 года, мы узнаем, что: «Мой младший сын-юрист 2-го курса и два офицера-подпоручики, да дочь-гимназистка 4-го курса, все это выращено **на женский литерат.<урный> труд** [выделено автором. — М. А.] и уже любит литературу»²⁰⁵. Впоследствии, как мы помним, Ольга по окончании гимназии поступит в Санкт-Петербургское

²⁰³ Письмо Назарьевой К. В. к Арсеньеву К. К. от 27 февр. 1899 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371.

²⁰⁴ Письмо Назарьевой К. В. к Михайловскому Н. К. от 31 авг. [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.

²⁰⁵ Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 28 окт. 1896 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

женское училище (институт) Принцессы Терезии Ольденбургской, и далее ее следы теряются²⁰⁶.

Наиболее полно можно проследить лишь судьбу старшего сына Назарьевой — Николая. Из писем Назарьевой очевидно, что он был военным: «Сделайте мне громадное одолжение прочтите мой эскиз “Рабыня” и, если удостоите его принять для “Звезды”, устройте мне, очень прошу получку авансом. Эти дни деньги нужны до крайности (сына в полк отправляю 1-го окт.<ября>) **обязете бесконечно** [выделено автором. — М. А.]»²⁰⁷.

Известно также, что судьба сына в полку не была слишком гладкой, а сам он не отличался особо «благопристойным» поведением: в письме от 27 января [б. г.] к Н. В. Гаврилову Назарьева пишет: «**Я должна сегодня послать переводом** [выделено автором. — М. А.] эту сумму в Петрозаводск. <...> Убедительно прошу Вас, всегда любезный Николай Васильевич, **дать эти сто рублей сегодня** [выделено автором. — М. А.]. Дорог каждый день. Солдатики покрали из цеха... “казенное” имущество и, если не покрыть растрату, — под суд пойдут за всякую дрянь, в виде старых мундиров. Пожалуйста успокойте “материнское” сердце Левина»²⁰⁸.

Существуют и неподтвержденные сведения о том, что на 1 января 1909 года Николай Николаевич Назарьев числится капитаном в 3-ем Восточно-Сибирском стрелковом полку. По-видимому, он погиб на фронтах Первой Мировой войны²⁰⁹.

В материальном плане ни известность писательницы, ни трудолюбие не давали ей выбраться из нищеты. «Два раза продавали все мое имущество, продали мою дорогую с большими лишениями составленную библиотеку, и я больше не заводила такой роскоши, стараясь сокращать свои потребности. Подобные погромы, как опись и продажа имущества, повторяю, являлись

²⁰⁶ Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. О литературной репутации К. В. Назарьевой: по материалам переписки // Художественная антропология: Актуальные вопросы литературоведения. Сб. науч. статей / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2019. С. 87–90.

²⁰⁷ Письмо Назарьевой К. В. к Зарину А. Е. от 29 сент. [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 210.

²⁰⁸ Письмо Назарьевой К. В. к Гаврилову Н. В. от 27 янв. [б. г.] // ИРЛИ РАН. Ф. 564. Ед. хр. 55.

²⁰⁹ Офицеры РИА. Назарьев Н. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gia1914.info/index.php?title=Назарьев_Николай_Николаевич. [Дата обращения: 13.01.2022].

последствием болезни. Для человека, живущего исключительно литературным заработком и не знающего ничего определенного, болезнь — это полное разорение. Один год, я хорошо помню его, — вся семья моя и я, мы так часто болели, благодаря квартире, что к весне я была должна в аптеки более 400 рублей! Кроме этого долга явился другой за квартиру, в лавки, прислуге! Словом, получилось нечто ужасное и если я снова выбилась из тисков и опять встала на ноги, то благодаря литературному фонду. Мне удалось отвезти семью в деревню, а самой, в качестве корреспондента, поехать на выставку в Екатеринбург»²¹⁰.

Семья, тяготы и невзгоды, связанные с ней, наложили на жизненный путь Капитолины Назарьевой неизгладимый отпечаток, заставив братья за любую работу. Она писала романы, повести, рассказы, была прекрасным журналистом-репортером, драматургом, детским писателем и даже «подписчиком» иллюстраций. Сама она в письме к А. Е. Кауфману [б. д.] так сформулировала основную проблему всей своей жизни: «Моя просьба об высылке гонорара объясняется тем, что живу **исключит.<ельно>** [выделено автором. — М. А.] литературными трудами и имею 4 детей»²¹¹, раскрыв смысл и содержание ее в другом письме — от 3 сентября 1880 года П. В. Быкову: «Только вообразите себе мое положение: трое детей, а я на вр.<еменной> работе <...>, и это положение длится 2 м<еся>ца!.. Есть от чего прийти в отчаяние... Писать что-либо свое, когда гложет нужда о рубле — немислимо, ничего не идет в голову»²¹².

Подгоняемая постоянной нуждой в заработке, «пролетарий литературного труда»²¹³, как она сама себя называла, оставила после себя более пятидесяти романов ²¹⁴ разнообразных видов и жанров, щедро рассыпанных по многочисленным газетным и журнальным страницам того

²¹⁰ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 125.

²¹¹ Письмо Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. [б. д.] // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.

²¹² Письмо Назарьевой К. В. к Быкову П. В. от 3 сент. 1880 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

²¹³ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 122.

²¹⁴ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220–221.

времени. Ее печатали: «Артист», «Астраханский Вестник», «Биржевые Ведомости», «Будильник», «Вестник Европы», «Всемирная иллюстрация», «Гражданин», «Дело», «Живописное обозрение», «Звезда», «Колосья», «Московская иллюстрированная Газета», «Наблюдатель», «Новое Время», «Новороссийский Телеграф», «Новости дня», «Одесский Вестник», «Петербургский листок», «Родина», «Русское богатство», «Русская мысль», «Свет», «Север», «СПб. Ведомости», «Стрекоза», «Театральная Библиотека», «Театральный мирок», «Художник», «Шут», «Южный Край»²¹⁵, «Домашняя библиотека» (работала еще и редактором), «Задушевное слово», «Минута» Баталина, «Нива», «Новости», «Новь», «Новый мир», «Осколки» (работала еще и редактором этого журнала), «Петербургская Газета», «Сын Отечества» (заведовала некоторыми отделами), «Улей» (заведовала некоторыми отделами), «Эхо»²¹⁶, «Волгарь»²¹⁷, «Иллюстрированный мир», «Модный свет», «Отголоски», «Приднепровский край», «Северный курьер»²¹⁸ и др.

Во всех этих изданиях она публиковалась под многочисленными псевдонимами: Альберт, Елизаров К., Зан Вера, Калина Н., Каэн²¹⁹, Андреева, К. Н., Канищев, Кэн, Ле-н Н., Л-н Н., Мека, Н. Л., Наз-ева К., Панова И., Панова Ив., Стоянов Марк, Энка²²⁰, Никулина К.²²¹, Ошво Л., К. В. Н.²²², Энель²²³. При тщательном изучении творчества писательницы оказалось, что исследователями ранее были установлены не все ее псевдонимы. Нами этот список был дополнен следующими

²¹⁵ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

²¹⁶ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²¹⁷ [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 376–377.

²¹⁸ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220.

²¹⁹ Псевдонимы установлены по: Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²²⁰ Псевдонимы установлены по: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. / Под ред. Б. П. Козьмина [и др.]. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюз. кн. Палаты, 1960. С. 330.

²²¹ Псевдоним установлен по: Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

²²² Псевдонимы установлены по: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 220.

²²³ Псевдоним установлен по: Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

подтвержденными сокращениями: Л-в-н Н.²²⁴, Леви Н.²²⁵, Левин²²⁶, Н. К.²²⁷, Н.-Л-н²²⁸.

При этом публицистику Назарьева чаще подписывала именем «Н. Левин»²²⁹. Ее последний издатель А. А. Измайлов писал: «Своим псевдонимом “Н. Левин” покойная, по ее словам, обязана печальному случаю, — полицейской описи ее собственности, вызвавшей необходимость значиться в редакционных денежных книгах под вымышленным именем»²³⁰. Некоторые из ее романов — «Скорбный путь»²³¹, «Развенчанная королева»²³², сборник рассказов «Порыв»²³³ и др. — имели по три-четыре переиздания и при жизни писательницы были переведены на шведский, французский, итальянский и даже сербский языки²³⁴.

В середине 1880-х годов она пробует себя в драматургии, отчасти адаптируя для сцены собственные романы (например, «Тревожное счастье»²³⁵), отчасти создавая оригинальные тексты (первая пьеса «Два полюса (Опасные люди)»²³⁶). Ее произведения принимают к постановке такие известные театры, как Труппа Корша и особенно охотно — коммерческие труппы меньшей значимости, например, такие, как труппа

²²⁴ Псевдоним установлен по: Л-в-н Н. [Назарьева К. В.] Лечебное заведение для чахоточных в Герберсдофе доктора Г. Бремера // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 29. № 20. С. 387.

²²⁵ Псевдоним установлен по: Леви Н. [Назарьева К. В.] Электротехника (в 2-х ч.) // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 20. С. 359–361.; № 21. С. 379.

²²⁶ Псевдоним установлен по: Левин [Назарьева К. В.] Ферморс // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 24. С. 465.

²²⁷ Н. К. [Назарьева К. В.] Без названия // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 12. С. 218.

²²⁸ Псевдоним установлен по: Н.-Л-н [Назарьева К. В.] Старый рыбак // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 22. С. 234.

²²⁹ Письма Назарьевой К. В. к Жемчужникову А. М. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 101. М. 4818. Ед. хр. 20.

²³⁰ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²³¹ Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. СПб.: Тип. Лебедева, 1885. 322 с.

²³² Марк Стоянов [Назарьева К. В.] Развенчанная королева: Роман из современной сербской придворной жизни в 2-х ч. // Прил. к газ. «Сын отечества». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 456 с.

²³³ Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1891. 368 с.

²³⁴ Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. Литературная жизнь конца XIX века в переписке К. В. Назарьевой // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. № 3. С. 248–252.

²³⁵ Назарьева К. В. Тревожное счастье // Наблюдатель. 1884. № 2. С. 3–45.; № 3. С. 3–45.; № 4. С. 3–45.

²³⁶ Назарьева К. В. Два полюса (Опасные люди): Драма в 4-х актах. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 74 с.

Е. Н. Горевой, особенно охотно ставят «на всех частных»²³⁷ сценах в Санкт-Петербурге, в том числе и «в зале А. И. Павловой»²³⁸.

Все это не принесло ей материального благополучия: «Так или иначе, но все эти прижимки <издателя> с целью дешевой покупки, <...>, — все доказывало, что у меня составляется маленькая известность. Но увы, если она и создавалась, если я все чаще и чаще выслушивала лестные похвалы и вопросы: “что вы теперь пишете?” — то жить было все так же трудно»²³⁹.

Более того, будучи известной и знаменитой, она так и не получила достойной репутации в кругу писателей, всю свою жизнь оставаясь по отношению к ним как бы восторженной курсисткой, искренне благоговевшей перед творческим даром своих талантливых современников. «Я не могу Вам передать словами того счастья, которое охватило меня, когда я получила Ваше письмо»²⁴⁰, — писала она 3 февраля 1877 года к Ф. М. Достоевскому, и в другом письме, от 16 февраля 1877 года, добавляла: «Знаете ли Вы, что я так высоко ставлю Вас над всеми людьми, что мысль увидеть Вас, лично, у Вас, или у себя, меня играет и радует»²⁴¹. Она остается восхищенным зрителем спектаклей по их пьесам: «Я одна напр.<имер>, на 2-м представлении “Чайки” видела, чувствовала отношение публики, пьеса понравилась»²⁴² (из письма к А. П. Чехову от 28 октября 1896 года), редактором, качественно обслуживавшим их публикации: «Сделайте одолжение передайте М. Горькому просьбу выслать на мой адрес его последнюю карточку. Е. Е. Лесинский хочет поместить его портрет в своем журнале, а в Петербурге нет хорошей карточки (большой)»²⁴³, и вот: «Не читали ли [выделено автором. — М. А.], случайно, “Одес.<ские>

²³⁷ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

²³⁸ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 221.

²³⁹ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 112.

²⁴⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. от 3 февр. 1877 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.

²⁴¹ Письмо Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. от 16 февр. 1877 г. // Там же.

²⁴² Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 28 окт. 1896 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

²⁴³ Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 3 [б. м.] 1900 г. // Там же.

нов.<ости>” “продернули” меня за восторженный отзыв о Горьком»²⁴⁴ (из письма к А. П. Чехову от 3 [б. м.] 1900 года). О ее существовании знают все (А. П. Чехов пишет письмо, адресованное М. Горькому, от 12 июля 1900 года: «Получили мое письмо? Ответили Назарьевой?»²⁴⁵), и в то же время для своих высокоодаренных коллег она как бы и не существует, вызывая самую разнообразную гамму чувств — от насмешки до ненависти. Характерно в этом смысле письмо Н. С. Лескова к А. С. Суворину от 19 апреля 1888 года по поводу участия Назарьевой в сборнике памяти В. М. Гаршина: «Вы писали Гайдебурову о Назарьевой, которой дали 75 руб., и написали, по их мнению, “резко” (словно “насмешка” не идет их величию), а почему бы не резко, но пристально не раскрыть служение их “Культу мертвых”? Это и есть **мое заглавие** [выделено автором. — М. А.]: “Культ мертвых”, под которым было два случая раздавить их как холодных гадин и бросить всем на смех, но Вы молчите и не хотите даже вызваться дать место»²⁴⁶.

И. А. Бунин в своем письме от 14 мая 1892 года к Ю. А. Бунину был еще более беспощаден: «Был я сегодня в Ельце, у Пашенко. Позвонил с парадного (Варя тоже приехала со мной — специально поехали), и отворил мне сам Пашенко, пригласил в кабинет. За закрытыми дверями шел крик — то спорила Варя с матерью, — а у нас пошел разговор... какой — не умею даже передать. Сказал он мне, что найдешь в каждом говенном романе Назарьевой, в котором какой-нибудь незаконный сын влюблен в дочь богатейшего купца или графа и граф узнал все... “Граф ходил большими шагами по кабинету”... Да, “граф” ходил по кабинету и говорил, что я Варваре Владимировне “не пара”»²⁴⁷.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 9: Письма, 1900 – март 1901 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1980. С. 93.

²⁴⁶ Лесков Н. С. Письма Суворину А. С. от 19 апр. 1888 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/pisma/pismo-210.htm>. [Дата обращения: 13.01.2022].

²⁴⁷ Бунин И. А. Бунин И. А. – Бунину Ю. А. от 14 мая 1892 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-146.htm>. [Дата обращения: 13.01.2022].

Так, обожаемая читателями, не принимаемая современниками, Капитолина Назарьева умерла 14 (27) декабря 1900 года²⁴⁸ в Петербурге пятидесяти двух лет от роду от воспаления легких²⁴⁹: «тяжелую трудовую жизнь вела К. В. <...>. Только смерть принесла ей тот покой, о котором страстно, но тщетно она мечтала при жизни. С месяц назад прекратились ежедневные беседы К. В. с читателем. Недуг, никому не казавшийся роковым, сломил друга провинции и приковал ее к дому, но еще не совсем вырвал перо из ее рук. Больная, она еще некоторое время находила силы писать. Но организм был жестоко переутомлен. Инфлуэнца осложнилась и перешла в воспаление легких. Прикованная к постели, она сохраняла энергию духа, до последнего времени интересовалась судьбами литературы, которой посвятила всю свою жизнь»²⁵⁰.

Похоронена писательница была на Волковом кладбище, на «Литераторских мостках»²⁵¹.

Систематизированные в работе архивные материалы, отдельные воспоминания и фрагменты биографических данных из словарных статей, посвященных Назарьевой, позволили нам подтвердить принадлежность Назарьевой к дворянскому сословию, воссоздать историю ее рода, выявить основные вехи ее жизни и творчества. Частично, из немногочисленных писем писательницы, нам удалось реконструировать ее образ жизни и литературные связи, а также разыскать, систематизировать и существенно расширить список опубликованных ею при жизни романов, повестей, рассказов, пьес и некоторую часть публицистических статей. Реконструкция библиографии Назарьевой открыла возможность восстановить и дополнить ряд псевдонимов писательницы.

²⁴⁸ «Капитолина Валериановна Назарьева, после продолжительной и тяжелой болезни скончалась сего 14 декабря в 1-м часу пополудни, о чем дети покойной с глубоким прискорбием извещают родных и знакомых» // [Б. а.] Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

²⁴⁹ [Б. а.] К. В. Назарьева (Некролог) // Нива: Илл. журнал лит-ры и совр. жизни. 1901. № 3. С. 60.

²⁵⁰ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²⁵¹ Скорбим.com (Международная система поминовения усопших) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://skorbim.com/мемориал/назарьева_капитолина_валериановна.html. [Дата обращения: 13.01.2022].

Мы увидели, что Капитолина Назарьева, будучи потомком старинной дворянской семьи, решительно порвала с традиционными для ее круга представлениями и коренным образом изменила привычный для ее социального слоя образ жизни. Сложившееся под влиянием споров вокруг «женского вопроса» и идей Н. Г. Чернышевского мировоззрение писательницы навсегда определило ее стремление к равенству с мужчиной, самостоятельности, построению нового типа семьи и самореализации в осмысленном творческом труде.

1.2. Литературный дебют К. В. Назарьевой в журнале «Вестник Европы» и проблема мифологизации биографии

22 августа 1891 года уже известная в те годы массовому читателю беллетристка Капитолина Валериановна Назарьева в квартире на Надеждинской улице, д. 11 в Санкт-Петербурге запечатывает в конверт письмо, адресованное ее бывшему мужу Валериану Никаноровичу Назарьеву. Строчки этого письма пронизаны человеческой теплотой и волнением: «Трудно передать как глубоко меня порадовало Ваше письмо, уважаемый и добрый Валериан Никанорович. <...> Вы, умный, светлый, тонкий, глубокий наблюдательный че<лове>к, и умеете подмечать жизнь как она есть, (но это искусство, талант). <...> Знаете ли, дорогой Валериан Никанорович, от Вашего письма пахнуло возможностью поговорить (хотя письменно) с понимающим человеком! С человеком вдумчивым и глубоко относящимся к жизни. <...> Ваше письмо “идейное”, славное письмо писателя, душа которого не может не болеть, разбудило во мне жгучее настроение: Человек заговорил! <...> (вообще если бы я смела просить, я бы сказала, что переписываться с Вами, доставило бы мне громадное удовольствие)»²⁵². Письмо наполнено также покаянием: «Ради Христа,

²⁵² Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.;

теперь много побольше о себе! Чем живете, нравственно конечно, что согревает, ласкает, доставляет удовлетворение? (Как я глупа была в 20 лет! Как не понимала Вас!)»²⁵³.

К писательскому труду Назарьеву привело отнюдь не вдохновение и жажда творчества, а весьма прозаическая потребность как-то зарабатывать деньги ценой «кипучей работы ради необходимости»²⁵⁴, о чем она писала в воспоминаниях как о годах «работы спешной, заказной, под гнетом страха, заботы, обеспечивающей существование четверых детей»²⁵⁵. «Нужно было придумать что-нибудь, изобрети ренту, не имея капитала, — вспоминала она. — Дети росли, хворали, стремились на воздух, нуждались в обуви, в молоке, в сытной пище, <...>. И вдруг совершенно неожиданный Божественный толчок. В одном из толстых журналов я увидела повесть, написанную моею знакомой. “Если она может, то почему же я не могу попробовать”, — явилась ко мне мысль. <...> Мне казалось, что быть писателем что-то настолько трудное, ответственное и высокое, что надо родиться исключительным человеком и всю жизнь готовиться к такой деятельности. <...> скрывая от всех свой замысел, я начала писать»²⁵⁶.

Литературный дебют Назарьевой — повесть²⁵⁷ «Специалист (Страница из женской жизни)» (1879), рисующая, как уже было сказано ранее, скандальные перипетии ее собственного бракоразводного процесса²⁵⁸ самым неожиданным образом, что странно для молодого и начинающего автора, она

Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. Литературный дебют К. В. Назарьевой и проблема литературной репутации // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3. С. 393–396.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. Переписка К. В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». М.: МГПУ, 2019. № 1. С. 113–118.; Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 117.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С. 111–112.

²⁵⁷ В статье «К. В. Назарьева» А. Богданович указывает, что это не повесть, а рассказ // Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

²⁵⁸ Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. Литературная репутация К. В. Назарьевой как автора русского «Дамского романа» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета / Под ред. А. А. Шаталова. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. № 4. С. 55–59.

сразу была напечатана в одном из самых главных журналов России — «Вестнике Европы».

Журнал «Вестник Европы» в России в 60–70-х годах XIX века являлся старейшим и авторитетнейшим печатным органом, поскольку вел свою историю с 1802 года, когда первым его редактором был Н. М. Карамзин (1766–1826), под руководством которого впоследствии было выпущено 44 номера²⁵⁹. С 1805 года главным редактором стал историк, профессор Московского университета Т. Н. Каченовский, под чьим руководством журнал несколько изменил свою направленность: «Пусть, — писал он, — рождающееся периодическое издание будет носить имя одного из наших старых журналов, который был основан Н. М. Карамзиным»²⁶⁰. В редколлегию вошли наиболее именитые на тот момент профессора либеральных взглядов Санкт-Петербургского университета. Их объединяло то, что все они оставили кафедры, протестуя против правительственных мер в системе высшего образования (М. М. Стасюлевич, В. Д. Спасович, А. Н. Пыпин, Б. И. Утин). Наиболее известными фигурами, работающими в журнале были блестящие литераторы-публицисты: К. К. Арсеньев, Л. З. Слонимский, А. Ф. Кони, Вл. С. Соловьев, В. Ф. Корш и др.

Отдел беллетристики блистал именами М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Д. М. Мамина-Сибиряка, А. И. Эртеля. Поэтический отдел печатал А. Н. Плещеева, А. Н. Толстого, А. А. Фета, А. Н. Апухтина и Я. П. Полонского. Последний долгое время вел в журнале отдел «Внутреннее обозрение».

²⁵⁹ «Вестник Европы» Н. М. Карамзиным изначально был реализован как социально-политически-литературный журнал, строго ориентированный на достижения Европейской цивилизации. По мысли редактора он должен был быть наполнен «извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главные части его» // Цит. по: Якимова С. И., Наумова В. В. Журнал «Вестник Европы»: история и современность // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Т. 8. № 3. С. 152. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/1784/>. [Дата обращения: 13.01.2022].; Феноменальный успех ожидал издание уже с первого номера: его пришлось допечатывать. Причин такого успеха можно было бы выделить, как минимум, три. Это и личная известность главного редактора — автора нашумевших «Писем русского путешественника» (1791–1792) и «Бедной Лизы» (1792), и особое, специфическое «устройство» журнала, задуманного как «единый монолог издателя, выражающий его политическую установку» // Лотман М. Ю. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 287.

²⁶⁰ От редакции. О Программе «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1866. Т. 1. С. VI.

В 1866 идея возобновить «Вестник Европы», закрывшийся на какое-то время, пришла в голову либеральному историку, публицисту, земскому деятелю, профессору Петербургского университета Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу (1826–1911).

Сначала журнал публиковался толстыми книгами в твердом переплете объемом 300–500 страниц раз в три месяца, но с 1868 года стал ежемесячным. Регулярность, хорошее качество печати и отсутствие задолженности по авторским гонорарам делали журналу репутацию солидного издания. Тематически каждый номер содержал в себе обязательные два раздела. Открывался журнал традиционно романом, повестью или рассказом, далее шли научные статьи по социологии, истории, философии и т.д.

Вторая часть — «Хроника» — включала в себя тематические материалы по следующим разделам: «Внутреннее обозрение», «Иностранная политика», «Литературное обозрение» и «Известия». Завершалась она «Библиографическим листком». Иначе говоря, каждый номер сочетал функции литературно-художественного сборника, политической газеты и своеобразной научной энциклопедии. По числу подписчиков «Вестник Европы» уступал только «Отечественным запискам» Н. А. Некрасова. К середине 1870-х годов тираж «Вестника Европы» превысил очень серьезную цифру — 8 тыс. экземпляров.

География распространения журнала неуклонно росла, далеко выходя не только за границы Санкт-Петербурга, но и России. Журнал распространялся даже через земские органы. В обязательном порядке он оказывался и в публичных городских библиотеках.

Под редакцией М. М. Стасюлевича журнал просуществовал до 1908 года (до смерти главного редактора), а далее, уже под другим руководством, сначала социолога и политика Максима Максимовича Ковалевского и после

его смерти — Константина Константиновича Арсеньева — до 1918, когда был закрыт пришедшими к власти большевиками²⁶¹.

Особенностью данного журнала являлось то, что он изначально ориентировался не только на «простого читателя», но и главным образом — на читателя, имеющего отношение к властным кругам России. Отсюда был выработан особый стиль подачи материала, как бы от лица российского жителя, наблюдающего и сравнивающего отечественную и европейскую действительность и страстно заинтересованного усовершенствовать последнюю, устроив ее по цивилизованному европейскому образцу²⁶².

Наряду с литературными произведениями, изрядную часть журнала составляли материалы по проблемам законодательства, политической истории, международных отношений России, социальной жизни и образования. Они определялись как программные статьи «Вестника Европы» и составляли его политическую и эстетическую позицию. Сквозной мыслью, пронизывающей все эти материалы, являлось постоянное сравнение данных сфер человеческой жизни Европы и России с уклоном в пользу безусловной правоты и цивилизованности европейского примера, которому негласно (а подчас и гласно) предлагалось подражать.

Сравнение осуществлялось целым рядом приемов, которые мастерски применяла редакция, принимая материалы к печати, формируя номер или перспективу публикаций на несколько номеров в целом. Помимо прямых рекомендаций для правящих кругов России, которые позволяли себе авторы «Вестника Европы» (как, например, в обзоре «Русские законы о печати», где содержался откровенный совет заимствовать европейский опыт подчинения

²⁶¹ Журнал «Вестник Европы» был закрыт по причине того, что «ярко выражал либеральные стремления, а в условиях политической реакции правительства Александра III оказался главной трибуной для прогрессивных общественных сил» // Итенберг Б. С. Революционеры и либералы пореформенной России // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 104–130.

²⁶² В какой-то мере «Вестник Европы» не только ориентировался на определенного читателя, но и формировал его — интеллигенцию (ученых, историков, литераторов, искусствоведов, учителей), поскольку «интеллигенция везде и всегда опережает сознательную мысль народа» // [Б. а.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1881. № 5. С. 346.

органов печати судебной власти), издание пользовалось и не прямыми способами воздействия на общественное мнение²⁶³.

Социально-политическая направленность журнала не мешала редакции размещать на страницах «Вестника Европы» обзоры выходящей литературы, критические разборы премьерных спектаклей, обзоры художественных выставок и т.д. Однако ввиду общей социально-политической установки художественно-эстетическая полемика журнала все равно отражала особенности социально-политического противостояния в стране. Так, издание демонстрировало свою принципиальную позицию в вопросах искусства, признавая его негласно важным «идеологическим инструментом» социальной трансформации. Иначе говоря, все без исключения публицистические материалы в конечном итоге складывались в некую систему, основанную на единстве тематики, угла зрения и приемов подачи информации.

С такой же продуманностью в эту «рамку», создаваемую публицистикой, редакция размещала и литературные произведения, что порождало строго определенный контекст их восприятия читателем.

Не была исключением и повесть Капитолины Назарьевой, попавшая в один номер с «Парижскими письмами» Эмиля Золя, пьесой «Горелосчастье» В. А. Крылова (с ее проблемой униженного положения «маленького человека» — мелкого чиновника), обширным обзором «Наука и литература современной Англии» А. Рвьяяг, где несколько страниц посвящено женскому литературному труду, и большой статьей о проблемах «образования рабочего класса» П. Артамонова. Без понимания того, в какой контекст ставили «Специалиста» эти «окружающие» публикации, история попадания Назарьевой в «Вестник Европы», по крайней мере в том виде, в

²⁶³ Например, так было со статьями о праздновании юбилеев Боннского и Петербургского университетов, помещенных в номерах, вышедших из печати друг за другом. При этом празднование юбилея Боннского университета подавалось как «народное торжество» // С-кий А. Пятидесятилетний юбилей Боннского университета // Вестник Европы. 1869. № 2. С. 870–897.; Статья о чествовании Петербургского университета, вышедшая в следующем номере «Вестника Европы», «в красках» передавала атмосферу унылого официоза // О. Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни // Вестник Европы. 1869. № 3. С. 455–466.

каком сама писательница описывает ее в «Воспоминаниях», — практически история Золушки.

Мы знаем, что в первом издательстве, куда она обратилась (в каком, писательница не указывает), рукопись у нее не приняли²⁶⁴. Будучи к тому моменту матерью троих детей и предельно нуждаясь в деньгах, она пришла в «Вестник Европы» испуганной барышней: «в это мгновенье подошел сам редактор! — Рукопись? Позвольте... Маленькая вещь? Хорошо. Оставьте, отрывисто сказал он и, взяв рукопись, передал ее секретарю. <...> Редактор пожал плечами, как бы говоря, что не известно еще пригодится ли вещь, <...>. — За ответом зайдите, ну... месяца через три. Так, в начале ноября. <...> — У нас рукописей такая масса... Вернулась я домой совершенно разочарованная. <...> Ждать три месяца, долгих три месяца! Помню, возвратившись, я заперлась в комнате и стала перечитывать свою рукопись по черновику, стараясь представить себе, как будет читать ее редактор, что он подумает, как отнесется. Теперь мне особенно ясно представлялась вся дерзость моего поступка и неизбежность последствия. “В такой журнал отдать свою первую вещь, ни с кем не посоветовавшись! Да я может быть там ошибок грамматических наделала, запятые поставила не на место, в неокончательных наклонениях наврала!” терзалась я целый день. <...> На следующее утро, вместе с газетами, мне подали письмо. <...> Я лениво разорвала конверт и чуть не крикнула от радости. На бумаге, со штемпелем редакции стояли драгоценные строки: “Вчера, возвращаясь на дачу, я прочитал Вашу повесть. Она мне очень понравилась. Будет помещена в декабрьской или январской книге. Зайдите поговорить об условиях. Придется переменить заглавие и смягчить кое-что в цензурном отношении”. Только новичок, впервые получающий такое письмо, может понять овладевшее мною чувство радости, счастья и благодарности по отношению к редактору. Вместо трех месяцев, одни сутки, вместо страха — блаженство»²⁶⁵.

²⁶⁴ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 113.

²⁶⁵ Там же. С. 115.

А. А. Измайлов, вспоминая первый литературный опыт Назарьевой, который задал «творческий почерк» писательницы — протокольную очерковость — писал: «Это не была писательница с резкою индивидуальностью, это не был большой художник»²⁶⁶. Тем не менее П. В. Быков оценил повесть как «вещь художественную и талантливую»²⁶⁷ и подчеркнул, что «роман Назарьевой²⁶⁸ <...> прекрасный по форме, идейный, содержательный, с правдивой, жизненной обрисовкой фигур»²⁶⁹.

Грамотно, в соответствующем контексте поданная издателем повесть «Специалист» оказалась, что называется, на «злобу дня». А «скандальная», «феминистская» актуальная тема и «бесспорное дарование»²⁷⁰ писательницы способствовали быстрому возрастанию ее популярности, что и «дало ей возможность начать свою литературную карьеру в одном из лучших журналов»²⁷¹. О чем бы Назарьева не писала в дальнейшем, главной темой ее творчества были злободневные проблемы семьи и брака²⁷², «вопросы высшей нравственности», вопросы «об условной морали, о формализме человеческих отношений, о лицемерии века, об отцах и детях, об аномалиях воспитания, о свободной любви»²⁷³.

Середина XIX века — это стремительное падение рождаемости и числа заключаемых браков, зато кривая разводов и численность холостяков стремительно ползет вверх²⁷⁴.

Российское общество реагирует на эти процессы бурными дискуссиями в гостиных, салонах и прессе, резко разделившись на два оппозиционных крыла. Консервативные публицисты одной из основных причин распространения либеральных взглядов на семью и брак называли

²⁶⁶ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

²⁶⁷ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²⁶⁸ П. В. Быков в «Некрологе», посвященном писательнице, называет повесть «Специалист (Страница из женской жизни)» — романом // Там же.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

²⁷³ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

²⁷⁴ Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения Российских семей за 100 лет // Мир России. 1999. № 4. С. 58–70.

нравственное разложение русского общества, подпитываемое сентиментально-романтической литературой и искусством.

Консерваторы (представленные в т.ч. позицией обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева) считали, что «западные» либеральные веяния, стремительно распространявшиеся в России и влиявшие на неокрепшие умы молодежи, передаются посредством романов сентиментального характера и прочих становящихся модными произведений искусства. С ними была согласна Церковь, считавшая широкое распространение печатной продукции (журналов и книг) главной причиной нравственного разложения общества (мнение на сей счет духовенства отражал в своих публикациях обозреватель «Церковного 17 вестника» Н. П. Осипов).

Суммировано суть этих споров, берущих свое начало от романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в литературных произведениях и публицистических статьях, была выражена значительно позже — в последней четверти XIX века, формально — после вышедшего в 1879 году «Специалиста». Однако они как бы задним числом оформляли в стройные теории, нарастающие, вызревающие тенденции настроений общества периода третьей четверти XIX века.

А. М. Горький, А. В. Амфитеатров, М. А. Кузьмин, М. П. Арцыбашев и многие известные писатели и общественные деятели посвятили «женскому вопросу» и проблеме «распада семьи» немало внимания.

Много волнений вызвала публикация «Крейцеровой сонаты» (1890) Л. Н. Толстого, которая породила широчайшую дискуссию, затронувшую и церковные, и общественные круги. «Послесловие» к «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого и вовсе предлагало радикальное решение: супруги должны были отказаться от физической близости²⁷⁵ (влияние этих идей было столь сильно, что впоследствии сломало судьбу семьи А. А. Блока, например).

²⁷⁵ Л. Н. Толстой обосновывал свою позицию следующим образом: «в нашем обществе сложилось твердое, <...> убеждение в том, что половое общение есть дело необходимое для здоровья и что, так как женитьба есть дело не всегда возможное, то и половое общение вне брака, не обязывающее мужчину ни к чему, <...> есть дело совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемым. <...> это нехорошо, потому что не может быть того, чтобы для здоровья одних людей можно бы было губить тела и души

М. О. Меньшиков подхватывал и серьезно развивал тему. Сперва в сентябре — октябре 1897 года в «Книжках недели» одна за другой начали выходить статьи, наделавшие много шума. Затем они, изначально имевшие общее название «Элементы романа» в 1899 году вышли отдельной книгой с громогласным названием «О любви» (1899). Он полагал, что молодежь должна воспитываться без знания о наличии интимных отношений между людьми, начисто исключив из романов и повестей романтический флер, окутывавший любовные сюжеты: «Утверждая, что любовная страсть есть болезнь духа, я счел нужным напомнить картину его здоровья, безумию любви противопоставить разум ее. Этот разум я называю святой любовью (“любовь небесная” по Платону), причем делаю попытку связать с нею все явления духа: сознание не только блага, но и истины, и красоты»²⁷⁶.

Повесть Назарьевой «Специалист (Страница из женской жизни)» вписывалась в общий контекст русской культуры и литературы, где вопросы о кризисе в семье стояли очень остро.

Из биографии писательницы мы знаем, что ее развод был вызван именно соображениями «разума любви», правда, в духе и контексте Н. Г. Чернышевского. Затеявая развод, Назарьева, вероятно, полагала, что ей удастся построить то «светлое будущее» «новых отношений», которое мнилось ей за страницами романа «Что делать?». Однако на деле с таким трудом доставшийся Назарьевой развод и публикация «Специалиста» хотя и дали писательнице желаемую свободу, но возложили на нее тяжелый труд: «Из обеспеченной, даже богатой, жизни я перешла к положению пролетария <...> Мне принадлежало настоящее и будущее, но надо было укрепить его за собою»²⁷⁷.

других людей <...> такое половое общение есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость» // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22-х т. / Л. Н. Толстой. Т. 12: Произведения 1885–1902. М.: Художественная литература, 1982. С. 197.

²⁷⁶ Меньшиков М. О. О любви. О любовной страсти. Суеверия и правда любви. Любовь супружеская. Любовь святая. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. С. 12.

²⁷⁷ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 106.

«Специалист» Назарьевой по сути является своеобразным документальным пособием для историка литературы и историка быта и нравов того времени. В этом смысле повесть писательницы полностью отвечает мнению М. Е. Салтыкова-Щедрина, который полагал, что в «этом случае литература составляет, так сказать, достоверный документ, на основании которого всего легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования. Следовательно, изучение подобного рода произведений есть необходимость, есть одно из непременных условий хорошего литературного воспитания»²⁷⁸.

Повесть «Специалист» Назарьевой представляет собой описание «мытарств», через которые проходила женщина, вздумавшая оставить семью. «Я думаю, все узнаешь, когда походишь столько, сколько я походила! Вот уж никому не желаю перенести то, что мне довелось»²⁷⁹, — с горечью бросает одна из героинь Назарьевой.

В XIX веке и вплоть до революции 1917 года семейные отношения целиком находились в компетенции Церкви. Именно она и имела право установить причины, по которым между супругами был возможен развод: «прелюбодеяние; неспособность к брачному сожителству, если она оказалась прирожденной и добрачной; безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти лет; применение к одному из супругов, в качестве наказания, лишение всех прав состояния»²⁸⁰.

Назарьева в своей повести пользуется первой и самой «основательной» по церковному «реестру» причиной: прелюбодеяние одного из супругов, которое к тому же еще и надо было доказать. Для этого в суд представлялись не менее двух свидетелей, приводимых к присяге и подтверждавших после этого, что факт измены имел место, поскольку добровольное покаяние

²⁷⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20-ти т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др.]. Т. 5: Критика и публицистика. 1856–1864. М.: Художественная литература, 1966. С. 455.

²⁷⁹ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 63–94.

²⁸⁰ См.: Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX–нач. XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 162–163.

совершившего измену считалось недействительным. Доказанный факт неверности являлся поводом к разводу, а того из супругов, кто брал на себя вину, предавали семилетней епитимьи²⁸¹ и осуждали на «всегдашнее безбрачие»²⁸².

В «Специалисте» «всегдашнему безбрачию» была подвергнута героиня (как и автор повести — в реальной жизни), поскольку, по ее признанию, для «укорочения» процедуры грех измены она брала на себя: «мой муж не согласится ни за что, — отвечала я, вспоминая ультиматум, поставленный мне моим супругом. — Так что я поступлю так же, как и вы. Я возьму вину на себя. <...> но ведь это фикция, не более? Все будут знать, что это вымышлено. Это обход»²⁸³.

Унизительная процедура привлечения свидетелей вызывала широчайшее возмущение в обществе. И не только потому, что противоречила логике и здравому смыслу. Подбор «свидетелей», как показывает Назарьева, был, как правило, предметом дохода церковных стряпчих, что являлось чистой и беззастенчивой коррупцией, о чем эмоционально свидетельствует Назарьева в своей повести: «Эти люди! Они просто с ума сведут своей алчностью, вымогательством! Верите ли, даром слова не скажут! Деньги, деньги, вот их кумир! <...> Заломил сумму и сотни спустить не хочет. А свидетели-то мои»²⁸⁴, — говорит уже опытная «разводящаяся» Погребова, встречая героиню, впервые входящую в приемную стряпчего консистории. Факты вымогательства денег Назарьева в повести отмечает неоднократно. Так, например, при переговорах с героиней стряпчий консистории спрашивает: «Угодно ли вам так: десять тысяч и все мое? Одним словом, вам придется в консисторию всего один-два раза

²⁸¹ Дело о расторжении брака Штаб Ротмистра Валериана Никанорова Назарьева с женою его Капитолиной Валерьяновной за прелюбодеяние ее // РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 466. Ед. хр. 4.

²⁸² Там же.

²⁸³ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 94.

²⁸⁴ Там же. С. 66.

пожаловать, а муж хоть сейчас на все четыре стороны! И ни о свидетелях, ни о чем — никаких хлопот иметь не будете»²⁸⁵.

Назарьева показывает, что разводной «иск начинался с подачи в Духовную консисторию прошения супруга, который требовал расторжения брака. Исковое прошение должно было быть оплачено гербовым сбором с приложением копии документа, квитанции местного казначейства об уплаченной пошлине и копии метрической записи о браке»²⁸⁶. Затем ее пригласили на обязательную процедуру беседы со священником для прекращения «супружеского несогласия христианским примирением»²⁸⁷. Разговоры с батюшкой не сподвигли жену изменить решение расторгнуть брак, о чем было доложено в консисторию.

По действующей в этом случае процедуре был назначен суд. По свидетельству самой Назарьевой, ее процесс развода занял всего 9 месяцев. Однако, по другим свидетельствам и документам, следует, что дело длилось два года²⁸⁸ (по свидетельствам писательницы, «это несчастное дело стоило <...> около шести тысяч рублей»²⁸⁹). К тому же консервативно настроенный социум всерьез осуждал женщину, которая не только совершила прелюбодеяние, но и решалась на развод, поэтому «женщины, опозоренные на суде», лишались права воспитывать детей: «их отдают **правой** [выделено автором. — М. А.] т.е. более сильной стороне»²⁹⁰.

Как мы знаем, развод Назарьевых был вполне реальным, о чем сохранилось свидетельство: «Дело о расторжении брака <...> Началось 16 февраля 1874 г. Кончено 13 марта 1874 г. <...> С-Петербургская Духовная

²⁸⁵ Там же. С. 65.

²⁸⁶ Юнусова Л. В. Бракоразводный процесс в середине XIX – начале XX века (по материалам Тобольской губернии) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. матер. 4-й Регион. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 118–122.

²⁸⁷ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 81.

²⁸⁸ Миронова Н. В. Назарьевы-Борхсениус-Лесков // История Симбирского-Ульяновского края в документальном наследии. К 70-летию образования Ульяновской области. Материалы Межрегиональной историко-архивной конференции / Под ред. Г. В. Романова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2013. С. 151–154.

²⁸⁹ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 93.

²⁹⁰ Там же. С. 86.

Консистерия, рассмотрев дело, возникшее по иску отставного Штаб Ротмистра Валериана Никанорова **Назарьева** [выделено в оригинале. — *М. А.*] о расторжении брака его с женою, Капитолиной Валериановой, урожденную Манкошевою, по причине нарушения ею супружеской верности, — определением своим, между прочим, **положила** [выделено в оригинале. — *М. А.*]: Брак означенных лиц, обоих Православного исповедания, совершенный 3-го июля 1868 года, приемом Николаевской, села Зачеренья, церкви, Лугского уезда, по причине совершенного доказанного прелюбодеяния ответчицы, расторгнуты, воспретив ей навсегда вступление в таковой и предав ее за тем семилетней церковной епитимии, под надзором местного приходского Священника»²⁹¹.

Однако героиня «Специалиста» на страницах повести многократно подчеркивает (словно внушает читателю) мысль о том, что измены на самом деле не было. Героиня якобы из благородных побуждений в отношении мужа и желая поскорее покончить с этим делом целиком берет вину за развод на себя: «Кому скажу я, как развелась? Кто поверит, что это фикция, необходимость? А между тем все-все посыплется на меня»²⁹².

Так зарождается главный принцип изображения характера героини — ее идеализация, — который красной нитью пройдет затем через все творчество Назарьевой. Писательница намеренно умалчивает об имевшей место реальной измене мужу, тем самым как бы возвышая свою героиню, представляя ее «жертвой обстоятельств» в глазах читателя, делая ее помыслы гораздо более чистыми, нежели они были на самом деле. Поэтому по-настоящему и до конца искренней фразой, вкладываемой писательницей в уста героини, в повести можно считать только одну: «Долго и хорошо говорил Лозинский, но я слушала, как во сне. Я все думала о той новой жизни, о той дороге, что открывается мне с вечным несмываемым пятном

²⁹¹ Дело о расторжении брака Штаб Ротмистра Валериана Никанорова Назарьева с женою его Капитолиной Валерьяновной за прелюбодеяние ее // РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 466. Ед. хр. 4.

²⁹² Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 94.

«разводки»»²⁹³. Это почти последняя фраза повести, показывающая эмоциональное состояние героини, одновременно оскорбленной бесстыдной процедурой и обрадованной предстоящей «свободой женщины», желающей «выбиться на дорогу, <...> <чтобы> применить свою энергию и жажду труда»²⁹⁴.

Естественно, никто из посвященных в это громкое дело в Симбирской губернии в «фикцию» и в «необходимость» взять вину на себя «без вины» поверить бы не смог. Поэтому в «Вестнике Европы» повесть была опубликована под псевдонимом «Никулина К.»²⁹⁵. Очевидно, что и псевдоним, как и смена главного мотива — причины развода — был выбран не случайно: он напрямую отсылает знающего человека к селу Никулино, в котором проживала Назарьева, будучи замужем. И вот этой «подменой» истинных причин событий, своеобразной тенденцией и идеализацией обстоятельств и характеров, а также принятием первого псевдонима Назарьева положила начало важнейшей стратегии своего творчества — мифологизации собственной биографии.

Два фактора сделали этот своеобразный литературный «прием» возможным. Во-первых, приехав в Петербург после бракоразводного процесса, который проходил на Урале, Назарьева словно бы «обнулила» значительную часть своей биографии. Это дало ей возможность заводить знакомства и строить взаимоотношения с людьми как бы «с чистого листа». Во-вторых, писательница вела достаточно закрытый образ жизни, что касалось ее домашних и внутренних дел (из-за сильнейшей материальной небеспеченности и отношения общества к женщине-«разводке»)²⁹⁶.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 113.

²⁹⁵ Частично этот материал был опубликован ранее в нашей статье: Аверина М. А. Литературная репутация К. В. Назарьевой как автора русского «Дамского романа» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета / Под ред. А. А. Шаталова. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. № 4. С. 55–59.

²⁹⁶ К. В. Назарьева неоднократно жалуется на специфическое отношение к женщине-«разводке» в своих произведениях, называя это «фальшью человеческих отношений» и «условностями общества» // Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.; № 9. С. 3–71.; № 10. С. 121–178.

Следует заметить, что «дамской прозе», к «ведомству» которой современники прочно причисляли творчество Назарьевой, в большинстве своем присуща дневниковая автобиографичность: «никакого серьезного призвания не ищите в их произведениях, а ищите какой-нибудь жизненной случайности, которая заставила их заняться литературой»²⁹⁷. Верность этого предположения подтверждала и сама писательница: «Сумма пережитого и виденного давала множество сюжетов»²⁹⁸. «Ваша первая вещь? Из своей жизни, конечно? Да, видно, что все это пережитое»²⁹⁹, — говорит ей редактор, который первым берет в руки повесть. Используя как материал для произведений не всегда удачный жизненный опыт, писательница как бы «перелицовывала» то, что не сложилось у нее самой: «Целые ночи до белого дня я писала повесть, конечно из своей жизни, произведение, в котором главной героиней являлась я сама. Эта повесть была нечто ужасное, но мне лично она нравилась»³⁰⁰.

Отчасти так происходит потому, что самой причиной начала писательской деятельности для многих женщин того времени становится почти физическая потребность публично изложить, оправдать и потребовать сочувствия большой массы людей к своей «незаурядной» личной жизни.

Именно этим, в том числе, руководствовалась Назарьева, приступая к созданию своей повести. Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что к писательскому труду ее подтолкнула еще и потребность «женщины, выступающей на дело публичной проповеди»³⁰¹.

В какой-то мере в данном утверждении нас укрепляет и критик-современник Назарьевой, который, делая обзор творчества писательниц-женщин, указывает на то, что «чаще всего **сама жизнь** [выделено автором. — М. А.] наталкивает их на литературный труд, <...> она чувствует потребность высказать, излить свое горе или радость в объективной сфере

²⁹⁷ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 25.

²⁹⁸ Там же. С. 112.

²⁹⁹ Там же. С. 110.

³⁰⁰ Там же. С. 112.

³⁰¹ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

беллетристического произведения и изливает его чаще всего с значительной долей лиризма»³⁰².

Противостоять «нравственному» (любимое слово писательницы) чувству большинства героинь произведений Назарьевой будут косные, неразвитые, «старые» люди «старого уклада». Они всегда будут причинять «благородной женщине» боль и страдания — и их портреты неизменно оказываются до карикатурности отвратительными. В «Специалисте» это юрист-стряпчий, который берется «устроить» за большие деньги бракоразводное дело. Сама же героиня (как и ее «лики», «маски», «отражения» — второстепенные по отношению к главной героине «положительные» женские персонажи в произведениях Назарьевой), — всегда порядочна, кротка, работяща, благородна и наделена всеми другими мыслимыми «нравственными» достоинствами.

Так, например, все диалоги о свободе личности и семьи, которые ведет героиня с героем в ходе выяснения личных отношений и которые составляют основу романа «Дорогой ценой» (1898)³⁰³, вероятнее всего отражают/искажают реальные диалоги и отношения Назарьевой и Н. Ф. Борхсениуса³⁰⁴. В «Надорванных силах» (1893)³⁰⁵ мы узнаем, что героиня какое-то время предпочитала прятать своих внебрачных детей от досужих глаз, живя с ними в разных местах, оставляя с нянями и объясняя это читателю потребностью в их оздоровлении (из писем писательницы нам удалось выяснить, что она часто переезжала³⁰⁶). Из того же романа

³⁰² Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 24.

³⁰³ Назарьева К. В. Дорогой ценой: Роман. СПб.: Паровая скоропеч. Я. И. Либермана, 1898. 315 с.

³⁰⁴ Н. Ф. Борхсениус — человек, так и не вдохновившийся «свободным браком» во имя «высшей любви» с «разведенной женщиной». Он предпочел вполне традиционные семейные узы с другой, не эмансипированной, женщиной // Там же.

³⁰⁵ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.; № 9. С. 3–71.; № 10. С. 121–178.

³⁰⁶ Из писем к Ф. М. Достоевскому нам известно, что в 1877 году Назарьева проживала по адресу: **СПб., ул. Николаевская, д. 29, кв. 25** // Письма Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.; В 1878 году она живет уже по адресу: **ул. Ямская, д. 8, кв. 5** // Письмо Назарьевой К. В. к Мамину-Сибиряку Д. Н. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49.; В 1883 году она проживала по адресу: **Поварской переулок, д. 14, кв. 28** // Письма Назарьевой К. В. к Быкову П. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.; В 1896 году она уже жила по адресу: **ул. Кабинетская, д. 7, кв. 28**, а в 1900 году по адресу: **ул. Надеждинская, д. 11** // Письма Назарьевой К. В. к Чехову А. П. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.; В 1898–1899 она живет в Севастополе //

проступают черты личного прошлого писательницы в виде упоминания «злой» тетки (вероятно, «проекция» ее патриархально настроенной матери), у которой она воспитывалась и от которой была готова выйти замуж за нелюбимого человека значительно старше ее самой, лишь бы вырваться из «косной среды», где ей «духовно» было «узко и тесно»³⁰⁷. Мифологизированы и события рассказа «Сокровище» (1891)³⁰⁸, свидетельствующие, что (а это мы знаем и из романа «Надорванные силы») отцами ее детей были люди состоятельные, «с положением», как правило, женатые и в дальнейшем не сильно интересовавшиеся ни ее собственной судьбой, ни судьбой своих внебрачных детей. Стоически воспитывающая в одиночку сына, женщина теряет влияние на своего ребенка, который личноно «уходит» за своим биологическим отцом, не подозревая, что они — родные люди. Страдания матери, «дожатые» писательницей до грани «фола», — это страдания самой Назарьевой, а сами события рассказа напоминают неловкое расставание и возможную встречу Назарьевой с Н. Ф. Борхсениусом спустя много лет. И в этом смысле рассказ становится как бы запоздалой мстью женщины человеку, который ее любил и бросил, поскольку ему приданы заведомо «не красящие» черты. О романе «В тисках» (1889)³⁰⁹ Назарьева сама совершенно откровенно пишет, что «вся фабула этого романа — большая личная история»³¹⁰.

Даже «Воспоминания» писательницы следует считать скорее еще одной романоподобной вариацией на тему ее биографии — события в них даны со значительными пропусками целых периодов жизни, они представляют автора в глазах читающей публики социально-угнетенной, «страдательной» фигурой.

Письма Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.; Летом в 1895–1900 годах она отдыхала с детьми на даче по адресу: **Новая деревня, 2 л., д. 140** // Письма Назарьевой К. В. к Зарину А. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 210.

³⁰⁷ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.; № 9. С. 3–71.; № 10. С. 121–178.

³⁰⁸ Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войццкого и С. Корнатовского, 1891. С. 23–40.

³⁰⁹ Назарьева К. В. В тисках; Опасные люди; Две правды: Роман. [Повести]. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 244 с.

³¹⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. от 2 нояб. 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.

Причину такой «мифологизации» некоторые современники видели еще и в отсутствии у Назарьевой (как и у многих ее коллег) серьезного образования: «Она не была ни на педагогических курсах, ни на Бестужевских, не получила высшего образования ни в России, ни за границей»³¹¹. И поэтому В. В. Чуйко полагал, что «читая внимательно произведения современных женщин-писательниц, прежде всего невольно поражаешься тому, как ничтожен, мизерно-узок крошечный кругозор, которым они обладают»³¹². Критик задавался вопросом: «неужели современная русская жизнь так безнадежно бессодержательна, скучна, что не может дать хотя бы скудного содержания роману?»³¹³ П. В. Быков был не согласен с этими утверждениями относительно Назарьевой, подчеркивая, что писательница была «с хорошим [домашним. — М. А.] образованием, знавшая в совершенстве несколько языков, с большим запасом самых разнообразных знаний»³¹⁴, что позволяло ей не только писать собственные произведения, но и заниматься переводами с французского и немецкого языков³¹⁵.

Таким образом, публикация первой повести Назарьевой «Специалист (Страница из женской жизни)», появившаяся в 1879 году в «Вестнике Европы», одном из самых старых и авторитетных российских журналов, сразу принесла ей значительную известность. Повесть была тепло принята критикой, которая как главное ценное качество текста неизменно отмечала актуальную идейность и новизну избранной писательницей тематики. Первое же произведение Назарьевой уже содержало в себе проблемно-тематические и структурно-художественные координаты, которые в дальнейшем писательница развивала в своих многочисленных произведениях. Повесть

³¹¹ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 27.

³¹² Там же. С. 32.

³¹³ Там же. С. 33.

³¹⁴ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

³¹⁵ Из писем Назарьевой к П. В. Быкову (4 апр. 1880 г.) мы узнаем, что она «перевела несколько книг для книгопродавца Тулова, и все они были хорошо встречены газетными отзывами», переводила Брет-Гарта (письмо к П. В. Быкову от 3 февр. 1883 г.) и т.д. // Письма Назарьевой К. В. к Быкову П. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

«Специалист» определила ключевую тему творчества Назарьевой: все ее сочинения были посвящены судьбе одинокой женщины, собственными трудами обеспечивающей свое существование. Начиная со «Специалиста», всем ее произведениям будет присуща максимальная приближенность к жизни, своего рода документализм. Путем сличения фактов биографии писательницы с судьбами героинь ее романов и повестей нам удалось установить неизменно допускаемую писательницей мифологизацию собственной биографии (что частично признавала и сама Назарьева, подчеркивавшая это в своих письмах и воспоминаниях).

Найденные нами и упорядоченные архивные материалы, воспоминания самой Назарьевой и ее современников позволили восстановить дворянскую родословную писательницы, а также уточнить основные вехи ее жизни и творчества. Немногочисленные письма Назарьевой дали возможность очертить круг ее близких знакомых, понять, на каких условиях она работала с издательствами и редакциями журналов, воссоздать ее образ жизни, а также пополнить список ее псевдонимов. Благодаря письмам удалось существенно расширить список опубликованных ею при жизни романов, повестей, рассказов, пьес.

Проведенное исследование ее рукописного наследия также позволило установить, что мировоззрение писательницы сложилось под влиянием споров вокруг «женского вопроса» и идей Н. Г. Чернышевского, что навсегда определило как ее личную судьбу, образ жизни, так и основную творческую тему. Она была задана уже в самой первой опубликованной повести «Специалист (Страница из женской жизни)», появившейся в «Вестнике Европы» (1879), и сразу принесла Назарьевой значительную известность. Как и «Специалист», все дальнейшие ее произведения отличались тенденциозностью — все они так или иначе были посвящены «женскому вопросу», судьбе одинокой женщины, собственными трудами

обеспечивающей свое существование, — а также максимальной приближенностью к жизни и злободневностью. Сопоставление фактов биографии писательницы с судьбами героинь ее романов и повестей показало, что большинство ее произведений написаны на основе личного опыта, который дополнялся фантазией Назарьевой, что неизменно порождало своеобразную мифологизацию ее собственной биографии.

Глава II.

Литературная репутация К. В. Назарьевой

Вторая половина XIX — начала XX века в России была временем подлинного расцвета «дамского романа» — этого особого жанра литературного творчества, буквально впитавшего в себя бушевавшие в обществе страсти вокруг «женского вопроса». В самом деле, «с тех пор как в русских журналах стали появляться первые переводы романов Жорж Санд, а в русское общество проникли первые вести о женской эмансипации»³¹⁶, на небосклон возникающих многочисленных литературных журналов, альманахов и их литературных приложений всходят звезды Л. А. Чарской, А. А. Вербицкой, М. В. Крестовской, О. А. Шапир. Их известность, как и известность Назарьевой, соперничала у городского обывателя со славой Л. Н. Толстого.

Однако критика конца XIX века с презрением относилась к этому литературному жанру, считая, что «дамские романы» отличает «вялый шаблонный объективизм»³¹⁷. В отношении Назарьевой это утверждение по большей части справедливо: многие ее повести, романы и рассказы переполнены навязчивой жалостью к ограниченной в правах и возможностях женщине. Однако подобная разработка темы была определена не только мировоззрением писательницы, разделявшей идеи «новых людей», но и спросом обывательского «рынка».

Центр, вдохновляющий русскую женскую литературу, к моменту вступления в 1879 году в литературное сообщество Назарьевой, уже смещается из Парижа в Берлин и Лондон. В критических литературоведческих статьях того времени, в применении к «женской

³¹⁶ Демидова О. Р. Русская женская литература первой половины 19 века // Проблемы жанра и метода в русской литературе. Томск: ТГУ, 1989. С. 6.

³¹⁷ Амфитеатров А. В. Женское настроение. — 3-е изд. СПб., 1908. С. 138.

литературе» (и к Назарьевой, в частности) даже появляется специальный термин: «made in Germany»³¹⁸.

Главным подтверждением огромного влияния зарубежных писательниц (выраженного в форме заимствования сюжетов, тем и литературных приемов) на творчество конкретно Назарьевой, следует считать тот факт, что «Скорбный путь» — один из лучших ее романов, выдержавший три издания при жизни писательницы, — демонстрирует как раз тот самый «тип героини, заданный английским романом: бедной и некрасивой, но внутренне независимой девушки, желающей жить своим трудом»³¹⁹. Этот тип героини пришел в русскую «дамскую литературу» от Шарлотты Бронте, чьи произведения, по мнению исследователей, «имели огромное значение для развития именно женской литературы»³²⁰. Основные его черты были сформулированы еще В. Г. Белинским в статье «Сочинения Зенеиды Р-вой» (1843): «эмоциональность, автобиографичность, лиричность, крайний субъективизм, идеализация жизни, умение создать только женские образы, обращение к “женской” тематике и проблематике, борьба с дискриминацией женщин»³²¹. О качестве этой зарубежной литературы был невысокого мнения Н. В. Гоголь, который с презрением писал: «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть действительно вздор»³²².

Назарьева, писавшая в одно время с Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, А. М. Горьким, Л. Н. Андреевым и многими другими авторами, составившими славу отечественной литературы, дружившая с К. М. Фофановым, Д. Н. Маминым-Сибиряком, Н. А. Лейкиным и имевшая тысячные тиражи, переиздания книг и активных почитателей своего таланта,

³¹⁸ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. — 3-е изд. СПб., 1908. С. 135.

³¹⁹ Демидова О. Р. Русская женская литература первой половины 19 века // Проблемы жанра и метода в русской литературе. Томск: ТГУ, 1989. С. 7.

³²⁰ Там же.

³²¹ Цит. по: Ученова В. В. Забвению вопреки. Творчество русских писательниц первой половины XIX века // Дача на Петергофской дороге: Прозы русских писательниц первой половины XIX века / Сост. В. В. Ученова. М.: Современник, 1986. С. 8–9.

³²² Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7-ми т. / Н. В. Гоголь. Т. 6: Статьи 1831–1847. М.: Художественная литература, 1967. С. 320.

среди коллег особым уважением, тем не менее, не пользовалась. Ее имя прочно связывалось с коммерческой литературной поденщиной: «писательница слабая, наполовину черпающая свои сюжеты не из жизни, а из иностранных романов и повестей», — писал о ней Н. А. Лейкин в письмах к А. П. Чехову 20 октября 1896 года³²³.

Критики-современники называли Назарьеву истинной беллетристических дел мастерицей³²⁴, считая, что «недостатками ее работ были <...> отсутствие нерва, личной возбудимости темою, что накладывало на ее статьи оттенок тусклости и трафаретной прямолинейности. Не было новизны, свежести чувства, искренней находчивости, красок, изобретательности, образности. <...> выражает она радость, скорбь, негодование, — и все как будто не сама она это радуется, негодует, но только, справясь в кодексе литературных приличий, повторяет отсюда наизусть исконную формулу радости, скорби, негодования, в данном случае принятую и давностью освященную»³²⁵.

Творчество Назарьевой, таким образом, составляло литературу периферии, к которой неодобрительно относились первые, ведущие писатели. И если кто-то с этого литературного «Олимпа» вдруг замечал существование авторов из «злой ямы»³²⁶, то радости не было предела. Об этом свидетельствует Н. А. Лейкин, который 29 октября 1896 года записал в своем дневнике: «И переполошил же Чехов Назарьеву! Сегодня она пишет, что романа “Надорванные силы”, который он просил прислать ему, у ней нет, что он никогда не был издан отдельно, но ей так лестно поднести его

³²³ Цит. по: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 6: Письма, Янв. 1895 – май 1897 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1979. С. 525.

³²⁴ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. – 3-е изд. СПб., 1908. С. 134–139.

³²⁵ Там же. С. 138.

³²⁶ «Назарьева прислала Чехову свой роман (из журнала “Наблюдатель”, 1896, № № 8, 9 и 10) с надписью: “Глубокопочитаемому художнику-писателю Антону Павловичу Чехову от поклонницы его дарования. К. Назарьева. 30/X–1896”. Одновременно она прислала и свои книги: “Драмы и комедии”, СПб., 1895, с надписью: “Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову от автора” и “Порыв (Эскизы и очерки)”, СПб., 1891, с надписью: “Симпатичнейшему писателю-художнику-человеку А. П. Чехову, на Олимп – из “Злой ямы” от автора”» // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 6: Письма, Янв. 1895 – май 1897 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1979. С. 525–526.

Ан. П. Чехову, что она поехала искать по букинистам журнал «Наблюдатель», где роман печатался, вырвет листы, переплетет их и pošлет Чехову»³²⁷.

Чехов не оставил никаких свидетельств и оценок «запрошенного» у Назарьевой романа, он нужен был ему для пополнения коллекции своей Таганрогской библиотеки. Поскольку писатель ставил своей целью сделать ее посещаемой, «бестселлер», которым зачитывались, бесспорно должен был в ней присутствовать. Массовый читатель, который становился все более многочисленным, все чаще и все требовательнее определял меру и качество культурных услуг, оформляя их определенным запросом.

Начавшийся в России стремительный рост городов преобразовывал городское население в принципиально иную, нежели в первой половине XIX века, социальную среду (после отмены крепостного права в 1861 году), объединенную усредненным названием «городского обывателя»³²⁸. Активное развитие промышленности втягивало в города огромное количество деревенского населения, что способствовало возникновению новых «городских» сословий. Одновременно шло преобразование русского купечества в крупных и мелких промышленников и предпринимателей, что серьезно меняло социальный облик русских городов. Стремительный рост «мещанского», «разночинного» и «чиновного» слоя, — все эти процессы формировали мощный пласт потребителя «культурного городского досуга», значительную часть свободного времени которого (за отсутствием современных форм досуга в виде телевидения и компьютеров) занимало чтение.

И если ранее чтение по причине избытка свободного времени было уделом только аристократии, то, по свидетельствам современников, теперь в большинстве купеческих (и не только столичных, но и в далеких, даже небольших сибирских) домах книга или толстый журнал становится

³²⁷ Цит. по: Там же. С. 525.

³²⁸ Скубневский В. А. Города России во второй половине XIX века: Учебное пособие к спецкурсу. Барнаул, 2012. 93 с.

обязательным предметом домашнего обихода. Охоту к чтению, наряду с дворянской интеллигенцией, приобрели чиновники, купцы и городские ремесленники³²⁹.

К концу XIX века домашние формы проведения досуга в России постепенно становятся публичными: открывается огромная сеть клубов, библиотек, читален, книжных магазинов и народных домов. Причем иметь при себе библиотеку считали своим долгом все — от епархии до казенного винного склада. Наряду с публичными библиотеками, складывается широкая сеть частных. В моду входят разнообразные общественные объединения: краеведческие, агрономические, спортивные, охотничьи, литературные, театральные, музыкальные и т.п., которые, в свою очередь, тоже открывают при себе библиотеки.

Возрастает и количество учебных заведений, что побуждает интерес к чтению и общению, и в целом растет возможность для разных социальных слоев получить образование. В гимназиях и училищах частым явлением становятся литературные вечера и утренники, открываются литературные кружки, ставятся любительские спектакли.

Это требовало от горожан значительных усилий и расходов, например, на приобретение «волшебного фонаря» с «туманными картинками» для иллюстрации текста (иначе чтения успехом не пользовались). Такие чтения проводились каждое воскресенье, то в общественном собрании, то в местном училище, то на вокзале, и «народ посещал их весьма усердно»³³⁰.

Для удовлетворения потребностей «массового» читателя было просто необходимо книжное обилие. Спрос рождал предложение: покрывая

³²⁹ В. А. Скубневский приводит воспоминания внучки крупного барнаульского купца А. И. Винокурова, которая рассказывала, что в сибирском тогда еще селе Камне, где она росла, в их купеческом доме проходили семейные вечера, во время которых женщины играли на фортепиано, отец вслух читал А. П. Чехова, а члены семьи слушали с большим удовольствием. Семья имела хорошую личную библиотеку с достаточным количеством энциклопедий, выписывала столичные «толстые» журналы как для взрослых, так и для детей. И такая форма проведения домашнего досуга по всем просторам необъятной России того времени отнюдь не была редкостью // Калашникова О. В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // Омский науч. вестн. Омск: Современность, 2008. № 2. С. 26–30.

³³⁰ См.: Хмельницкая И. Б. Столичный досуг в начале XX века: Петербург и Москва: Автореферат дис. кан. истор. наук: 07.00.00, 07.00.02. М., 2004. 24 с.

«нехватку» специфического «авторского штата»), издательства охотно шли на сотрудничество с женщинами-писательницами (вне зависимости от уровня их мастерства). Усилиями Назарьевой, как и тысяч освобожденных от «домашнего рабства» женщин-литераторов, создавалась так называемая *массовая женская литература*, отражающая и одновременно формирующая эстетический вкус «массового читателя», тем более, что их «писательский труд» обходился работодателям не в пример дешевле, чем мужской (как, впрочем, и фабрикантам на фабрике!).

Прогрессивные феминистские идеи женской свободы на самом деле «маскировали» собой более жестокий и циничный процесс использования дешевого женского труда, неумолимо превращавшего в «пролетариев»³³¹ вчерашних «мужних жен» во всех без исключения сферах деятельности жителей тогдашней России.

2.1. Оценка современниками творчества К. В. Назарьевой

А. В. Амфитеатров в своих воспоминаниях приводит следующие слова Назарьевой: «Я пишу давно, издала не один десяток романов, множество повестей, рассказов, писала для театра. Имею литературное имя. На моих сочинениях сколько издателей нажилось. Но — в конце-то концов — что же? Тот же вечный пятак, пятак и пятак, и необходимость слепить из пятака три-четыре тысячи рублей в год, нужные, чтобы жить в Петербурге не вовсе бедно и поддерживать своих близких <...> детище свое <...> неси на какой-нибудь литературный погост, где издатель-могильщик скупает “имена” чуть не на фунты, по весу манускрипта. Рабство!.. нам, женщинам, чтобы жить литературою наравне с мужчинами, надо иметь вшестеро, всемеро сильнейшую производительность, энергию, устойчивость труда»³³².

³³¹ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 122.

³³² Амфитеатров А. В. Женское нестроение. – 3-е изд. СПб., 1908. С. 135–136.

Производительность и даже известность у Назарьевой была, однако от нищенского существования не избавляла: «Все также приходилось работать по пятнадцати часов в сутки, никогда не ложиться раньше 5–6 часов утра, продавать свой труд чуть не за гроши и, вдобавок, скрывать печальную правду»³³³.

Как справедливо замечал современник³³⁴, подобный «подход» к творчеству мешал Назарьевой полноценно «отделять» произведение: количество написанного ею не могло не отразиться на качестве ее «литературной продукции»: «Обстоятельства жизни, ставившие романистку в необходимость беспрестанного, безостановочного напряжения творческих способностей, лишали ее возможности детальной обработки написанного, делая неизбежную спешность работы и понижая ее художественную ценность»³³⁵.

На это жаловалась и сама писательница: «вы хоть откровенны: прямо признаетесь, что не любите нашего женского письма, считаете его своего рода литературным *made in Germany*. Быть может вы и правы. Но согласитесь: может ли быть иначе? Возьмем в пример меня. <...> Легкое ли дело писать роман, а — тем временем в голове стучит мысль: куда я его дену? Здесь, положим, благосклонно примут, там — с удовольствием возьмут “почитать”. А вдруг туда Чехов повесть даст? Сюда Немирович-Данченко роман напишет? Ну и получай, Капитолина Валериановна, детище свое обратно и неси его на какой-нибудь литературный погост. <...> Ведь помимо всяких психологий творчества, станьте-ка на почву экономического расчета. Чтобы заработать рубль, Немировичу-Данченко нужно написать три-четыре строки, а мне двадцать. Стало быть, — опять-таки, оставляя в

³³³ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 112.

³³⁴ Частично этот материал был опубликован ранее в наших статьях: Аверина М. А. Литературная репутация К. В. Назарьевой как автора русского «Дамского романа» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета / Под ред. А. А. Шаталова. Орехово-Зуево: Редакционно-издательский отдел ГГТУ, 2018. № 4. С. 55–59.; Аверина М. А. О литературной репутации К. В. Назарьевой: по материалам переписки // Художественная антропология: Актуальные вопросы литературоведения. Сб. науч. статей / Сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Изд-во ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2019. С. 87–90.

³³⁵ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

стороне и размеры талантов, и симпатию публики, и взгляды, — нам, женщинам, чтобы жить литературою, наравне с мужчинами, надо иметь вшестеро, всемеро сильнейшую производительность, энергию, устойчивость труда. <...> Как же, при таких условиях, не развестись женскому литературному *made in Germany*. <...> Ах, если бы я имела возможность прожить несколько лет, не нуждаясь в литературном заработке, рассматривая его лишь как прибавку к доходу! Поверьте, что и я сумела бы отшлифовать несколько повестей и рассказов, после которых строка моя уж, конечно, не в пятак бы ценилась»³³⁶.

Современная Назарьевой прогрессивная критика, всерьез озабоченная проблемами художественности литературного произведения, не жаловала ее своим вниманием. Во всяком случае, нам не довелось найти ни одной серьезной литературно-критической статьи, посвященной сугубо творчеству писательницы. Об этом равнодушии писала в своих воспоминаниях и сама Назарьева: «Советников у меня не было, критика на меня не обращала внимания, но я горячо любила литературу и мне хотелось работать, быть чем-нибудь»³³⁷. Все же из тех, кто брался писать о ней, в той или иной мере пытаясь оценить ее творчество, сами не представляли из себя величин «первого уровня», а происходили из той же «демократической» литературной среды, которая сформировалась как бы под «официальным» литературным потоком и почти с ним не пересекалась. За редчайшим исключением это были скорее анонимные редакционные обзоры толстых журналов на новинки издательств, в которых писательнице, среди прочих авторов, посвящалось от 5 до 10 абзацев, как правило, рекламного характера. Примером может служить заметка в «Новостях (Биржевая газета)»: «Роман этот можно назвать феминистским, — пишет обозреватель библиографии. — Начиная с эпиграфа и кончая последней строкой, он проникнут горячей идеей **свободной** [выделено автором. — М. А.] любви между мужчиной и

³³⁶ Амфитеатров А. В. Женское настроение. — 3-е изд. СПб., 1908. С. 135–137.

³³⁷ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 112.

женщиной»³³⁸. Далее, добросовестно пересказав содержание, не забыв упомянуть, что героине все же удалось «разбить мировоззрение любимого ею мужчины», которое она считала патриархальным и устаревшим, обозревателю, памятуя, что заметка носит коммерческий характер, добавляет, что «в конце концов читатель приходит к мысли о возможности такой постановки вопроса»³³⁹.

«Идейность»³⁴⁰, под которой современники Назарьевой понимали определенную тенденцию изображать достижение героиней «нового» счастья, в соответствии с новыми, зачастую народническими идеалами, вообще часто отмечается ими как главное «достоинство» произведений Назарьевой (как и в «Специалисте»), как бы оправдывая читательский интерес к тому, что она писала: «Из числа прочих бесчисленных произведений этого рода романы Н-вой наделяются большей идейностью: лучшие из ее героев любят, рассуждают о нуждах народа; положительный идеал рисуется Н-вой в виде помещичье-народнической идиллии, — в виде счастья влюбленной помещичьей парочки, живущей в деревне и распространяющей “довольство” в крестьянские массы»³⁴¹.

Некоей общей причиной подобного пренебрежения критиков-современников, видимо, можно считать довольно жесткую отповедь, которую разместил в анонимном редакционном обзоре редактор «Северного вестника» рецензировавший отдельное издание романа Назарьевой «Скорбный путь» в 1886 году. Он безапелляционно отнес это произведение к «дамской литературе», разъясняя, что «дамскими» он называет «такие романы, в которых действующие лица — все из весьма порядочного, образованного круга. От первой до последней страницы мужчины ходят во фраках, белых галстуках и лайковых перчатках, а женщины — в изящных костюмах по последней моде. Действие совершается под музыку на балах, на

³³⁸ [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева. «Дорогой ценой» Роман // Новости и Биржевая газета, вторник. 1898. № 122. С. 3.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

³⁴¹ [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 376–377.

раутах, пикниках, всякого рода парт-де-плезирах и заключается неизменно в одной и той же драме борьбы чувства священного долга с пламенной страстью. Главные герои непременно все красавцы и красавицы, самый же главный герой или героиня сверх того еще обладают непреклонною силою воли»³⁴². Этому мнению вторит другой рецензент: «романы Н-вой — тип сентиментально салонных романов, рассчитанных на средний круг читателей и нередко сбивающихся на романы уголовные»³⁴³.

Не менее беспощаден к Назарьевой и знаменитый фельетонист В. М. Дорошевич, который писал: «Мы рассказывали про нее всевозможные забавные вещи. Говорили, что она вяжет свои романы. Что она работает их на швейной машине. Мы потешались, что романы идут деточкам на фартучки. — Героиня изменяет герою, — вот и панталончики для Юрочки! <...> Кто стал бы читать статью по общественному вопросу, подписанную ее именем»³⁴⁴.

С ними согласен анонимный рецензент «Наблюдателя» от 1884 года в обзоре вышедшего из печати романа Назарьевой «Из огня да в полымя»³⁴⁵: «Все это <...>, достаточно мелодраматично»³⁴⁶, и все тот же редактор «Северного вестника» в рецензии на «Скорбный путь»: «все это очищено от той житейской грязи, в которой парадирует процесс»³⁴⁷.

Внутренние «установки» «из своей жизни», чаще всего — со счастливым концом, значительно определяют выбор тем и средств выражения при написании романа или рассказа. «Все умственные, духовные их интересы сосредотачиваются на одной лишь любви, рассматриваемой только лишь с точки чисто личного чувства»³⁴⁸. Конечно, выбор сугубо любовной тематики как главной в творчестве Назарьевой еще не является

³⁴² [Б. а.] «Скорбный путь» К. Назарьевой // Северный вестник. 1886. № 4. С. 178.

³⁴³ [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолиитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 376–377.

³⁴⁴ Дорошевич В. М. К. В. Назарьева // Литераторы и общественные деятели: художественная литература. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 65–66.

³⁴⁵ Назарьева К. В. Из огня да в полымя: Роман // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. Июль-декабрь. 520 с.

³⁴⁶ [Б. а.] «Из огня да в полымя» К. Назарьевой // Наблюдатель. 1884. № 11. С. 58–59.

³⁴⁷ [Б. а.] «Скорбный путь» К. Назарьевой // Северный вестник. 1886. № 4. С. 178.

³⁴⁸ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 32.

признаком «плохой литературы», однако критик замечает, что писательницу любовь интересует лишь «как слепое бессознательное стремление двух полов друг к другу»³⁴⁹, и что за рамками внимания автора женского романа остается главное: «те результаты, которые она <любовь> вносит в жизнь общества, обнаруживаясь в тех или иных формах. Вот именно такого понимания или предчувствия роли любви нет у современной женщины-беллетристки»³⁵⁰.

Как известно, содержательность произведению придает авторский «вопрос», «намерение», то есть цель, как называл это А. П. Чехов, которую, по его мнению, может построить только писатель с широким кругозором, обладающий некоей объективностью видения. «Художник наблюдает, выбирает, догадывается, komponует — уже одни эти действия предполагают в своем начале вопрос; — пишет А. П. Чехов, — если с самого начала не задал себе вопроса, то не о чем догадываться, нечего выбрать. <...> если отрицать в творчестве вопрос, намерение, то нужно признать, что художник творит не преднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта; поэтому если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим»³⁵¹.

Видение Назарьевой сугубо субъективно. «Вопрос» ей заменяет личностная установка на мораль, то есть структурообразующая роль «намерения» подменяется *оценочным суждением* по отношению к персонажу или событию, изображаемому автором: «это у вас не повесть, а материал для романа, для нескольких романов!.. Главный недостаток: отсутствие действия, а второе... Вы слишком хороший историк, <...> Все что было, все сообщаете; все что говорилось даже записываете... Так нельзя»³⁵², — говорит Назарьевой один из редакторов. Структурируя события романа или повести,

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 3: Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 45–46.

³⁵² Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 109.

Назарьева производит отбор материала, руководствуясь именно моральными оценками, а не общей логикой развития своего всегда довольно замысловатого сюжета. Поэтому события, в которых оценки не расставишь, пишутся ею «телеграфным стилем»³⁵³.

Об этом же пишет анонимный рецензент «Русской мысли» в 1886 году, разбирая роман «Скорбный путь»: «Для авторов такой прием представляет своего рода удобства; но, во всяком случае, он свидетельствует <...> о неумении его <писателя> выяснить желаемое, не подсказывая читателю»³⁵⁴. Именно эти качества женской прозы заставляли А. П. Чехова с горечью писать, что «русские беллетристы глупее читателя, герои их бледны, ничтожны, интерпретируемая ими жизнь скудна и неинтересна»³⁵⁵ и что главная цель романа, написанного таким «беллетристом»: «Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай денег, люби спорт — твое дело в шляпе и на том и на этом свете. Буржуазия очень любит так называемые “положительные” типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно капитал наживать, невинность соблюдать, быть зверем и в то же время — счастливым»³⁵⁶.

Критика подмечает три характерные тенденции в творчестве Назарьевой, вытекающие из ее «узкого», субъективного взгляда на действительность и литературу.

Первое — это некая протокольность изложения, которую критики называют отсутствием «лиризма», «поэтичности», или «объективизмом»: «прозаик, в котором не замечается ничего лирического; в ее беллетристических произведениях вы едва ли встретите отступление с “подъемом” тона; ее рассказ имеет нечто протокольное; она не увлекается языком, по видимому, не придает этому никакого значения, как одному из

³⁵³ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 41.

³⁵⁴ [Б. а.] Скорбный путь // Русская мысль. 1886. № 2. С. 76.

³⁵⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 3: Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 217.

³⁵⁶ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 6: Письма, Янв. 1895 – май 1897 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1979. С. 54.

таких художественных элементов, который может иметь значение даже независимо от других»³⁵⁷.

Протокольность выражается и в том, что целые страницы романа могут скорее напоминать синопсис к нему: хронологически изложенные события и поступки персонажей никак не раскрываются автором, просто следуя в перечислении через запятую (как, например, в «историческом романе» «Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой» (1902)³⁵⁸). Многие сложные коллизии разрешаются механически, например, кочующими по разным произведениям, имеющими разные имена, но всегда «вовремя появляющимися» персонажами, которые «рассказывают» героям правду и тем самым выводят их и самого автора из ситуационного тупика³⁵⁹.

Второе: Назарьева никогда не бывает по отношению к своим героям и событиям объективным и «беспристрастным свидетелем», ее объективность скорее есть равнодушие к подлинным душевным движениям людей, нежели объективность А. П. Чехова, которого тоже бранили за объективность. Природа объективности тут принципиально разная: «Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей — есть зло. Но ведь это без меня давно известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, как оно есть <...> когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъектные элементы им прибавятся»³⁶⁰.

Назарьева на читателя не полагается. Она программирует его восприятие своими оценочными суждениями, поэтому ее романы действительно лишены объективизма, т.е. действия, в результате которого проявляют себя характеры персонажей. «Этим же свойством умственной организации г-жи Назарьевой можно объяснить ту слабую долю интереса,

³⁵⁷ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 41.

³⁵⁸ Назарьева К. В. Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1902. № 114. 192 с.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 4: Письма, январь 1890 – февраль 1892 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 54.

которую она вкладывает в изображение характера, индивидуальности действующих лиц»³⁶¹, — считает критик.

И в этом третье качество романов писательницы — отсутствие в них подлинного психологизма: «у госпожи Назарьевой так называемый психологический анализ отсутствует. Она почти совсем не останавливается на описании тех или других черт характера; одну индивидуальность она не сопоставляет с другой, вследствие этого, не оттеняет ни той, ни другой»³⁶². Психологизм подменен оценкой автора, которая чаще всего не согласуется с остротой приключенческих поворотов сюжета³⁶³.

Критик объясняет все эти недостатки творчества Назарьевой влиянием на нее французской романной школы, где «практичность романистов подсказывает им, что надо выдвигать на первый план романтические события, которые для большинства читателей составляет сущность романа; <...> но это ослабляет характеристику индивидуальности героя, потому что для этого необходимо уже иметь поэтическое чутье и интерес к исследованию внутренней жизни человека»³⁶⁴. Но у Назарьевой такого интереса, как правило, нет: она заранее определяет «моральную окрашенность» своего героя в соответствии с ей одной известной «нормой» и более ее не меняет (от чего напрочь отсутствует развитие характеров и во времени тоже). А для того чтобы читатель не сбился с ее оценочных ориентиров, в особо сильных местах автор буквально рассказывает (подсказывает), что думают и чувствуют герои и как они собираются поступить (а заодно и то, как читатель должен это воспринять). Мотивации поведения героев подчас настолько расходятся с излагаемыми событиями сюжета, что впору, как А. П. Чехов, воскликнуть: «Не выдумывай страданий,

³⁶¹ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 41.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 42–43.

которых не испытал, и не рисуи картин, которых не видел, — ибо ложь в рассказе скучнее, чем в разговоре...»³⁶⁵

Практически любое произведение Назарьевой целиком составлено из «общих мест», о которых писал А. П. Чехов, утверждая, что «в сфере психики храни вас бог от общих мест. Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев: нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев»³⁶⁶. Однако этому как раз и мешает наличие «личного элемента» самой Назарьевой. От этого так же настоятельно предупреждал романистов А. П. Чехов: «Главное берегись личного элемента: пьеса никуда не будет годиться, если все действующее лица будут похожи на тебя <...> людям дай людей, а не самого себя»³⁶⁷. Но именно потому, что во всех сложных сюжетах своих романов действует «я» самой Назарьевой, действия и не получается. Поэтому В. В. Чуйко берет на себя право сказать, что «у нее есть воображение. Но оно настроено не поэтически»³⁶⁸.

Ее произведения чаще всего состоят из двух частей: любовная история, построенная по законам «жалобы» или «мечты», и более или менее правдиво-протокольно скопированный из жизни фон событий со всеми его неожиданными жизненными поворотами. От этого «искусственного соединения» все ее произведения носят какой-то нереальный характер³⁶⁹.

Это снова заставляет критику говорить о том, что в произведениях Назарьевой отсутствует структурообразующий роман *вопрос*, который бы увязал настоящий интерес автора к разнообразию проявлений чувства человеческой любви с той обстановкой, в которой оно проявляется.

Разрыв этого диалектического единства в романах Назарьевой производит на критика «весьма странное впечатление <...> Если поверить

³⁶⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 1: Письма, 1875–1886 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974. С. 230.

³⁶⁶ Там же. С. 242.

³⁶⁷ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / А. П. Чехов. Т. 3: Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. С. 210.

³⁶⁸ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 42.

³⁶⁹ Там же. С. 42–43.

госпоже Назарьевой на слово, то, пожалуй, придется прийти к заключению, что в России только и существует, что прокуроры, адвокаты, кроме того в изумительных размерах процветает преступный тип, и что русская жизнь целиком сводится на ту или иную уголовщину, что никакие другие интересы — нравственные, общественные, религиозные, политические, философские — не имеют ни малейшего доступа к уму и сердцу русского человека, что он только и занят юридическими казусами и рассматривает их независимо от жизни, как нечто совершенно самостоятельное, теоретически-цельное»³⁷⁰.

Впрочем, были и такие рецензенты (а среди них мы по большей части найдем непосредственных корреспондентов писем Назарьевой, ее личных знакомых, с которыми ее связывали деловые и дружеские отношения), которые считали, что ее проза талантлива и в ее произведениях «дрожали, хотя и слабым, но постоянным отражением, светлые лучи шестидесятых и семидесятых годов, — перо Назарьевой не осквернилось проповедью эгоистического “сверхчеловечества”, сословной и расовой ненависти, сочувствием мракобесию и грубой силе»³⁷¹, почему и пользуется популярностью у читателя. Главным качеством, которое хоть как-то реабилитировало Назарьеву в глазах рецензентов, считалось то, что «г-жа Назарьева всегда превосходно справляется со своим материалом, является занимательной и живой рассказчицей <...>. У нее несомненно есть талант рассказа и романтической концепции, ее произведения охотно читаются публикой»³⁷². Вероятно, благодаря этим качествам один из последних, наиболее известных романов Назарьевой «Надорванные силы» А. П. Чехов даже запросил для своей Таганрогской библиотеки. И она его писателю с невыразимым удивлением любезно предоставила. «Зачем Вам, могучему, симпатичному и **вполне законно любимейшему** [выделено автором. — М. А.] писателю, уважаемый Антон Павлович, захотелось прочесть мой главный труд? Я получила вчера письмо Н. А. Лейкина и, каюсь, крайне,

³⁷⁰ Там же. С. 42.

³⁷¹ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. — 3-е изд. СПб., 1908. С. 138.

³⁷² Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 44.

крайне польщена Вашим предложением» — спрашивает она А. П. Чехова в письме от 28 октября 1896 года, передав ему предварительно свою книгу»³⁷³.

Числить творчество Назарьевой только по ведомству «женской литературы» было бы не очень справедливо, поскольку современники все же считали, что «беллетристка в К. В. пропала несомненно очень хорошая»³⁷⁴. Действительно, среди коллег по «дамско-литературному» цеху Назарьева была «лидером», поскольку отчетливо выделялась не только своеобразием и оригинальностью тем, проблематикой и мастерством рассказчицы, но и принципиальным разнообразием жанров и видов литературы, составившей ее творческое наследство. Помимо женских романов, из-под ее пера вышли политические, детективные романы, судебные и криминальные очерки, драматические произведения, социологические и модные обзоры, статьи и рефераты, переводы, городская хроника, фельетоны, святочные рассказы, рассказы для детей и даже подписи к иллюстрациям, т.е. несть числа возможных видов писательской «продукции».

А. В. Амфитеатров писал, что «Даже при проклятых условиях *made in Germany* ее романы, написанные красиво, осмысленно, без вычур декадентства, в мягких акварельных тонах, читались среднею публикою не только с занимательностью, но и с пользою»³⁷⁵.

Довольно лестно о Назарьевой высказался ее издатель и давний друг А. А. Измайлов, считая, что «примыкая к плеяде писательниц по своей чуткости к вопросам сердца, <Назарьева> представляла незаурядное явление среди них по серьезности и, так сказать, **идейности** [выделено автором. — М. А.], которую проникнута лучшая часть написанного ею. <...> Серьезность настроений романистки и сердечность отношения к жизненным вопросам — существенные черты произведений К. В. Назарьевой, ярко сказывающиеся

³⁷³ Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 28 окт. 1896 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. б.

³⁷⁴ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. — 3-е изд. СПб., 1908. С. 138.

³⁷⁵ Там же.

при чтении лучших ее вещей. Благородная душа и доброе сердце видны в ее думах»³⁷⁶.

Еще один непосредственный многолетний знакомый Назарьевой П. В. Быков писал: «К. В. Назарьева, хотя и не обладала большим художественным талантом, но всегда невольно подкупала читателя идейностью своих произведений, огромным внешним интересом рассказа, живостью, бойкостью. <...> У К. В. Назарьевой было много литературности, превосходное знание жизни, достаточная доля наблюдательности, была отличная техника, и она чрезвычайно умело распоряжалась этими данными и скромным талантом, ей присущим»³⁷⁷.

Таким образом, из обзора современных Назарьевой критических отзывов о ее творчестве следует, что писательница принадлежала к тому характерному для второй половины XIX века слою «литературных поденщиков», чьи произведения составляли основу литературных публикаций многочисленных толстых журналов того времени. Она была «литературным рабом», целиком зависящим не только от финансовой, но и от тематической политики редакций того или иного издания. Современная Назарьевой критика прочно причисляла ее творчество к «женской литературе», «дамскому роману», отмечая своеобразную «масочность» системы разработки характеров, а в виде положительного качества — умение «выбрать сюжет», подмечая заведомое неумение автора сделать этот сюжет полноценно-художественным.

³⁷⁶ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1–2.

³⁷⁷ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

2.2. Литературный круг К. В. Назарьевой

Обращаясь к эпистолярному наследию писательницы, мы обнаружим удивительную согласованность ее писем к корреспондентам с принципами ее литературного творчества. Изыскания в архивах России показали, что в наличии имеется лишь небольшой корпус писем, — тем не менее, по ним можно судить как о самой Назарьевой, так и об умонастроениях той существенной части литературной среды, возвышаясь над которой развивались русские классики. В РГАЛИ, ИРЛИ РАН, РГИА, РГБ Дом Пашкова сохранился небольшой, но характерный корпус писем преимущественно деловой переписки.

Переписка Назарьевой посвящена исключительно деловым вопросам и представляет интерес для историка литературы, поскольку достаточно точно характеризует быт и нравы тогдашнего литературного круга, в который входили ее самые разнообразные корреспонденты³⁷⁸.

Круг ее знакомств составляли известные издатели, придерживавшиеся на тот период самых радикальных взглядов, и публицисты, среди которых были В. С. Миролубов³⁷⁹, Б. Б. Глинский³⁸⁰, К. К. Арсеньев³⁸¹, А. А. Навроцкий³⁸², А. Е. Кауфман³⁸³, Л. З. Слонимский³⁸⁴, С. Н. Кривенко³⁸⁵. Примечательно, что большая часть из них изначально имела юридическое образование и практику, а затем уже пришла в литературу.

Весьма характерной фигурой является Б. Б. Глинский (1860–1917). Незаконнорожденный сын сенатора Б. Н. Хвостова, писатель, публицист,

³⁷⁸ Частично этот материал был опубликован ранее в наших статьях: Аверина М. А. Литературная жизнь конца XIX века в переписке К. В. Назарьевой // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. 2020. № 3. С. 248–252.; Аверина М. А. Переписка К. В. Назарьевой как литературный факт 1880–1900 гг. // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. М.: МГПУ, 2019. № 1. С. 113–118.

³⁷⁹ Письма Назарьевой К. В. к Миролубову В. С. // ИРЛИ РАН. Ф. 1854. Оп. 1. Ед. хр. 832.

³⁸⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Глинскому Б. Б. // ИРЛИ РАН. Ф. 72. Ед. хр. 223.

³⁸¹ Письмо Назарьевой К. В. к Арсеньеву К. К. // ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371.

³⁸² Письмо Назарьевой К. В. к Навроцкому А. А. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575.

³⁸³ Письма Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.

³⁸⁴ Письмо Назарьевой К. В. к Слонимскому Л. З. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544.

³⁸⁵ Письма Назарьевой К. В. к Кривенко С. Н. // РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Ед. хр. 157.

издатель, редактор и широко известный общественный деятель, он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета со званием кандидата в 1885 году. С 1887 года работал преимущественно в «Историческом Вестнике», с 1890 года становится редактором-издателем журналов «Северный вестник» (1890–1891), «Исторический вестник» (1913–1917) и «Русская будущность» (1915–1917). Убежденный русский националист (национал-прогрессист), он являлся сторонником конституционализма. Письмо Назарьевой к Б. Б. Глинскому сохранилось только одно, но, судя по теплому приветству жене, общались они достаточно часто: «Многоуважаемый Борис Борисович! — пишет она в письме от 21 мая 1899 года — <...> Очень-очень, безгранично буду признательна, если прочтете то и другое и скажете прямо, без всякой деликатности: годится ли, <...>. Если нет интереса — и переписывать не стоит, а если может пройти, то нет ли переписчицы у Варвары Ивановны? <...> P.S. Если возможно, ответьте поскорее. Поклон милой и хорошей Варваре Ивановне»³⁸⁶.

Среди знакомых Назарьевой (как и в литературном процессе того времени в целом) было много юридически образованных людей. Характерным примером является К. К. Арсеньев (1837–1919) — писатель, почетный академик по разряду изящной словесности Санкт-Петербургской АН (1900), общественный и земский деятель, один из самых авторитетных в России адвокатов, защитник «нечаевцев». Литературную деятельность К. К. Арсеньев начинал историческими статьями, печатавшимися в «Русском вестнике» (1858–1861). С 1862 года, став постоянным сотрудником «Отечественных записок» и заведующим «Иностранного обозрения», он много писал об английской конституции. Одновременно вел отдел «Иностранной политики» в «Санкт-Петербургских ведомостях» В. Ф. Корша, для чего оставил государственную юридическую службу. В «Вестнике Европы» работал со дня основания (1866), фактически определяя либеральное направление журнала. Знакомство с ним Назарьевой не было

³⁸⁶ Письмо Назарьевой К. В. к Глинскому Б. Б. от 21 мая 1899 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 72. Ед. хр. 223.

близким, в единственном письме она восторженно благодарит К. К. Арсеньева за статью в газете «Право» от 27 февраля 1899 года, против арестов в результате студенческих волнений: «Ваша мудрая и сильная статья в сегодняшнем номере “Права”, — это тот желанный луч Света, который так необходим теперь, это могучая поддержка для мятущихся <...>. Ваш голос дойдет и в этом вся надежда, все упование. Простите, что беспокою Вас, но я должна сказать Вам какое впечатление произвела Ваша чудесная статья, — пишет она. — Я сейчас же купила 15 №»³⁸⁷.

Достаточно близким было знакомство Назарьевой с Л. З. Слонимским (1850–1918) — блестящим политическим публицистом, сыном З. Я. Слонимского и отцом М. Л. Слонимского. Окончив юридический факультет Киевского университета, он с 1872 года печатался в «Судебном вестнике», «Судебном журнале», «Журнале гражданского и уголовного права», вел политический отдел в «Русском мире» и «Порядке», участвовал в «Слове», «Вестнике Европы» (готовил экономические и общественно-политические статьи). Л. З. Слонимский неоднократно оказывал Назарьевой протекцию в печати. «Спасибо Вам за доброе отношение, — пишет она в письме от 22 ноября 1894 года, — за то, что остались таким же снисходительным! Посылаю вам свой “Обман”. Пожалуйста, если возможно, пристройте! Сделайте **громадную милость** [выделено автором. — М. А.]»³⁸⁸.

Достаточно много писем Назарьевой сохранилось в архиве А. Е. Кауфмана (1855–1921). После окончания Одесского коммерческого училища он прослушал курс юриспруденции в Петербургском университете, человеком был крайне влиятельным: печатался в «Новороссийском телеграфе», «Рассвете», «Историческом вестнике», «Женском альманахе», «Новостях», «Одесском листке», «Одесских новостях», «Биржевых ведомостях», «Судебной газете» и т.д. А. Е. Кауфман был членом редколлегии (секретарем) «Русского еврея» (1880–1884), фактическим

³⁸⁷ Письмо Назарьевой К. В. к Арсеньеву К. К. от 27 февр. 1899 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371.

³⁸⁸ Письмо Назарьевой К. В. к Слонимскому Л. З. от 22 нояб. 1894 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544.

редактором «Вестника страхования». Инициатива знакомства, судя по письмам, принадлежала Назарьевой: в 1889 году она предлагает ему свой роман для «Одесского листка», однако знакомство становится теплым и дружеским настолько, что Назарьева даже берется послать к А. Е. Кауфману сотрудников со своими рекомендациями. А. Е. Кауфман к тому же становится советчиком во всех «сложных» (личных и финансовых) делах писательницы.

Так, желая стать автором «Одесского листка», она писала 27 февраля 1889 года: «Узнав, что Вы стоите во главе редакции “Одес.<ского> Листка”, обращаюсь к Вам с предложением своего сотрудничества. <...> Могу поручиться честным словом, что “На рубеже” — хорошая вещь, вполне цензурна, интересна»³⁸⁹.

Из этого же письма, в частности, становится понятно, что гонорары того времени в газетах и журналах рассчитывались из количества строк. Назарьева указывает, что предлагаемый ею роман насчитывает 9–10.000 строк. Стоимость строки Назарьева определяет в 3 копейки, хотя отдельно оговаривает, что она привыкла получать не менее 5 копеек за строку. Однако идет на это «понижение гонорара» только потому, что ранее за указываемую цену уже договорилась с предыдущим издателем, у которого и просит А. Е. Кауфмана по каким-то причинам выкупить роман за 40–60 рублей и разместить на страницах вверенного ему издания.

Существенную часть литературных знакомств Назарьевой составляли библиографы, среди которых следует назвать А. В. Старчевского³⁹⁰, Н. А. Рубакина³⁹¹, Н. В. Гаврилова³⁹², С. Е. Добродеева³⁹³, П. В. Быкова³⁹⁴, В. О. Михневича³⁹⁵.

³⁸⁹ Письма Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. от 27 февр. 1889 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.

³⁹⁰ Письма Назарьевой К. В. к Старчевскому А. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 583. Ед. хр. 523.

³⁹¹ Письмо Назарьевой К. В. к Рубакину Н. А. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2.

³⁹² Письма Назарьевой К. В. к Гаврилову Н. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 564. Ед. хр. 55.

³⁹³ Письмо и расписка Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164.; Расписка, выданная Назарьевой К. В. Добродееву С. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 165.; Письма Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. // РГАЛИ. Ф. 1243. Оп. 1. Ед. хр. 24.

³⁹⁴ Письма Назарьевой К. В. к Быкову П. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

³⁹⁵ Письма Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.

А. В. Старчевский (1818–1901) — журналист, энциклопедист, знаток европейских и восточных языков. Выпускник Киевского и Санкт-Петербургского университетов, он, еще будучи студентом, издал первый том «Сказаний иностранных писателей XVI века о России» (1841) на латинском языке (в нескольких томах), и далее его деятельность была связана с теми же поисками свидетельств о русских в западных архивах. В 1869 году А. В. Старчевский стал редактором журнала «Сын Отечества», а в 1879–1885 годах редактировал еще и «Современность», «Улей», «Эхо» и «Родину». Как видно из пяти писем Назарьевой к нему (1884), а также из достаточно частых публикаций ее романов в Ежемесячном приложении к журналу «Родина», общение их было довольно дружеским: «Так как мы пропировали у Ив. Н., то передовая и <неразбор.> будут доставлены в 9 ч. утра в пятницу». А. В. Старчевский к тому же не только сам заказывал ей статьи и романы («Если понадобится передовая, и я, по Вашему мнению, могу ее сделать — пришлите только сюжет, мысль, и я не задержу»), но и неоднократно оказывал Назарьевой услуги в качестве литературного агента, получая за это процент с гонорара («У Вас такая масса знакомых “книжников” и Вы сделаете великую для меня милость, сосватав и посоветовав купить у меня право издания на ром.<ан> “Золотое руно” <...>. Если Вам самому неудобно похлопотать, то нет ли такого человека? Само собой разум.<еется>, что процент <неразбор.> с благодарностью») ³⁹⁶.

Один из видных корреспондентов Назарьевой — библиограф, издатель Н. В. Гаврилов (1858–1918), выходец из купеческой семьи 3 гильдии. В Петербурге он начал как младший помощник дежурного читального зала и сделал головокружительную карьеру. В 1887 году по приглашению редакции журнала «Киев, старина» составлял ежемесячные указания вновь вышедших трудов по истории, истории литературы и этнографии Южной Руси. С 1881 года стал заведующим редакцией журнала «Российский библиограф», с января 1897 года — директором-распорядителем акционерного общества

³⁹⁶ Письма Назарьевой К. В. к Старчевскому А. В. от [б. д.] 1884 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 583. Ед. хр. 523.

печатного дела «Издатель», которое, кроме выпуска книг, получило в марте 1897 года от С. Е. Добродеева право собственности на издание газеты «Сын отечества» (первая в России дешевая газета для массового читателя), журналов «Живописное обозрение» и «Домашняя библиотека». Переписка между ним и Назарьевой (в основном по финансовым вопросам) в 1898–1900 годах была довольно интенсивная, они вместе сотрудничали в «Домашней библиотеке»: «Приехав сегодня в Контору за получением жалования и того аванса до 15 апр.<еля> (за готовую уже книгу), о котором я просила Вас, я встретила самое грубое и дерзкое обращение со стороны г. Самойлова, — жалуется она в письме от 31 марта 1898 года, — который, забыв свою роль, пожелал показывать власть над сотрудниками, не выдал денег, отзываясь незнанием, и ответил крайне грубо. Не желая подвергаться подобным неприятностям со стороны г. конторой заведующего, покорнейше прошу Вас приказать доставить мне гонорар на дом и вообще избавить от необходимости иметь разговор о деньгах с г. Самойловым»³⁹⁷.

С самим С. Е. Добродеевым (1846–1910) Назарьева тоже состояла в деловой переписке. Его издательство выпускало разнообразную печатную продукцию: переводы, альбомы, духовную литературу, издания о царских особах, детскую литературу, а также указанные выше периодические издания. Он часто предоставлял Назарьевой работу, неоднократно выкупая у нее права на рукописи. Их переписка важна с точки зрения понимания «экономики» писательского труда второй половины XIX века. В архиве имеется некоторое количество расписок, писанных рукой Назарьевой и сохранившихся до наших дней. Наиболее показательной является одна из них. Так, 08 сентября 1889 года писательница свидетельствует, что «продала С. Е. Добродееву, **повесть “Под влиянием аффекта”, ром.<ан> “Надорванные силы”** [выделено автором. — М. А.], помещ.<енный> в журнале “Наблюдатель” в 1893 г. для одного издания, на тех же условиях на которых продаю по нотариальному акту, другие мои произведения. За

³⁹⁷ Письма Назарьевой К. В. к Гаврилову Н. В. от 31 марта 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 564. Ед. хр. 55.

повесть **“Под влиянием аффекта”** [выделено автором. — М. А.] гонорар в количестве двенадцати рублей, получен. За роман **“Надорванные силы”** [выделено автором. — М. А.] получено в счет следуемых пятьдесят рублей, — тридцать рублей, сего 8-го сентября»³⁹⁸. Следует отметить, что по большей части подобная «продажа» рукописи издателю на деле означала полную потерю автором права в дальнейшем распоряжаться своим произведением и извлекать из него какую-либо материальную пользу. Видимо, вследствие подобного устройства литературного рынка, Назарьевой, чтобы прокормить свою семью, приходилось производить в огромных количествах все новые и новые тексты для подобных «продаж» — публикаций³⁹⁹.

Среди активных корреспондентов Назарьевой числится и поэт, прозаик, переводчик, историк литературы, библиограф П. В. Быков (1844–1930). Сын капитана 2-го ранга, окончивший медицинский и естественный факультеты Харьковского университета, он вольнослушателем занимался в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве. С 1860-х годов печатался в «Современной летописи», в газете «Сын Отечества», «Русском мире», «Искре», «Будильнике» «Отечественных записках», выступая как литературный критик и театральный обозреватель. Переехав в столицу (1878), работал в «Стрекозе», затем стал заведующим литературным отделом в «Русском базаре», «Русском богатстве», работал ответственным редактором журнала «Дело». Судя по письмам, с 1879 года Назарьева настойчиво ищет близкого знакомства с этим человеком с целью получения постоянной работы. В 1880 году он предоставляет ей возможность перевести книгу, с чем она не справляется (что будет повторяться, судя по письмам, неоднократно). Тем не менее, с 1881 года он постоянно дает Назарьевой переводы с немецкого, и, хотя она жалуется на то, что он «любитель немецкой стряпни», сотрудничество продолжается настолько, что он даже

³⁹⁸ Расписка, выданная Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. от 08 сент. 1889 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 165.

³⁹⁹ Письмо и расписка Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164.

берется «пристраивать» какие-то из ее собственных произведений в другие журналы, буквально спасая писательницу от «голодной смерти». Так, 04 апреля 1888 года она пишет ему: «Сегодня я узнала, что Вы редактор “Дела” и от души порадовалась, что наконец этот журнал получил такого просвещенного редактора и доброго хозяина как Вы. Вот к Вашей-то доброте я и позволяю себе обратиться. Зная, что Вам не чуждо понимание того тяжелого положения, в котором может находиться семейный человек при отсутствии заработка, и решаюсь убедительно просить Вас о некотором содействии. Вам, человеку, стоящему так прочно и твердо на литературном поприще легче чем кому-то другому протянуть мне руку помощи. Дело вот в чем: за этот год я имела много работы, так я перевела несколько книг для книгопр.<одавца> Тулова, и все они были хорошо встречены газетными отзывами, но теперь, вот уже 2–3 месяца как я абсолютно не имею никакой работы. Само собою разумеется, что это отсутствие работы, а следовательно, и необходимого для семьи заработка так сильно влияет на мою нравственную сторону, что я и своего то ничего не могу писать... Не можете ли Вы поднять мое самочувствие и дать мне возможность иметь заработок. Я знаю языки: фр.<анцузский>, немец.<кий>, англ.<ийский> и итальян.<ский> <...> могу делать компиляции, одним словом, я не отказываюсь ни от какой работы, ни от какой платы только бы достать работы... Мое денежное положение так нерадостно, и я решительно не имею никого кроме Вас на кого я могла бы надеяться. Сделайте одолжение, глубокоуважаемый Петр Васильевич, подумайте, нет ли у Вас в редакции работы, или не можете ли рекомендовать меня кому-нибудь⁴⁰⁰.

Адресатом писем писательницы является журналист, публицист, писатель, историк быта, краевед В. О. Михневич (1841–1899). Выходец из Киевской дворянской семьи, он не кончил курса в Киевском университете, а в 1860-х годах переехал в Петербург, начав писать для «Будильника», «Петербургского листка», «Занозы», «Сына Отечества», «Голоса»,

⁴⁰⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Быкову П. В. от 04 апреля 1888 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

«Новостей». Много занимался русской историей и историей литературы XVIII века (очерки в «Историческом вестнике» и «Наблюдателе»). Знакомство с В. О. Михневичем происходит по инициативе Назарьевой, которая в 1883 году предлагает в «Новости» свой роман, но их общение никогда не было тесным. Тем не менее В. О. Михневич, как видно из писем, становится для Назарьевой своеобразным «экспертом», — она доверяет его вкусу и влиянию: «Если у Вас, глубокоуважаемый Владимир Осипович, найдется свободная минутка прочтите мою книжку. Сделайте это одолжение! Вторая просьба взглянуть на прилагаемый отзыв и третья: скажите, следует ли мне возразить на нелепый вывод рецензента, не отличающего **мнений автора** [выделено автором. — М. А.] от мыслей и постулатов **отрицательного** [выделено автором. — М. А.] героя?» — резонно спрашивает она в письме, датированном 1898 годом⁴⁰¹.

Необходимым для Назарьевой становится знакомство с критиками того времени. Так, среди ее корреспондентов находим А. А. Измайлова (1873–1921) — беллетриста и литературного рецензента, выпускника Санкт-Петербургской духовной академии и с 1898 года постоянного фельетониста «Биржевых ведомостей», где Назарьева печаталась все 22 года своей писательской деятельности. Сохранилось его очень теплое и проникновенное предисловие к посмертному изданию рассказа Назарьевой «Пророчество». «Печатаемый ниже рассказ найден наследниками покойной известной писательницы К. В. Назарьевой в ее бумагах. <...> Но если даже фабула его — чистый вымысел, он очень характерен для К. В. Назарьевой, — отмечает критик, — как образно схваченный синтез существования и труда русской писательницы, получающий какой-то особенный оттенок грустной сердечности от своего появ.<ления>»⁴⁰².

Дружеские отношения Назарьева поддерживает с А. Е. Зариным (1862–1929) и его родителями: критиком, переводчиком, поэтом Е. Ф. Зариным и

⁴⁰¹ Письма Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. от [б. д.] 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.

⁴⁰² Назарьева К. В. Рассказ «Пророчество» с предисловием Измайлова А. А. // ИРЛИ РАН. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54.

прозаиком Е. И. Зариной. Еще учась в Виленском реальном училище, А. Е. Зарин был арестован по обвинению в связях с «Народной волей». С 1884 года он становится фактическим редактором «Звезды», «Живописного обозрения» и др. периодических изданий, и, как видно из пяти сохранившихся писем, их связывали деловые отношения по взаимному «устраиванию» своих литературных произведений во вверенные им издания (в тот момент Назарьева работала корректором в «Домашней библиотеке»).

Письма Назарьевой также демонстрируют еще один любопытный факт литературной жизни того времени: зачастую писатели «делились» работой друг с другом: «Не можете ли вы заглянуть ко мне в любой день от 3 до 10 веч.<ера>, — пишет она А. Е. Зарину 05 декабря 1895 года, — Хотелось бы поговорить с Вами и передать нечто, могущее быть для Вас удобным. <...> У меня жестоко охрипло горло и это потому не иду к Вам сама, но в **Ваших** [выделено автором. — М. А.] интересах, прошу зайдите ко мне сегодня от 4 до 12 вечера. Имеется в виду очень спешная работа для Вашей милости»⁴⁰³.

Официальные отношения связывали Назарьеву с Н. А. Лейкиным (1841–1905) (ее письма выдержаны в деловом и просительном тоне). Выходец из купеческой семьи, служивший приказчиком и страховым агентом, Н. А. Лейкин в итоге стал виднейшим юмористом и издателем еженедельника «Осколки», где начинал печататься А. П. Чехов.

В письмах Назарьевой встречаются намеки на весьма непростые обстоятельства житейского характера, в которых часто оказывались писатели ее круга. Связаны они всегда были с острейшей нехваткой денег у Назарьевой, 22 года прожившей в своеобразной «истерике выживания»: «Боюсь, что Вы рассердитесь на меня, что я до сих пор не воспользовалась Вашим честным позволением дать рассказы в “Осколки” и за то прекратите мне высылку журнала (я не получила последнего номера!), — пишет она Н. А. Лейкину в письме от 1895 года, — но прислать плохую вещь — мне не

⁴⁰³ Письма Назарьевой К. В. к Зарину А. Е. от 05 дек. 1895 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 210.

хочется, а что-либо приличное — **буквально** [выделено автором. — М. А.] написать теперь не могу»⁴⁰⁴.

Будучи драматургом, Назарьева водила знакомство с режиссерами и театральными деятелями того времени, среди которых А. Р. Кугель⁴⁰⁵, Е. П. Карпов⁴⁰⁶, И. М. Булацель⁴⁰⁷, М. Г. Савина⁴⁰⁸.

Известный театральный деятель А. Р. Кугель (1864–1928), сын казенного раввина, окончивший юридический факультет Санкт-Петербургского университета, стал театральным рецензентом, фельетонистом, а с 1897 года — главным редактором журнала «Театр и искусство». Назарьева явно пользуется протекцией А. Р. Кугеля, который поощряет «идейность» ее произведений: «К. В. Назарьева очень, очень просит Александра Рафаиловича сказать доброе словечко в “Печ. Газ.”. Этот роман тоже **идейный** [выделено автором. — М. А.] и, право, стоит внимания»⁴⁰⁹, — пишет она 12 апреля 1898 года. В другом письме, от 23 февраля 1893 года она обращается к нему за помощью: «Если Вам можно — помирите меня с “Нов.<остями> дня”. Я готова взять по 4 коп. вместо 5 коп. чтобы гонорар прислали через Вас, а не таким <неразобр.>. Простите что я Вас беспокою. О том, что у меня уже так скверны дела, я никому не говорю, но честное слово — это правда»⁴¹⁰.

Будучи автором пьес, которые шли на сценах антрепризных российских театров, Назарьева в надежде на «серьезную сцену», поддерживала знакомство с видным режиссером того времени Е. П. Карповым (1857–1926), сыном почтмейстера, юношей, состоявшим в партии «Народная Воля» (дружил с В. Засулич, В. Фигнер) и ходившим в «народ», сидевшим в тюрьме, ссылавшимся в Сибирь. В 1885 году в Орле он работал в газете «Орловский вестник», где писал первые пьесы, затем в 1887

⁴⁰⁴ Письмо Назарьевой К. В. к Лейкину Н. А. от [б. д.] 1895 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143.

⁴⁰⁵ Письма Назарьевой К. В. к Кугелю А. Р. // ИРЛИ РАН. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150.

⁴⁰⁶ Письма Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.

⁴⁰⁷ Письма Назарьевой К. В. к Булацелю И. М. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73.

⁴⁰⁸ Письма Назарьевой К. В. к Савиной М. Г. // РГАЛИ. Ф. 853. Оп. 2. Ед. хр. 893.

⁴⁰⁹ Письмо Назарьевой К. В. к Кугелю А. Р. от 12 апр. 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150.

⁴¹⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Кугелю А. Р. от 23 февр. 1893 г. // Там же.

году переехал в Ярославль, где стал актером, а через два года в Петербурге — режиссером, ставя спектакли для крестьянских семей и рабочих Невской заставы. В марте 1893 года его пьеса «Ранняя осень» была поставлена в Александринском театре (одну из ролей сыграла М. Г. Савина), а с 1896 по 1900 год Е. П. Карпов становится его главным режиссером. В трех сохранившихся письмах отражены переговоры о пьесе Назарьевой «Опасные люди», которая понравилась артисту О. П. Гореву: «Вы сами автор, но автор уже увенчанный и понимаете, как дороги были мне эти слова. Теперь я решаюсь написать к Вам! Мое частное утверждение, что О. П. будет искать громадный успех в Варенцове. Он заставит плакать публику, он разбудит ее наконец. Пожалуйста, добрый, сердечный Евтихий Павлович, помогите!», — пишет она Е. П. Карпову в 1898 году⁴¹¹.

С выходцем из старинного молдавского дворянского рода, драматургом и режиссером И. М. Булацелом Назарьеву, судя по всему, связывали дружеские отношения, что видно из письма к нему от 17 ноября 1888 года по поводу одной из ее пьес: «Вы были так добры и отнеслись сочувственно к моей драме “Тревожное счастье”, а потому позволяю себе обратиться к Вам с убедительною просьбою принять на себя хлопоты по ее постановке <...>. Доверяю Вам безусловно и прошу распоряжаться как бы своей собственностью, т.е. ставить ее на какой угодно сцене на таких условиях какие сочтете удобными»⁴¹².

Особую группу писем составляют обращения к уже тогда знаменитым писателям и публицистам, в круг которых, судя по переписке, Назарьева не была вхожа: Д. Н. Мамин-Сибиряк ⁴¹³ , Н. К. Михайловский ⁴¹⁴ , В. И. Немирович-Данченко ⁴¹⁵ , Н. С. Лесков ⁴¹⁶ , Ф. М. Достоевский ⁴¹⁷ , А. П. Чехов⁴¹⁸.

⁴¹¹ Письмо Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. от [б. д.] 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.

⁴¹² Письмо Назарьевой К. В. к Булацелю И. М. от 17 нояб. 1888 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73.

⁴¹³ Письмо Назарьевой К. В. к Мамину-Сибиряку Д. Н. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 157. Шифр М-С. П. III. Ед. хр. 49.

⁴¹⁴ Письма Назарьевой К. В. к Михайловскому Н. К. // ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.

⁴¹⁵ Письмо Немировича-Данченко В. И. к Назарьевой К. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610.

Знакомство с Д. Н. Маминым-Сибиряком (1852–1912), судя по всему, было теплым, поскольку тон единственного сохранившегося ее письма к нему от 1878 года крайне фриволен. Назарьева просит его зайти к ней: «Не заглянете ли показать свои милые игристые очи»⁴¹⁹, причем дата сомнительна, поскольку летом 1877 года еще не известный Д. Н. Мамин-Сибиряк уехал на Урал и появился в Санкт-Петербурге лишь в 1881 году.

Воспроизвести атмосферу, в которой жила писательская среда тех лет, помогают ответы корреспондентов Назарьевой. Примером служит письмо В. И. Немировича-Данченко (1858–1943), который в мягкой форме, в письме от 15 апреля 1896 года, отказывается от предложенного Назарьевой сотрудничества в «Домашней библиотеке»: «Я очень польщен Вашим любезным приглашением. Но, к сожалению, должен надолго отказаться от него. Вы знаете, видимо, что моя главная работа — для сцены. Кроме того, большая часть времени уходит у меня на преподавание в Театральной школе. Для беллетристики остается не много времени»⁴²⁰.

О желании войти в высокий «писательский круг» свидетельствуют письма Назарьевой к известным писателям-современникам. Чаще всего инициатором переписки с «великими» и «признанными» выступает сама Назарьева. Так, она неоднократно шлет Ф. М. Достоевскому (1821–1881) свои восторженные отзывы о его произведениях, например, в письме от 07 февраля 1877 года она пишет: «Если когда-нибудь судьба столкнет нас, если мне удастся пожать руку человека, написавшего “Преступление и наказание” и “Кроткую”, то я буду самым счастливым человеком... Не сочтите меня за экзальтированную институтку или искательницу приключений. Я — 29 лет. Разводка. Живу редакц.<ионной> работой и имею 3 детей. Из-за них я много страдала, и вот почему я всею душою понимаю Вас и молюсь на Вас за

⁴¹⁶ Письма Назарьевой К. В. к Лескову Н. С. // РГАЛИ. Ф. 254. Оп. 1. Ед. хр. 268.; Краткое изложение письма Назарьевой К. В. рукою Лескова А. Н. // ИРЛИ РАН. Ф. 612. Ед. хр. 265.

⁴¹⁷ Письма Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.

⁴¹⁸ Письма Назарьевой К. В. к Чехову А. П. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

⁴¹⁹ Письмо Назарьевой К. В. к Мамину-Сибиряку Д. Н. от [б. д.] 1878 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49.

⁴²⁰ Письмо Немировича-Данченко В. И. к Назарьевой К. В. от 15 апр. 1896 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610.

Вашу глубину познания чело́веч.<еской> души»⁴²¹. В письме от 16 февраля 1877 года она решает даже просить его о содействии в трудоустройстве ее в какую-нибудь редакцию или издательство: «Простите меня, глубоко и горячо уважаемый Федор Михайлович, что я опять пишу к Вам, и при этом могу обратиться к Вам с просьбою. Вы, несомненно, имеете массу знакомых, скажите, не нужна ли кому-нибудь работа в знакомых Вам редакциях? Я хорошо знаю языки, и теперь крепко нуждаюсь в работе»⁴²².

На портале «Ф. М. Достоевский (Антология жизни и творчества)» указано, что «по всей вероятности, Достоевский встретился с Назарьевой, так как в его записных тетрадях есть ее петербургский адрес»⁴²³, однако в этом есть большие сомнения, поскольку в 1877 году Назарьева еще не заявила о себе как писательница, она была просто одной из многочисленных почитательниц таланта Ф.М. Достоевского, встречи с которыми были вовсе не обязательны. Мы предполагаем, что Ф. М. Достоевский как аккуратный человек просто записывал адреса своих корреспондентов.

В связи с особым пиететом и почтением, которые Назарьева питала к Ф. М. Достоевскому, несколько странной выглядит неприятная заметка А. И. Фаресова, опубликованная в «Петербургской газете» за 9 июня 1908 года о той роли, которую якобы сыграла писательница в распространении слухов о т.н. «ставрогинском грехе» Ф. М. Достоевского⁴²⁴.

А. И. Фаресов пишет: «О Ф. М. Достоевском мне **рассказывала** [выделено нами. — М. А.] однажды К. В. Назарьева следующее: в присутствии многих лиц возник разговор о возможности для порядочного человека совершить несомненно постыдные деяния. Своей умственной горделивостью они сильно взволновали присутствовавшего тут же

⁴²¹ Письмо Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. от 07 февр. 1877 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.

⁴²² Письмо Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. от 16 февр. 1877 г. // Там же.

⁴²³ Достоевский Ф. М. (Антология жизни и творчества) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedordostoevsky.ru/around/Nazareva_K_V/. [Дата обращения: 26.01.2022].; Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя.) // Неизвестный Достоевский. 2017. № 4. С. 111.

⁴²⁴ Фаресов А. И. Достоевский перед судом проф. Баженова // Петербургская газета. 1908. № 156. 9 июня. С. 1.

Достоевского, всегда признававшего человека существом слабым, неумеющим предчувствовать самого себя (“Преступление и наказание”) и потому нуждающегося в снисхождении. — “Я знал очень порядочного человека, который однажды познакомился на улице с гувернанткой и увлек не только ее самую, но и несовершеннолетнюю девочку, к которой гувернантка была приставлена. Как назвать этого господина? — Ну конечно мерзавцем... — Ну так этим мерзавцем, — перебил Достоевский, — был я сам! Я был мерзавцем... Все могут быть мерзавцами под влиянием обстоятельств и настроений, но придя в спокойное состояние духа не следует черное называть белым”. Если это верно, что **рассказывала мне самому** [выделено нами. — М. А.] К. В. Назарьева о Достоевском...»⁴²⁵

Как видно из цитаты А. И. Фаресова, приписываемое признание Назарьевой прозвучало, если доверять воспоминаниям мемуариста, в устной форме, в личном разговоре с ним, и нигде более письменно не зафиксировано.

Ссылаясь на эту заметку публициста, на портале «Ф. М. Достоевский (Антология жизни и творчества)» журналист С. Рублев в статье: «“Крестьянские малолеточки” Невзорова, или Приключения Страхова в бане» пишет: «К. В. Назарьева **рассказывала** [выделено нами. — М. А.] А. И. Фаресову, как однажды “в присутствии многих лиц возник разговор о возможности для порядочного человека совершить несомненно постыдные деяния”»⁴²⁶. При этом журналист утверждает: «В ее рассказе превратно истолкован и искажен смысл публичного выступления Достоевского»⁴²⁷.

Однако есть большие сомнения в том, что А. И. Фаресов, пользуясь тем, что Назарьевой уже 8 лет как не было в живых (1900), не сочинил этот разговор с ней, приписав ей присутствие в кругу «многих лиц»⁴²⁸.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Рублев С. «Крестьянские малолеточки Невзорова, или Приключения Страхова в бане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/research/fake/001/>. [Дата обращения: 19.01.2022].

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Фаресов А. И. Достоевский перед судом проф. Баженова // Петербургская газета. 1908. № 156. 9 июня. С. 1.

Изначально сплетня о Достоевском вообще впервые возникает задолго до того, как Назарьева прибывает в Петербург и начинает свою литературную деятельность. Слух, обрастая вариантами и подробностями, циркулирует в четырех разных редакциях, исходящих от И. С. Тургенева, А. В. Григоровича, П. А. Висковатого и Н. Н. Страхова (что убедительно показано В. Н. Захаровым и С. Рублевым)⁴²⁹.

Можно было бы предположить, во-первых, что это был какой-нибудь вечер, на котором присутствовали все они и слушали эту исповедь Ф. М. Достоевского, но никто из них не оставил воспоминаний о такой встрече. Более того, изложение этого слуха у них у всех сильно разнилось. Во-вторых, даже если бы такой вечер и состоялся, то Назарьева в принципе не могла бы на нем присутствовать — это был слишком высокий круг для ее скромного положения литературной поденщицы. Из переписки самой Назарьевой мы знаем, что в круг «классиков», как она ни старалась, допущена она не была, и, следовательно, сама присутствовать при рассказе Ф. М. Достоевского не могла. К тому же нужно учитывать, что на момент переписки с Ф. М. Достоевским (1877)⁴³⁰ Назарьева еще ничего не опубликовала (первая ее повесть «Специалист (Страница из женской жизни)»⁴³¹ выйдет только в 1879 году), а работает в редакциях переписчицей, секретарем, занимается ведением кассовых книг и т.д.⁴³² Кроме того, Ф. М. Достоевский умер в 1881 году, когда у Назарьевой еще не было никакой литературной репутации, что еще раз свидетельствует о сомнительности предположения о том, что Назарьева якобы присутствовала при признаниях Ф. М. Достоевского. В-третьих, если бы Ф. М. Достоевскому и пришла в голову фантазия исповедоваться перед литературными дамами на каком-нибудь открытом публичном литературном обсуждении его

⁴²⁹ Рублев С. «Крестьянские малолеточки Невзорова, или Приключения Страхова в бане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/research/fake/001/>. [Дата обращения: 19.01.2022].

⁴³⁰ Письма Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.

⁴³¹ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 63–94.

⁴³² Там же. С. 111.

произведений, то уж в каких-нибудь мемуарах столь потрясающий воображение дам факт нашел бы свое отражение.

Мы не можем ни опровергнуть, но не можем и подтвердить то событие, которое описывает А. И. Фаресов, передавая слова Назарьевой, что будто бы она могла слышать это собственными ушами. Поэтому рассуждения о том, что «искажение начинается с **интонаций** [выделено нами. — М. А.]», что «К. В. Назарьева **произносит всерьез** [выделено нами. — М. А.]: “знал очень порядочного человека”»⁴³³, которые развивает в своей статье С. Рублев как минимум поспешны. И попытка сделать Назарьеву в 1908 году, через почти сорок лет после того, как сама сплетня появилась на свет, автором данного пасквиля в принципе выглядит явным искажением ситуации.

Далее в заметке А. И. Фаресова указывается, что сплетня прозвучала в **личном разговоре** [выделено нами. — М. А.] с ним. И более нигде этот момент не зафиксирован. В сохранившейся переписке Назарьевой писем А. И. Фаресова не обнаружено, из чего следует, что ее корреспондентом он, скорее всего, не был, а значит в числе ее друзей едва ли состоял, хотя они могли пересекаться по службе в общих литературных изданиях.

Можно было бы предположить, что Назарьева пересказала А. И. Фаресову от кого-то услышанную историю (а в рассказе, который приписывает Назарьевой А. И. Фаресов, отразились все четыре варианта этой сплетни), однако напоминаем, что ее отношение к Ф. М. Достоевскому было слишком уважительным и потому сомнительно, что она могла бы рассказывать о нем что-то его порочащее.

К тому же, анализируя эту историю, следует учитывать характер самой Назарьевой, которая в течение всей своей жизни, как икону, держала мысленно перед собой образ Веры Павловны из романа Н. Г. Чернышевского, принципиально чуралась каких-либо пересудов и сплетен. Об этом свидетельствуют, как минимум, два ее письма. Например, в

⁴³³ Рублев С. «Крестьянские малолеточки Невзорова, или Приключения Страхова в бане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/research/fake/001/>. [Дата обращения: 19.01.2022].

письме от 02 января 1899 года к А. Е. Кауфману она пишет: «Шапир — чл.<ен> Комитета... И она должна защищаться. А я, я далека от этой бабьей забавы и отношусь беспристрастно!»⁴³⁴. А из письма к П. В. Быкову [б. д.] видно, что она брезгливо относится к чужим сплетням, предпочитая прямое выяснение отношений: «Дубровина опять разозлилась на меня и быть может, по своей привычке, захочет начать ловить рыбу в мутной воде. Будьте же добры, оставайтесь верны своему правилу (Вам мне высказанному) слушать ее одним ухом, выпуская в другое... Я позволяю себе сказать Вам это только потому, что мне то уже чересчур надоели ее передачи с чужих слов того или другого... Думаю, что она действует так же и по отношению меня к Вам, т.к. Вас ко мне»⁴³⁵.

Назарьева вообще была крайне щепетильна в вопросах деликатных. Так, например, в письме к тому же В. П. Быкову от 26 ноября 1880 года она даже отказывается от выплаты гонорара за перевод, понимая, что работу выполнила некачественно: «Если перевод <неразобр.> совсем плох — я отказываюсь от гонорара и еще раз прошу не судить об моей работе по сегодняшнему. Я хотела даже не посылать, но боялась, что могу затруднить Вас»⁴³⁶.

Нам представляется, что в этой конкретной ситуации А. И. Фаресов, возможно, намеренно реанимировав уже угасшую сплетню о Ф. М. Достоевском пытался реализовать какие-то свои психоаналитические амбиции, вступая в диалог с суждениями «знаменитого московского психиатра» Н. Баженова, который утверждал, что «иногда страсть к подросткам внезапно одолевает вполне уравновешенных людей»⁴³⁷. А. И. Фаресов пишет: «крупные, самовлюбленные и захваленные люди иногда не брезгают и грязной клеветой на себя самих, чтобы очутиться

⁴³⁴ Письмо Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. от 02 янв. 1899 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.

⁴³⁵ Письмо Назарьевой К. В. к Быкову П. В. [б. д.] // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

⁴³⁶ Письмо Назарьевой К. В. к Быкову П. В. от 26 ноября 1880 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.

⁴³⁷ Фаресов А. И. Достоевский перед судом проф. Баженова // Петербургская газета. 1908. № 156. 9 июня. С. 1.

лишний раз в исключительном положении...»⁴³⁸, и как бы оправдывая эту ситуацию. «Все это феноменология духа большого человека»⁴³⁹, — утверждает он, после чего и приводит историю, якобы рассказанную уже покойной Назарьевой.

В результате можно сказать, что Назарьева в современном научном и популярном контексте воспринимается, как человек не столько даже мелочный и нечестный, но намеренно или по глупости оклеветавший Ф. М. Достоевского. Между тем факт участия Назарьевой в распространении клеветы, по нашему глубокому убеждению, выглядит неубедительно.

С А. П. Чеховым (1860–1904) личного знакомства не было. Тон письма Назарьевой горький и чуть упрекающий, свидетельствующий о том, что «ареопаг» будущих классиков русской литературы ее, несмотря на широкую известность, так и не принял в свои ряды: «Ведь я не только маленький “пишущий человек”, но я, — публика, толпа <...>. Если хотите, **очень** [выделено автором. — М. А.] обрадовать и доставить громадное удовольствие, пришлите что-либо свое, с надписью. Это будет для меня **действительно** [выделено автором. — М. А.] дорогим подарком, и не только мне, а и для моих юношей-сыновей, **Ваших почитателей** [выделено автором. — М. А.]⁴⁴⁰.

Таким образом, Назарьева, будучи, по мнению современников, «литературным поденщиком», работающим в жанре «дамского романа», умела мастерски строить сюжет, но не обладала временем, возможностью и, вероятно, достаточным талантом для глубокой разработки характеров и ситуаций. Анализ переписки Назарьевой позволяет исследователю значительно восполнить существующие лакуны в истории литературного процесса второй половины XIX века.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 28 окт. 1896 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

Современные Назарьевой критики невысоко ценили ее творчество, неизменно относя его к жанру «дамского романа». Она работала за весьма низкие гонорары от издательств, что в немалой степени определяло и качество ее творчества: современники отмечали, что Назарьева является мастером сюжета, но сложно справляется с разработкой ярких характеров и ситуаций ввиду отсутствия времени на проработку своих произведений. При этом Назарьева пользовалась популярностью у читателя: ее произведения, например, «Скорбный путь», «Развенчанная королева», сборник рассказов «Порыв» и др. имели по три/четыре переиздания и при жизни писательницы были переведены на шведский, французский, итальянский и даже сербский языки.

Личная переписка Назарьевой представляет значительный интерес для историка литературы, поскольку проливает свет на ранее неизвестные факты и свидетельства из жизни женщины-писательницы второй половины XIX века. Рассмотрев систему творческих, литературных и дружеских связей писательницы, среди которых преимущественно были общественные деятели, публицисты, беллетристы, издатели — все это были люди либерального толка, многие из которых имели фундаментальные юридические знания, полученные в Санкт-Петербургском университете, — исследователь может не только пополнить биографические сведения о Назарьевой, но и добавить новые грани к характеристике литературного процесса конца XIX века. Переписка Назарьевой существенно проясняет структуру литературной среды этого периода, систему «литературной иерархии», издательскую политику в отношении авторов «второго ряда», а также уточняет представления о быте тружеников писательского цеха того времени.

Глава III.

Творчество К. В. Назарьевой: проза, драматургия, публицистика

Рассматривая произведения литературной периферии, Ю. М. Лотман отмечал, что они представляют собой историко-культурный пласт, который никак не может быть обойден вниманием литературоведения, поскольку дает ценнейшие представления о своем времени и о так называемом «срединном», «обывательском» спросе (запросе) на культурные ценности. Отчасти поэтому Ю. М. Лотман относит понятие «массовая литература» более к социологической сфере, нежели к литературоведческой: «Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру»⁴⁴¹. Причем культура времени, по мнению Ю. М. Лотмана, отражается в массовой литературе как бы в сниженном, упрощенном, адаптированном к массовому обывательскому запросу варианте.

В полной мере данное утверждение можно отнести к творчеству Назарьевой, чьи многочисленные (неровные по качеству) романы, пьесы и публицистика являются не столько собственно художественно-литературной ценностью, сколько интереснейшим документом эпохи.

Более пятидесяти романов, десятки рассказов и повестей, пьес, огромный корпус репортажей, статей, заметок, подписей к иллюстрациям (точное количество которых за многочисленностью псевдонимов автора еще предстоит установить) — это миллионы бытовых ситуаций, типов, характеров, сюжетов повседневной жизни российского обывателя второй половины XIX века.

⁴⁴¹ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Таллин: Александра, 1993. С. 382.

3.1. Повествовательная проза К. В. Назарьевой: темы, герои, жанры, сюжеты

Произведения Назарьевой условно можно разделить на два больших, но родственных «подвида»: так называемый «уголовный роман» (обозначение жанра «детектив» появилось в XX веке) и любовно-психологическая повесть с очевидным «морально-нравственным» итогом, в некотором роде писанная всегда немножечко в духе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, который произвел, как уже упоминалось выше, неизгладимое впечатление на Назарьеву в юности.

Неважно, помещала ли Назарьева свою героиню в детективный, исторический или бытовой сюжет, она неизменно была верна женскому идеалу, выписанному Н. Г. Чернышевским: скромная, трудолюбивая, самостоятельная, рассчитывающая только на себя — в то время как Н. Д. Хвощинская рассматривала своих героинь под углом социологии и философии, Ю. В. Жадовская делала упор на свободе отношений и праве женщины любить того, кого она выбрала, Е. П. Свешникова выводила в своих романах портрет активных феминисток, а Л. И. Веселитская-Микулич вообще отказывала героиням в праве на самостоятельность⁴⁴².

К началу литературной деятельности Назарьевой детектив как жанр только-только появился в России и начал нащупывать свои собственные пути, отталкиваясь от опыта в том числе и появившихся в переводе в 1868–1874-х годах романов Э. Габорио (фактически зачинателя жанра)⁴⁴³, У. Коллинза («Женщина в белом» и «Лунный камень») и многих других зарубежных авторов (А. Бело, К. Геру, Э. Шаветта, Э. К. Грин и П. Понсон дю Террайля, Ф. де Буагобе, А. Бувье, П. Законнэ).

Воздействие переводной детективной литературы оказывало магическое действие на читателя из мелкочиновного, мещанского и

⁴⁴² См.: Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: Автореферат дис. кан. филол. наук: 10.01.01. М., 2009. 18 с.

⁴⁴³ Шпилевая Г. А. А. А. Шкляревский и Э. Габорио: родоначальники «Полицейского» романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5. С. 145–149.

городского ремесленного сословия, а также — на подростков. «Я читал их буквально запоем, — писал мемуарист Н. Я. Быховский в конце 1880-х годов о своей юности. — Из горькой юдоли моей действительности они переносили меня в шумный и сказочный Париж, в великолепные дворцы, залитые ярким светом, в роскошные рестораны, полные всяких яств, они раскрывали предо мною жизнь, полную всяческих приключений в многоэтажных домах и дворцах, в фиакрах и на железных дорогах, которые я никогда еще не видел тогда... <...> Это было так непохоже на мою sereneкую горемычную жизнь, что действовало на меня как гашиш и опиумокурение, раскрывающие волшебные картины в отравленном мозгу курильщика. Я забывал при этом о хлебе и тараньке, составлявших мою главную пищу, о грязном угле <...>, где я жил <...>, о постигшей меня неудаче в стремлении учиться»⁴⁴⁴.

Тотальный успех и востребованность подобной литературы у читателя (а многие переводные детективные романы выдерживали до четырех изданий, что было немислимо по тем временам) стимулировали интерес российских издателей к поиску авторов, способных массово создавать подобный продукт.

Капитолина Назарьева, предельно нуждающаяся в средствах для проживания и воспитания детей, естественным образом откликнулась на этот «коммерческий запрос» издательств. Она была одной из первых, кто явился активным популяризатором жанра среди российских обывателей, встав к середине 1880-х годов в один ряд с такими авторами, как Ф. К. Иванов, А. И. Деянов, Н. Н. Животов, А. А. Соколов, А. И. Соколова, Г. А. Хрущов-Сокольников и многие другие. О популярности их творений говорят цифры: если обычный тираж книги составлял до 2400 экземпляров⁴⁴⁵, то детективные произведения, печатавшиеся в бесплатных приложениях к журналам и

⁴⁴⁴ Цит. по: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО. 2009. С. 110–111.

⁴⁴⁵ Там же.

газетам, подчас суммарно доходили до 120 тысяч экземпляров⁴⁴⁶, учитывая, что литературная продукция, производимая Назарьевой, была необыкновенно востребована в провинции, вряд ли на сегодняшний день вообще можно установить подлинные (наверняка немаленькие, учитывая допечатки) тиражи приложений к «Свету», «Лучу», «Родине» с ее «уголовными» произведениями, отправляемыми во все концы тогдашней России.

Однако читатели-современники поначалу не высоко оценивали конкурентные способности русского уголовного романа в сравнении с западным. «...Мои сверстники и сверстницы зачитывались уголовными романами Габорио и переживали с замиранием сердца все воплощения “Рокамболя” и “Воскресшего Рокамболя”, которому лишь кой у кого из наиболее передовых составляли конкуренцию туземные герои “Петербургских тайн” Всеволода Крестовского»⁴⁴⁷, — писал Н. С. Русанов.

Но вскоре сама ситуация в России стала активно способствовать интересу и востребованности этого жанра. После реформы судебной системы, сделавшей судопроизводство открытым и гласным, (вт. пол. 1860–1870-х гг.) зал для судебных заседаний превратился, по сути, в еще один модный вид развлечения публики, в своеобразный театральный партер, где представлялись щекочущие нервы «пьесы» прямо из реальной жизни. Причем, «персонажами» этих «пьес» подчас являлись соседи, друзья, знакомые, родственники, что существенно обостряло интерес обывателя к подобным судебным «спектаклям». Поэтому на судебные заседания ходили, как в театр на модную премьеру, речи юристов подолгу обсуждались в гостиных, а сами адвокаты становились героями дня, обрастали поклонниками, по славе соперничая с известными актерами. Их речи выходили отдельными сборниками и пользовались огромным спросом.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Русанов Н. С. На родине. М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 45.

Пресса ежедневно печатала отчеты о наиболее громких и скандальных уголовных процессах.

Весь ажиотаж публики вокруг новшества — уголовного производства и суда — Назарьева наблюдала отнюдь не издали. Во второй половине семидесятых годов, отработав пять лет репортером в «Судебном вестнике»⁴⁴⁸, она с присущим ей «трудоголизмом» написала множество документально-публицистических отчетов и заметок «из зала суда». И к 1880-м годам, когда начала всходить звезда ее известности, представляла собой уже далеко не ту девочку из провинциального городка, которая перепугано переступила в первый раз порог зала судебных заседаний (какой описана она в повести «Специалист (Страница из женской жизни)»⁴⁴⁹). Назарьева теперь легко ориентировалась во всех тонкостях проведения судебного процесса, а как репортер была даже причастна к «закулисной» стороне судопроизводства, что, естественно, придавало ее «отчетам» дополнительную пикантность.

Об особенностях ее публицистики будет сказано ниже. Однако тут важно заметить, что собственно публицистического, журналистского текста в том виде, как это понимается сегодня, Назарьева создать не могла. Все ее журналистские опыты представляли собой некие мини-рассказы в сюжетах и лицах, а подчас и — в довольно развернутых диалогах, при этом, впрочем, никоим образом не претендующих быть интервью. Поскольку либо персонажи этих «публицистических» текстов (чаще всего), оказывались плодом фантазии самой писательницы, либо (если персонажи все же имели место быть) тексты, которые они произносили, были существенно скорректированы воображением автора, либо — и то и другое вместе.

«Почерк» этот она вырабатывала именно в «Судебном вестнике», добросовестно записывая за судьями, прокурорами, адвокатами, подсудимыми и свидетелями дословно все, что звучало в зале суда, и печатая

⁴⁴⁸ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2.

⁴⁴⁹ Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 63–94.

«репортажи» почти без обработки. Поэтому ее судебные отчеты в какой-то мере уже были своеобразными «конспектами» будущих романов, которые, при первой потребности, нужно было лишь «пошире расписать», снабдив дополнительными действующими лицами, придумав «историю» до суда и попытавшись психологизировать мотивы преступления, озвученные в ходе судебного заседания сухим юридическим канцелярским языком.

Именно эта длительная репортерская практика и позволила Назарьевой быть одной из первых, кто чутко откликнулся на издательский запрос на авторов, способных создавать тексты в духе «уголовного романа».

Но само судебное заседание — это некий итог, конец истории, ее развязка. И вскоре он перестал до конца удовлетворять интерес публики, наскучил ей. Обыватель, жаждавший «сильных ощущений», хотел бóльшего количества подробностей, каковые можно было найти только в ходе самого следствия. Оно к этому времени уже существовало, но к его ходу, естественно, публика не допускалась. Однако литераторы нашли способ удовлетворить читательское любопытство: та же судебная реформа, создав институт судебных следователей, немедленно породила жанр полудокументальной массовой прозы, якобы созданной на основе опыта самого следователя. Авторы книг о преступлениях, написанных в 1860-х — начале 1870-х годов, спекулируя на интересе к теме, даже если сюжет был целиком придуман, намеренно подчеркивали, что их произведения написаны на основе реальных событий, в рекламных целях эксплуатируя естественный интерес к новой профессии «расследователя». Для этого в заглавия массово выносились слова — «записки следователя»⁴⁵⁰. Так постепенно к 1872 году «уголовный» русский роман обретает свои собственные, оригинальные, своеобразные черты, получившие наиболее яркую реализацию в творчестве русского «Габорио» — А. А. Шкляревского (1837–1883). Именно его

⁴⁵⁰ Степанов П. И. Правые и виноватые: Записки следователя сороковых годов. Т. 1–2. СПб.: В. Е. Генкель, 1869. 465, 455 с.

«Рассказы следователя» и создают «перелом», смещая читательский интерес с иностранного детектива к русскому «уголовному жанру».

Назарьевой ничего «сочинять» было не надо — ею был накоплен огромный багаж реальных сюжетов, которые писала сама жизнь. Используя этот опыт, Назарьева быстро и органично встроилась в процесс создания уголовного романа, придав ему, впрочем, свои собственные оригинальные черты. Наследуя уже сложившуюся традицию, она, вслед за признанным мастером уголовного романа А. А. Шкляревским, один за другим пишет толстые книги на основе тех самых своих отчетов, что создавала в «Судебном вестнике», естественно, выбирая наиболее сенсационные криминальные сюжеты. Спешка, в которой она работала, а также модное тогда требование «достоверности», «документальности» («из записок следователя»), заставляли ее незначительно «обрабатывать» часто еще бывшие, что называется «на слуху» у публики, наиболее нашумевшие реальные происшествия. Поэтому, подчас наивная провинциальная публика, лично не имевшая возможности быть причастной к столичным судебным процессам, принимала роман за чистую правду и считала реальным событием, что (придавая ему в некотором роде характер обывательской сплетни) сильно повышало интерес к произведениям Назарьевой. Достоверность событий, списанных с недавно прошедших судебных заседаний, была такова, что подчас в роман попадали отрывки из реальных речей реальных адвокатов, как, например, речь Н. П. Карабчевского⁴⁵¹, цитируемая Назарьевой на процессе Имшенецкого в романе «Скорбный путь» (1885, выдержал три издания)⁴⁵². Подтверждая нашу мысль, сама Назарьева писала в одном из своих писем от 2 ноября 1898 года к В. О. Михневичу: «Мой герой — с целью поправить свое положение — отравляет своего брата. Судебная процедура раскрытия этого преступления

⁴⁵¹ [Б. а.] Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958. С. 77.

⁴⁵² Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. СПб.: Тип. Лебедева, 1885. 322 с.

ведена согласно суд.<ебных> уставов и вообще все сведения заимствованы из суд.<ебной> мед.<ицины> и токсикологии Пеликана»⁴⁵³.

Чем же отличался русский уголовный роман от западного кроме того, что был нарочито «документален»? Наиболее точно суть этого передает определение Дж. К. Кавелти, который считает, что детектив самим своим существованием «доказывает, что социальный порядок не отвечает за преступление, потому что это было действие определенного индивида с его собственными частными мотивами»⁴⁵⁴. Именно исследование этих мотивов, так называемый «психологизм» такого индивида и становится «солью» русского детектива в большей степени, чем сам лихо и круто закрученный сюжет, на котором мастерски спекулировали иностранные авторы «масс-продукта».

Основоположниками такой «трактовки» жанра, рождение русского «психологического» детектива, бесспорно следует считать Ф. М. Достоевского, чье «Преступление и наказание» было издано в 1866 году и Н. Д. Ахшарумова, чьи сильно нашумевшие «Концы в воду» появились в «Отечественных записках» в 1872 году. Поэтому, с одной стороны, подражая А. А. Шкляревскому как документалисту, а с другой — литераторам «первого ряда», Назарьева стремится не только и не столько просто изобразить преступление и ход его расследования, не только вовлечь читателя в действие и обеспечить ему интересное времяпровождение, сколько посредством острого сюжета донести какую-нибудь морально-нравственную сентенцию о современных ей временах и нравах.

Задача исследования психологии преступления Назарьевой хотя и была интересна, но едва ли оказалась подвластна (с ней, развивая заложенную Ф. М. Достоевским традицию, в детективе успешно справится, пожалуй, только Л. Н. Толстой, издавший в 1889 году «Воскресение», а в 1890 — «Крейцерову сонату»). Однако Назарьева в «уголовном романе» сохраняет

⁴⁵³ Письмо Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. от 2 нояб. 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.

⁴⁵⁴ Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Пер. с англ. Е. М. Лазаревой // НЛЮ. 1996. № 22. С. 33–64.

свой своеобразный почерк, заданный еще в «Специалисте»: в ее сочинениях в ходе детективного сюжета обязательно появляется свободная молодая женщина, трудом обеспечивающая саму себя (причем, в реальном сюжете, взятом писательницей за основу, чаще всего таковой не было) и множество персонажей, которые ей препятствуют в этом.

Самым ярким примером такого романа можно считать «Скорбный путь», в основу которого был положен нашумевший уголовный процесс поручика Имшенецкого, убившего свою жену из страсти к ее сестре, свободной женщине с «новыми взглядами». С одной стороны — это типичный салонный роман, где, преступление совершается в момент романтичнейшего катания на лодке, а действие происходит в светских гостиных и на раутах, роман, в котором, как подмечает рецензент, «все <...> это очищено от той житейской грязи, в которой парадирует процесс и представляется в самом изящном, благоухающем виде, опрысканное утонченнейшими духами»⁴⁵⁵. Но с другой стороны, на фоне всей этой искусственной «красивости», Назарьева предпринимает попытку исследовать внутренние причины распада семьи (доводя до карикатуры изображение пустоты светского времяпровождения и образа жизни). Правда, делает это она нарочито прямолинейно, четко противопоставляя убитой жене свой излюбленный тип героини — передовую девушку, жизнь которой полна долга, труда, чтения, заботы о других, и выводя на этом салонном фоне героя и героиню, наделенных нестигаемой волей жить «другой жизнью», быть вместе и упорно стремящихся реализовать идею «свободной любви». Эти два мотива плохо «склеиваются» в романе с точки зрения психологии, однако все это компенсировано Назарьевой лихо закрученным сюжетом следствия, естественно, «списанным» с реальной жизни. Под «идею» Назарьевой несколько изменены только типажи персонажей. Поэтому критика снисходительна: «Мы с удовольствием прочли роман г. Назарьевой потому,

⁴⁵⁵ [Б. а.] «Скорбный путь» К. Назарьевой // Северный вестник. 1886. № 3–4. С. 178.

что, во-первых, он написан хорошим литературным языком, а во-вторых, потому что он настоящий роман»⁴⁵⁶.

Эту особенность подмечали еще критики-современники писательницы: «К. Назарьева в своих “уголовных романах” умудряется создавать необыкновенно увлекательную детективную фабулу»⁴⁵⁷, но при этом фабула существует «совершенно независимо от индивидуальных особенностей, которыми обладают действующие лица»⁴⁵⁸. Справедливости ради напомним, что уголовную фабулу создавала не Назарьева, а сама жизнь, добросовестно записанная со слов подсудимого, свидетелей, прокуроров и адвокатов. Но, в подражание А. А. Шкляревскому, придумывая ситуацию и действующих лиц вокруг хода следствия и судебного процесса, Назарьева «встраивала» в эту «документалистику» свою любимую тему «свободной любви»⁴⁵⁹ и свое ощущение чувствительности человеческих сердец, таким образом, видимо, понимая разработку психологической стороны преступления. Здесь она как бы вступала на свое «поле деятельности»: будучи сама личностью достаточно сентиментальной, она как никто другой подробно расписывала приписываемые ею персонажам переживания (нередко ведущие преступника к раскаянию). Чаще всего эти переживания были крайне далеки от реальной психологии преступников, но это не смущало ни саму писательницу, ни ее читателей, жаждавших «сильных» страстей и «глубоких» впечатлений. Этот принцип реализован в повести «Под влиянием аффекта» (1893)⁴⁶⁰ настолько, что граничит с неправдоподобием ситуации. Избрав мотивом «нравственных мук» растрату денег клиента, Назарьева видимо, настолько умозрительно представляет себе эту жизненную ситуацию, что вообще не считает нужным мотивировать эту растрату, буквально признаваясь, посредством рассуждений героя, что она как автор не знает, а зачем же он это сделал: «если бы он это сделал ради помощи другу или просто, случайно

⁴⁵⁶ [Б. а.] Скорбный путь // Русская мысль. 1886. № 2. С. 76.

⁴⁵⁷ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 41.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

⁴⁶⁰ Назарьева К. В. Под влиянием аффекта: Повесть // Наблюдатель. 1893. № 6. С. 77–113.

встреченному бедняку; если бы он прокутил эти деньги, повинуюсь властному порыву горячей природы; если бы, наконец, истратил на “обстановочку”, необходимую в положении адвоката, на костюм, — Николаю Петровичу не было бы так мучительно стыдно. Против укоров совести вставали бы доводы ума. Но деньги были растрочены нелепо, бессмысленно, то есть с осторожностью человека, думающего что еще можно пополнить растрату...»⁴⁶¹, «Алехин охотнее поймет кутеж, толкнувший на растрату, чем простую случайность или психический аффект»⁴⁶², при этом остается непонятным, в чем же был этот самый «психический аффект», который толкнул молодого адвоката неспешно, почти за месяц потратить чужие деньги.

Назидательностью, назойливым, однообразным самобичеванием героя буквально начинена вся первая половина повести. Бесконечно длящейся внутренний монолог героя в духе: «завтра утром все, его товарищи, знакомые, даже швейцар дома, где живет он, будут знать, что Оринкин — преступник, нечестный человек, вор»⁴⁶³, видимо, по мысли автора, должен изобразить для читателя сложность психологического состояния героя. При этом адвокат в своем неустанном самопокаянии не ограничивается конкретными обвинениями в свой адрес, а зачастую переводит свои «нравственные страдания» в некую «поэтическую плоскость»: «точно человек, расстающийся надолго с любимым существом, точно умирающий от мучительного недуга, стремящийся в последний раз полюбоваться красотой природы, Николай Петрович жаждал провести наступающий вечер в кругу знакомых, куда на завтра ему уже будет заказан вход, где его любили и уважали его, как честного человека, но где отвернутся, узнав, что он “такой как все”»⁴⁶⁴ или: «Да разве существует для него это чудное светлое понятие о будущем, это маленькое словечко, которым он прежде не дорожил, как

⁴⁶¹ Там же. С. 78.

⁴⁶² Там же. С. 102.

⁴⁶³ Там же. С. 77.

⁴⁶⁴ Там же.

свободный человек не дорожит правом ходить по улице. Ценя минуты, он поставил на карту грядущее и разом, глупо, бесцельно проиграл и спокойствие, и совесть, и честь, и счастье, и свободу»⁴⁶⁵.

В основе уголовных романов Назарьевой всегда лежит ключ к психике читателя — бурная «любовь». В какой-то мере именно Назарьева была одной из тех, кто закладывал эту традицию: в отличие от западного детектива, где самым сильным мотивом преступления было стремление «сорвать легкие деньги», русский уголовный роман стержнем интриги чаще всего делает неконтролируемую страсть. Такое преобразование детективного романа на русской почве оправдывалось тем, что отношения между людьми, их личный и неформальный характер всегда был в центре интересов общества.

Удовлетворяя этот спрос, Назарьева писала роман за романом. Наиболее характерным примером этого ряда произведений Назарьевой является ее «Из огня да в полымя» (1883, 1884, 1885)⁴⁶⁶. По выходу его критики отмечали, что новый роман Назарьевой, «вышедший отдельным изданием, принадлежит к так называемым “сенсационным произведениям” и основан на уголовном процессе. Он многим напоминает романы покойного Шкляревского, составившего себе известность рассказами, взятыми из судебных следствий и интересных процессов»⁴⁶⁷. Сюжет «мелодраматичен»⁴⁶⁸: молодого врача посещает дама из высшего света, привозит его в свой дом, проводит в будуар и показывает труп ее любовника. Сама смерть весьма прозаична — он умер от разрыва сердца. Интрига в том, что дама требует помочь ей скрыть эту неожиданную смерть и от сплетен света, и от ревности внезапно и некстати вернувшегося из поездки мужа. Доктор за обещанное хорошее вознаграждение находит выход из ситуации: поддерживая труп, он грузит его в свою карету, утверждая, что гость в глубоком обмороке, а вывезя его, потом сообщает, что он умер по дороге до

⁴⁶⁵ Там же. С. 87.

⁴⁶⁶ Назарьева К. В. Из огня да в полымя: Роман // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. Июль-декабрь. 520 с.

⁴⁶⁷ [Б. а.] «Из огня да в полымя» К. Назарьевой // Наблюдатель. 1884. № 11. С. 58–59.

⁴⁶⁸ Там же.

клиники. Обман обнаруживается при вскрытии: оказывается, покойный отравлен цианистым калием. При этом выясняется, что покойный и доктор связаны давним знакомством и своеобразным конфликтом: покойный отказал доктору в женитьбе на своей сестре. Доктор, таким образом, оказывается под подозрением в убийстве, и попадает «из огня да в полымя». В ходе романа (следствия) влюбленные доктор и сестра покойного то и дело разлучаются, оба попадая в тюрьму, то снова оказываются на свободе — в зависимости от показаний, которые даются в ходе расследования. А жестокая драма этого любовного «квадрата» (баронесса, сестра покойного, сам покойный и доктор) раскрывается Назарьевой через почти документально изложенные допросы следователя, показаний свидетелей, очных ставок между ними, протоколов и всей процедуры уголовного следствия. То есть заимствуя сюжет из жизни, она как репортер добросовестно излагает «оборотную сторону» судебного процесса, скрытую от обывательских глаз, видимо, пользуясь своими прежними записками. Счастливый конец этого «жестокоего романа» обеспечивается внезапно обнаруживаемым за границей братом покойного, отомстившего отравлением за лишение наследства. Заказав самоучке-химику пилюли, которые имеют «отложенное действие», подложив брату, страдающему больным сердцем, эту таблетку, младший уезжает за границу.

Развязка происходит совершенно в духе «салонного романа»: боясь возмездия следствия, младший брат возвращается, внезапно сознается в преступлении и заканчивает жизнь самоубийством, отравившись такой же таблеткой. «Все это мало правдоподобно, <...>, но читается легко и возбуждает интерес в любителях неожиданных перипетий и сильных ощущений»⁴⁶⁹, — справедливо замечает критик.

Другими характерными примерами «уголовного романа» в трактовке Назарьевой является повесть «Две правды» (1889) и роман «В тисках» (1889).

⁴⁶⁹ Там же.

В повести «Две правды»⁴⁷⁰ молодой адвокат, чтобы разбогатеть, сделать карьеру и жениться, искусственно «раздувает» дело в суде, введущееся против крестьян, подавших иск к помещику. Разоблачает всю эту ложь некий молодой человек, в которого за смелость изложить правду, влюбляется невеста адвоката. Благодаря этому благородному поступку суд выигрывают крестьяне, а невеста с презрением отказывает жениху.

В романе «В тисках»⁴⁷¹, где вся уголовная составляющая разворачивается не доходя до суда, жена, покинув мужа, уходит к любовнику, но у нее нет вида на жительство, которое ей не отдает муж. Пара оказывается в страшной нищете, подвергается клевете, преследованиям, шантажу, вымогательству денег, словом, перед читателем проходит весь набор «мерзостей» и «преступлений», которые могла продемонстрировать современная Назарьевой действительность. Но страстная любовь побеждает все невзгоды, и, как принято в салонном романе, влюбленные выпутываются из всех проблем, оставаясь верны данному друг другу слову.

Нужно заметить, что «уголовные романы» не замыкались Назарьевой только рамками современности. Выработав определенный навык к изложению событий с «уголовной интригой», она стала переодевать своих персонажей в костюмы различных эпох, называя это «историческим романом», оказываясь, таким образом, на границе уголовного жанра с авантюрно-приключенческой литературой, но, впрочем, не внося в эти романы никаких других примет исторического времени, кроме предметов интерьера и костюмов. Прекрасным примером такой истории служит роман «Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой» (1902)⁴⁷², действие которого перенесено Назарьевой в XVIII век и где читатель до конца остается в глубоком неведении, что же такого случилось с невестой графа, о какой тайне идет речь: «В моей жизни есть тайна, — с

⁴⁷⁰ Назарьева К. В. В тисках; Опасные люди; Две правды: Роман: [Повести]. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 244 с.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Назарьева К. В. Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1902. № 114. 192 с.

усилием произнесла Анна Петровна, — которой я не могу открыть вам... и она гнетет меня... И, когда вы узнаете ее, вы оттолкнете меня. — Ничто, ничто в мире не заставит меня оттолкнуть вас, да и не может у вас быть ничего дурного... Если это — тайна ваших покойных родителей, то вас она не может касаться. Дети не могут отвечать за поступки родителей... <...> — Нет, нет, — перебила она его, не поднимая глаз, — все это не то... никто не виноват, и я не виновата, в этом и ужас... Но это — тайна... Я сама хорошенько не знаю ее...»⁴⁷³ и почему при страстной любви этот брак так трагически распался: «Будьте счастливы, — сказал он по-французски, отступая немного в сторону, чтобы дать дорогу Александре Васильевне. Та остановилась прямо перед ним и сказала тоже по-французски, отчеканивая каждое слово: — Вы раскаетесь. Возмездие придет. Вы, князь, с демократическими идеями, решились угрожать нам позором. Хорошо! Она больше ничего не сказала, но в звуке этого “хорошо” слышалась такая угроза, что князь невольно вздрогнул»⁴⁷⁴.

Подобные «уголовные романы» или произведения с уголовно и приключенчески-авантюрным уклоном, сделавшие Назарьеву известной, составляют значительную долю творчества писательницы. Их до такой степени много, что современник-критик в какой-то момент с раздражением писал: «материал этот — уголовные процессы, судебные дела, то есть те непосредственные продукты жизни, беллетристики, стремящейся воспроизвести полноту этой жизни, игнорировать нельзя. Но ошибка г-жи Назарьевой только в том, что она почти исключительно смотрит на жизнь с точки зрения судебного пристава. <...> Поэтому внимательный читатель никак не может долго пребывать в иллюзии той квази-жизненной обстановки, среди которой происходит этот казус в произведении г-жи

⁴⁷³ Там же. С. 4.

⁴⁷⁴ Там же. С. 18.

Назарьевой, ибо очевидно, что эта обстановка придумана для казуса, придумана наскоро, лишь бы дать какую-то обстановку»⁴⁷⁵.

Замечание критика не столь тенденциозно, как можно было бы подумать, поскольку оно очень точно отражает саму суть литературной позиции Назарьевой. Даже если в ее романе или повести не идет речь о суде, то все равно в ее произведениях всегда очень четко расставлены акценты — есть четко выделенные «положительные» персонажи, которые, как правило, находятся в бесконечно «страдательной позиции» и множество отрицательных, довольно однообразных, кочующих из романа в роман типов, противостоящих героям. Сама автор судит своих персонажей, порождая тем самым некоторую однобокость взгляда на их личности и события, с ними происходящие.

Герои ее произведений часто грешат аллегорическими социальными масками, заведомо мотивирующими читателя на определенные оценочные суждения в отношении этих персонажей и никак не согласуются с их поступками. Так, купец в повести «Под влиянием аффекта», который был готов за растрату отправить героя-адвоката в тюрьму, изображается Назарьевой в узнаваемой маске «из грязи в князи»: «недоучившийся по лени и недостатку средств, Антип Васильевич глубоко ненавидел интеллигенцию вообще»⁴⁷⁶, «недоверчивый и лукавый, как большинство людей, из ничего сделавших себе состояние»⁴⁷⁷, Алехин «язвительно издевался»⁴⁷⁸ над интеллигентным героем, а потом «в щегольской двухместной карете возвращаясь домой... со злорадством придумывал... как опозорить Оринкина... и как — главное — получить возможность фактически корить “умников”»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 42–43.

⁴⁷⁶ Назарьева К. В. Под влиянием аффекта: Повесть // Наблюдатель. 1893. № 6. С. 97.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Там же. С. 98.

⁴⁷⁹ Там же. С. 101.

Между тем, сама Капитолина Назарьева стремилась к другому. Ориентируясь на «классиков», она мечтала овладеть мастерством разработки психологии героев, присущим Ф. М. Достоевскому и А. П. Чехову, перед которыми преклонялась (о чем свидетельствуют ее письма к ним). После того как была опубликована ее вторая повесть (какая, писательница не указывает), она с горечью писала: «... увидав ее в печати, я как-то особенно ясно поняла все недостатки ее, поняла, что значит “отсутствие действия”, преобладание сюжета над характеристиками и т.д., но все-таки не знала *как* [выделено автором. — М. А.] надо работать»⁴⁸⁰.

Попытки разработать психологию героев предприняты Назарьевой в немногочисленных романах, повестях и рассказах, лишенных заведомо авантюрного сюжета. Ярким примером могут служить рассказы «Драма на море», «Сокровище», «Она забыла» и др.⁴⁸¹ и, конечно же, романы, которые и сама писательница, и ее современники относили к лучшим ее произведениям.

Но сама точка зрения писательницы, с которой она смотрела на мир — с позиции, как метко выразился критик, «судебного пристава»⁴⁸² — предполагала четкое разделение людей на «плохих» и «хороших», «страдающих» и «бездушных», «умных» и «глупых», «правых» и «не правых». Что само по себе убивало объективность взгляда и лишало персонажей психологического объема.

Это хорошо видно на примере рассказа «Сокровище» (1891)⁴⁸³, в котором выбран весьма не авантюрный сюжет. Молодая женщина, живущая в подвале богатого доходного дома, выбиваясь из сил, зарабатывая, где и как может, воспитывает одна маленького сына (это все тот же излюбленный Назарьевой, типаж самостоятельной женщины, живущей высокими идеалами и зарабатывающей своим трудом). Ребенок составляет цель и смысл ее жизни. Она, отказывая себе во всем, стремится хоть как-то оградить малыша

⁴⁸⁰ Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 111.

⁴⁸¹ Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1891. 368 с.

⁴⁸² Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 42.

⁴⁸³ Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1891. С. 23–40.

от нищеты, дать ему образование, что называется, «вывести в люди». Отношения между матерью и сыном теплые и дружеские, по мере взросления сын, как может, помогает матери, и в принципе эта маленькая семья, при всей своей нужде, выглядит вполне благополучно.

Все меняется чуть ли не в один день, когда в ворота дома въезжает богатая бричка, запряженная дорогими лошадьми, которой правит элегантно одетый господин. Мальчик как замороженный смотрит на этот выезд, на этого господина и с этого момента лад и покой в маленькой семье заканчивается. Всякий раз, когда этот господин приезжает в их двор, мальчик, бросив все, спешит ему навстречу, чтобы быть замеченным, услужить, понравится. Мать оскорблена тем холодным, чуть издевательским покровительством, которое оказывает господин нищему мальчику, ведь он — сын этого влиятельного лица. Между тем мальчик под влиянием отца, не зная, что это его отец, отчаянно «портится»: начинает дерзить матери, отказываться помогать, перестает интересоваться общими делами их маленькой семьи и живет только от приезда этого господина до следующего. Однажды мать рассказывает мальчику, что это его отец, насколько он безнравственен и удивляется его реакции. Мальчик не огорчается и не радуется, он вполне практично планирует, что он может теперь, зная, что это его отец, «с него взять». «Что мне до его поступков и убеждений, мама! Он нужен мне пока, вот и все. Нельзя же требовать, чтобы все были на один манер. Мне надоело нуждаться, а Прохорову ничего не стоит бросить шестьсот рублей в год на мою стипендию»⁴⁸⁴.

На этом рассказ обрывается, единственное, что считает нужным сказать автор, это произнести небольшое назидание: «Житейская правда была на его стороне, а нравственная... Э, да кому в наше время охота обращать внимание на такие сентиментальности»⁴⁸⁵.

⁴⁸⁴ Там же. С. 40.

⁴⁸⁵ Там же.

Назарьева прекрасно «списывает» с натуры реальную жизненную ситуацию, которая разворачивается на ее глазах. Однако совершенно не понятно, кто такой и чем виноват перед этой женщиной богатый господин, почему он когда-то бросил ее и каким был их роман, почему вдруг так резко изменился мальчик, прислуживая незнакомому состоятельному человеку и откуда в мальчике берется такой жесткий практицизм. Персонажи даны как бы в констатации факта без видимых объяснений мотивов их чувств и поведения. Читателю приходится смотреть на ситуацию глазами автора: Назарьева резко негативно обрисовывает «богатого», жалеет «бедную, страдающую» женщину, а за тем судит и ее сына. Отсюда прекрасно задуманная история вновь превращается в своеобразную «морализаторскую агитку», дополненную, к тому же, назидательной сентенцией, чтобы читатель не «заблудился» в том, что здесь «хорошо», а что — «плохо».

Причиной успеха таких текстов у обывательской публики, вероятно, стоит считать сам факт того, что Назарьева выбирает сюжетами их рядовую жизнь, показывая, как их обидели, кто к ним был несправедлив, отсчитывая от некоей умозрительной морально-нравственной нормы, царящей в этой среде и, по мнению писательницы, хорошо известной всем. Критик-современник, признавая, что «у нее есть воображение», тем не менее, отмечает, что «оно настроено не поэтически». И продолжает: «В ее таланте есть нечто практическое, нечто *rose*; она мало увлекается аксессуарными украшениями, а прямо идет к делу <...>. ... одну индивидуальность она не сопоставляет с другой, вследствие этого, не оттеняет ни той, ни другой...»⁴⁸⁶.

А психологию героям заменяет прием, которым Назарьева пользуется во всех без исключения своих произведениях: «действующие лица не столько говорят между собой, сколько думают вслух, <...> автор сообщает читателю с большою точностью все их сокровенные мысли»⁴⁸⁷.

⁴⁸⁶ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 43.

⁴⁸⁷ Там же.

К сожалению, в подобном литературном стиле написан и роман Назарьевой, которым гордилась и сама автор, и который признавали лучшим ее современники. «Дорогой ценой»⁴⁸⁸ (1898; был переведен на нем. яз.) имел некоторые автобиографические параллели с судьбой самой Назарьевой и потому, вероятно, местами был более психологически убедителен, нежели остальные ее произведения на ту же тему.

Роман вышел за два года до смерти писательницы, свидетельствуя о том, что, невзирая на многочисленные перепевы этой темы в ее творчестве, Назарьева так и не смогла однозначно ответить на тот вопрос, который был поставлен перед нею кумиром ее юности Н. Г. Чернышевским: что важнее для женщины — счастье семейного очага или свобода женского самоопределения. Несмотря на то, что врач Ольга Брянская в романе однозначно выбирает независимость, свободу и труд на благо общества, сам ход романа, его события, тот внутренний раскол, который есть и в самой Ольге и в ее избраннице, показывают, сколь непростым для женщины является такой выбор и как тяжело построить взаимоотношения мужчины и женщины на основе искомой идеальной «свободной любви».

Однако свойственная, как заметил В. В. Чуйко, мировоззрению Назарьевой «французская логичность» и тут дает себя знать. Роман очень неровный: например, Назарьева вкладывает личные переживания в сцены споров героев, отчего эти сцены выглядят крайне убедительными, однако рядом с ними соседствуют совершенно рассудочные, ходульные повороты сюжета, и там, где Назарьева, в угоду своей любимой идее, отступает от правды жизни в пользу не существующего, идеального решения проблемы, ее ждет неудача. Но современная писательнице критика отмечает, что именно эта «полюсность», заложенная в романе, и является его «изюминкой»: «Как всякое “идейное” произведение, роман г-жи Назарьевой содержит в себе немало отступлений от реального, в пользу и для разрешения затронутой автором дилеммы. Но уклонения эти в сторону идеи

⁴⁸⁸ Назарьева К. В. Дорогой ценой: Роман. СПб.: Паровая скоропеч. Я. И. Либермана, 1898. 315 с.

сделаны с большим мастерством и убедительностью. Так что, в конце концов, читатель приходит к мысли о возможности такой постановки вопроса. Во всяком случае, и интересная тема, и яркое ее изложение заставляют прочесть книгу с не ослабляемым вниманием»⁴⁸⁹.

Еще один роман «Надорванные силы» (1893)⁴⁹⁰ сама Назарьева считала «главным» своим произведением, и потому очень гордилась тем, что для своей Таганрогской библиотеки его запросил А. П. Чехов. Поскольку роман не выходил отдельной книгой до 1898 года⁴⁹¹, она покупала номера Наблюдателя №№ 8,9,10 от 1893 года, и переплетала их самостоятельно, даря знакомым и друзьям. В таком виде он был отправлен и А. П. Чехову: «Теперь о деле: “Надорванные Силы” отдельно не изданы, но это ничего. Я послала их букинисту, достала нумера “Наблюдателя” и отдала сброшюровать. 31 окт.<ября> книга будет готова и, следов.<ательно>, 1-м я Вам ее вышлю»⁴⁹² — читаем в ее письме к А. П. Чехову от 28 октября 1896 года.

Роман отчетливо автобиографичен, с небольшими отступлениями от реальных событий, которые легко установить, сверяя сюжет с реальной биографией писательницы, написанной ей самой, и с ее письмами.

Так, первенцем героини оказывается девочка, в то время как у самой Назарьевой первым ребенком был сын. Второй ребенок в романе умирает, в то время как девочка, дочь Назарьевой, была жива и здорова. В остальном роман — это, вероятнее всего, род расписанного в диалоги дневника — история личных терзаний героини и переживаний ее любовника, ее друзей и знакомых, поданных читателю так, как это представляла себе сама автор — с присущими ее почерку оценочными суждениями и нравственными акцентами, расставленными, как всегда, во множестве и крупно, чтобы читатель не перепутал, кого надо осуждать, а за кого переживать.

⁴⁸⁹ [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева. «Дорогой ценой» Роман // Новости и Биржевая газета, вторник. 1898. № 122. С. 3.

⁴⁹⁰ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.; № 9. С. 3–71.; № 10. С. 121–178.

⁴⁹¹ Назарьева К. В. Надорванные силы: Роман // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1898. 340 с.

⁴⁹² Письмо Назарьевой К. В. к Чехову А. П. от 28 окт. 1896 г. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.

В центре повествования, как всегда, передовая и свободная, зарабатывающая своим писательским трудом девушка Ольга, вынужденная от осуждения общества скрывать наличие у нее внебрачной дочери, которая с няней живет отдельно от героини в Царском Селе. У нее начинается бурный роман с женатым человеком — Герман решает уйти из семьи, но, однако, любящая его героиня таких жертв от него благородно не требует. Примерно год герой живет на два дома, никак не в состоянии определиться, без кого же он не может жить больше — без жены или любовницы. Подобная ситуация, как мы помним, случилась и с самой Назарьевой.

Жена плетет страшные интриги, вплоть до того, что, используя свои связи в свете, тайком лишает мужа выгодного повышения по службе, распускает о нем сплетни при помощи своих подруг, шантажирует детьми.

Кроткая и благородная героиня долго скрывает от любимого наличие дочери, но когда до него доходят слухи о ее существовании, сама признается ему и забирает дочь к себе в Петербург. При этом теряет няню, которая осуждает героиню за свободные отношения с женатым мужчиной.

Но отношения девочки и Германа не складываются: герой ревнует к прошлому.

Параллельно развивается вторая любовная линия — подруги героини по имени Нина, девушки из очень богатой светской семьи, которую родители пытаются выдать насильно замуж тоже за очень богатого, но страшно неприятного ей человека. Девушка же влюблена в улана Марьянова, который изначально заявляет, что не может на ней жениться, потому что она якобы бесприданница. Тут и открывается страшная тайна, что семья героини действительно разорена и если девушка не выйдет за богатого, отцу грозит острог. Раздираемая ненавистью к богатому жениху и любовью к отцу, девушка хочет отравиться, но тут из круга знакомых главной героини Ольги неожиданно возникает пожилой богатый одинокий мужчина, который тратит

свой досуг на обучение крестьянских детей грамоте и тоскует от того, что все никак не может найти, кого бы в этой жизни ему «спасти»⁴⁹³.

Героиня предлагает «спасти» несчастную подругу, он с радостью соглашается, назначена свадьба, он оплачивает долги семьи, отец спасен. Но перед самой свадьбой подруга сходится с уланом, благородный жених решает «не мешать Ниночкиному счастью»⁴⁹⁴ и уезжает.

К этому моменту Герман начинает тяготиться любовницей, он помирился с женой, жена беременна. В результате примирения жена достает ему выгодное повышение по службе, что окончательно скрепляет его с прежней семьей.

Между тем, подругу героини бросает улан, и она остается не замужем, на грани позора.

Как всегда у Назарьевой, в нужный момент появляется неожиданное спасение в виде внезапно откуда-то вернувшегося престарелого, богатого и всепрощающего благородного жениха, за которого подруга героини, внезапно осознав, что она его любит, и выходит замуж.

На свадьбе у подруги Ольга присутствует в качестве посаженной матери, все гости посмеиваются и издеваются над ней, намекая на ее беременность. Сразу после свадьбы следуют ее неудачные роды, ребенок умирает, сама она при смерти. Досадующий на эти неприятности Герман приезжает, и его с гневным обличительным монологом выгоняет теперь уже муж подруги.

Любовник с облегчением возвращается в семью и уезжает на повышение в губернию, а за умирающей героиней с любовью и вниманием ухаживает подруга и ее богатый муж. Более того, чтобы дочь героини не росла бесправной и всеми презираемой, как незаконный ребенок, они ее удочеряют. Героиня выздоравливает одновременно и от болезни, и от любви, и продолжает свою победную миссию на почве литературы: «Ольга —

⁴⁹³ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 25.

⁴⁹⁴ Там же. С. 52.

талант. А талант — это сила. Ольга Юрьевна многое пережила и то, что она имеет, далось ей не просто»⁴⁹⁵.

Как всегда у Капитолины Назарьевой, роман заканчивается моральной сентенцией: «Надорванные в непосильной борьбе силы одних дадут торжество победы над другими»⁴⁹⁶.

Роман, как и предыдущие тексты автора, отличается условностью характеров, одноплановостью оценок личностей персонажей и традиционной для автора композицией: страдающая, честная, прогрессивная, одинокая женщина против условностей света. Произведение наполнено патетическими, морально-нравственными монологами. Например, о горькой участи свободной, трудолюбивой женщины: горячее рассуждение Ольги о том, что ей никто никогда ни в чем не помогал, а вот другим откуда-то сваливалось счастье «быть спасенными»⁴⁹⁷ или обличение Ольгой лживости света, который не признает «право женщины любить вне брака»⁴⁹⁸ и т.д. Не менее назидательным звучит и монолог мужа подруги, который обличает легкомыслие любовника и не пускает его к умирающей: «С последней кокоткой вы обращались лучше, чем с этой великолепной женщиной!»⁴⁹⁹

В целом роман ничем не отличается от тех «схем», которые выработаны писательницей за период ее плодотворной деятельности, однако очевидно, что пользовался он успехом у читателя самой новизной темы, которая позволяет заглянуть в альковные тайны не только светского общества, но и так называемых «новых, прогрессивных людей».

Но несмотря на все недостатки прозы Назарьевой, критики-современники подчеркивали, что «при всем ужасном, каторжном, можно сказать, многописании своем, она сберегла и слог, и технику сочинительства

⁴⁹⁵ Там же. С. 8.

⁴⁹⁶ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 10. С. 178.

⁴⁹⁷ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 39.

⁴⁹⁸ Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 10. С. 123.

⁴⁹⁹ Там же. С. 172.

— в гораздо большей мере, чем большинство ее товарок по ремеслу»⁵⁰⁰ а ее слог отличался «акварельностью» и красотой⁵⁰¹.

Мы попробуем разобраться в структуре одного из лучших рассказов Назарьевой «Драма на море»⁵⁰², чтобы определить характер ее художественного письма. В основе сюжета — повествование о терпящем бедствие в шторме небольшом кораблике, которым командует немец-капитан и на котором служит матросом недавно поступивший на суденышко «хохол» Малявка. Он, стоя у руля в бурную темную ночь, отчетливо видя маяк и хорошо зная, где в этом месте моря рифы и отмели, пытается спасти корабль и команду и вступает в конфликт с немцем-капитаном. Капитан запрещает Малявке самому «рулить», требуя беспрекословного подчинения своим командам. Малявка видит, что команды капитана губят судно и людей на нем, но ничего не может сделать: капитан грубо отстраняет Малявку от руля. Судно получает течь, ждать больше нельзя, поскольку корабль несет на рифы, и отстраненный рулевой убивает капитана, сталкивая его труп в море. Однако встать к рулю не успевает — на мостик поднимается еще один матрос, которого Малявка тоже вынужден убить, чтобы он не препятствовал повороту корабля. Рулевой, которого назначил капитан вместо Малявки, не хочет его слушать и... тоже отправляется в море. За ним «хохол» убивает двух матросов, которые поднимаются на мостик в поисках капитана. Страх убивать Малявка преодолевает обидой: по команде капитана экипаж судна особо жестоко издевался над героем рассказа. В результате на судне остаются Малявка и тоже поднимающийся на мостик помощник капитана немец Зигель. Сначала завязывается долгая, упорная и кровавая схватка, но немцу становится понятно, что богатыря-«хохла» ему не одолеть. И тогда немец прибегает к психологической манипуляции: опускает руку в карман и, справившись с волнением, хладнокровным, повелительным тоном сообщает, что у него есть пистолет, из которого он Малявку убьет. Малявка от

⁵⁰⁰ Амфитеатров А. В. Женское нестроение. – 3-е изд. СПб., 1908. С. 138.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1891. 368 с.

властного командного тона вдруг сникает, сам приносит веревку, которой немец привязывает его к мачте. К утру судно спасает иностранный корабль, а Малявка, впавший в жесточайшую горячку, оказывается в госпитале, где за ним ухаживает сестра милосердия Ольга Андреевна. На суде она свидетельствует, что «хохол» в результате долгих бесед на христианские темы глубоко раскаялся в убийстве пяти человек, а помощник капитана немец Зигель внезапно честно рассказывает, как команда и капитан долгое время изощренно издевалась над «хохлом», тем самым выгораживая убийцу и прося к нему снисхождения. Малявка получает всего пять лет каторжных работ, а Ольга Андреевна «продолжает заботиться о душе спасенного ею человека, и преступник Малявка идет по пути исправления верными шагами»⁵⁰³.

Бесспорно, рассказ обладает всеми признаками массовой литературы. Помимо отчетливой клишированности характеров («скромненькая и простенькая» Ольга Андреевна, которая, однако, крайне сильна в Писании и др.), присутствуют ничем не мотивированные перемены в поступках героев. Так, помощник капитана немец Зигель, холодный, расчетливый и беспощадный, вдруг без всякой причины «совестится» того, что над матросом издевались по его собственной вине и вине погибшего капитана и потому вступает за Малявку на суде. Имеют место быть отчетливые нарушения хронологии и логики обстоятельств. Например, изначально Назарьева указывает на то, что Малявка поступил на судно чуть не несколько дней назад, но по ходу рассказа излагает его историю так, словно «хохол» служит несколько месяцев. К тому же Малявка, недавно пришедший на флот из «хаты», по которой он очень тоскует, внезапно оказывается опытным рулевым, хорошо знающим море, поскольку «много плавал в этих местах с отцом»⁵⁰⁴. Сразу после того как Малявка был привязан к мачте, буря стихает, начинается рассвет: «в виде бледной полоски, отделявшей море от темного

⁵⁰³ Там же. С. 68.

⁵⁰⁴ Там же. С. 44.

горизонта. В небе блеснули две-три звездочки и где-то далеко раздался звон колокола с маяка»⁵⁰⁵, но «остаток ночи» — до того момента, как судно замечает иностранный корабль — Зигель проводит в море и почему-то не направляет корабль на маяк, а переживает «ужасные мучительные часы <...>, стоя под дождем, лившим непрерывно»⁵⁰⁶, а в это время судно «носило по волнам, как утлая ладья»⁵⁰⁷. Не обходится и без торопливого, внезапно возникающего и навязчивого «морализаторства», к тому же украшенного элементами святочного рассказа. Наглухо замкнувшийся в себе «хохол», который не может видеть Ольгу Андреевну с ее душеспасительными беседами (он «минутами ненавидел ее всеми силами и отворачивался к стене, отказываясь от пищи и лекарства»⁵⁰⁸), тем не менее в канун Рождества, под влиянием очередной проповеди Ольги Андреевны о преступнике, прощенном Богом на кресте, внезапно начинает «горько рыдать»: «грубый злодей, спокойно убивавший беззащитных людей, рыдал как ребенок, едва раздалось над ним слово христианской любви и всепрощения»⁵⁰⁹. Естественно, история снабжена счастливым концом в виде слишком мягкого приговора в 5 лет каторжных работ за убийство пятерых людей и «за кадром» подразумеваемой счастливой женитьбы «озлобленного погибающего человека», которому ангельская Ольга Андреевна «указала путь к исправлению»⁵¹⁰. К тому же, как и многие другие произведения Назарьевой, рассказ отчетливо распадается на две неравные по художественному уровню части, логически и стилистически не слишком согласующиеся друг с другом: эпизоды на море настолько не соответствуют эпизодам в госпитале, что кажется, это начался совершенно другой рассказ.

Однако в «Драме на море» есть значительные фрагменты — например, первая (и бóльшая) его часть, — которые заслуживают внимания. Если бы автор ограничился изложением ночных событий в бурю на корабле и не

⁵⁰⁵ Там же. С. 63.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же. С. 66.

⁵⁰⁹ Там же. С. 67.

⁵¹⁰ Там же.

«приклеивал» к ним «ходульные» эпизоды в госпитале, можно было бы говорить о том, что «Драма на море» вполне добротная проза.

Дело в том, что в самом начале «Драмы на море» автором задается точный и поэтически верный художественный образ *всей* этой части рассказа, который структурно организует повествование, придавая ему *смысловое* единство — это образ бури. Динамика сюжета организуется не столько за счет событийности, сколько за счет постепенного нарастания динамики этого художественного образа. Здесь нет ни одной лишней детали. Ни одного не согласованного со всем художественным образом описания (как во второй части, где появляются «лишние», или избыточные персонажи и детали). Поэтому рассказ в этой части поднимается до глубоко трагического цельного обобщения и имеет притчевый характер.

Повествование начинается с точного, лаконичного и очень динамичного описания шторма и далее, в соответствии с фольклорной традицией, характеры персонажей соотносятся (и тем самым раскрываются во всей психологической полноте) с такими же лаконичными и точными описаниями бурной штормовой ночи. Неграмотный крестьянин Малявка — плоть от плоти природы, буквально сам и есть разбушевавшаяся морская стихия (когда в рассказе думает и чувствует Малявка, следуют описания волн и ветра) — сталкивается с холодной волей и беспощадной самоуверенностью немецкого интеллекта (когда речь идет о капитане, сверкает молния). За счет этого параллелизма с природной стихией характеры становятся крупнее и оказываются уже фигурами аллегорическими: поэтому перед читателем предстает конфликт глубоко чувствующей, долготерпящей, всепрощающей и жалостливой народной души (поскольку Малявка, увидев обручальное кольцо на руке капитана и уже кипя злобой, тем не менее, искал способ его не убивать, но руль все же повернуть) со скотством распоясавшегося от безнаказанности, от сознания собственной исключительности, бездушного, сухого немецкого, т.е. «не природного» интеллекта. Трагизм ситуации подчеркивается двумя структурными моментами произведения. Первый —

это безысходность, в которую загнан Малявка. Либо он и команда должны погибнуть по глупости пьяного и куражащегося над подчиненными амбициозного капитана, не слушающего голоса человека, умеющего договариваться с природой, либо Малявка убьет его. Второй — гротескное совпадение случайностей: один за другим в поисках капитана на мостик поднимаются те, кого Малявка хочет спасти. Однако все они могут помешать повернуть руль, и, чтобы их спасти, он... вынужден их убить.

Все элементы повествования — и течь, которую дает корабль, и маяк, который видит один Малявка, и рифы, о существовании которых не хочет слышать самодовольный капитан, и руль, к которому невозможно добраться, не убив, и который надо повернуть во чтобы то ни стало, чтобы спасти все судно, и даже название судна — «Герой» — становятся органическими частями неразрешимой драматической ситуации противоборства двух человеческих типов. Вершиной драматического противостояния оказывается страшная сцена циничного обмана Малявки: укрощение мощной стихии народной бунтарской души удастся немецкому интеллекту буквально «голыми руками» и веревка, которую сокрушивший пятерых человек богатырь-«хохол» сам, добровольно и покорно приносит своему мучителю, становится высшей точкой проявления идеи этой части рассказа.

Как видно из повествования, психологическая ситуация «Драмы на море» разрастается до глубоких жизненных обобщений. Образы и сюжет, очевидно, складываются у писательницы стихийно, от точно наблюдаемой жизни, передают ее глубинный драматизм, но ей не хватает художественного такта, меры и, возможно, времени на обработку и осмысление художественного материала, что отмечали и современники писательницы⁵¹¹.

Таким образом, историк литературы, оглядывая обширное творчество Капитолины Назарьевой, может почерпнуть богатейший материал о так называемой «не парадной», бытовой, обывательской жизни русского

⁵¹¹ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

человека второй половины XIX века. Выделяя две главные жанровые линии ее творчества — «уголовный», авантюрно-приключенческий роман и психологическую прозу о судьбе современной женщины, с подчеркнутым морально-нравственным итогом, он получает только два главных вопроса, которые волновали тогда русское общество. Первый вопрос — о границах дозволенного для личности, проживающей в социуме, личности, чьи индивидуальные желания входят в противоречие с общепризнанными нормами и правилами, и второй — судьба русской женщины, тот нелегкий выбор, который она делала между личным успехом и женским предназначением. На фоне этих двух задач творчество Назарьевой представляет собой миллионы ситуаций, «подсмотренных» писательницей в бытовой жизни своих сограждан и положенных ею на бумагу, бесчисленное количество персонажей, участвовавших в них и проявляющих особенности своего социального поведения в поступках, которые они совершают.

Произведения Назарьевой, не являясь высокой литературой, тем не менее, есть добросовестный «каталог» вкусов читателя (а отчасти и его бытового поведения) второй половины XIX века, представляющий для нашего современника значительный интерес. Назарьева разрабатывала темы и сюжеты — криминальные и любовно-психологические, — которые отвечали интересам массового читателя. Следование реальности с почти фотографической точностью отличали ее индивидуальную писательскую манеру, во многом соответствующую тогда запросу читающей публики. Более того, ее «уголовные романы» во многом и ценились благодаря правде факта, извлеченного Назарьевой из личного судебного опыта и работы в области криминальной публицистики. Убеждения, усвоенные Назарьевой в юности и связанные с идеей эмансипацией, были так же востребованы в обществе, поскольку активно обсуждались во всех социальных слоях. Сочетание этих факторов и сделало Назарьеву одной из самых популярных романисток своего времени — в среде массового читателя.

3.2. Драматургические тексты К. В. Назарьевой

Капитолина Назарьева вступила на драматургическое поприще в тот момент, когда на русской сцене уже происходили серьезные трансформационные процессы. Во второй половине XIX века наряду с официальными императорскими сценами открывается огромное количество мелких частных театров, разъездных антреприз, которые азартно эксплуатируют салонную тему, делая на ней хорошие сборы. Вот что пишет по этому поводу рецензент Ан. (М. Н. Ремезов) в своем очередном театральном обзоре премьер: «Обилие театров вызвало и небывалое у нас множество новых пьес и новых драматургов. Спрос создал предложение и оживил “производство”, к сожалению, лишь в количественном отношении и, по-видимому, не без ущерба для качества предлагаемого “товара”, а равно и для самого искусства. В борьбе за существование, увлекаемые конкуренцией, театры вынуждены напрягать все усилия к заманиванию публики, и полагают они, не без основания, что ничем нельзя так завлечь посетителей, как новинками. И вот театры г. Корша и г-жи Горевой и Абрамовой взялись “отжаривать” каждый еженедельно по одной новой пьесе, не задумываясь над вопросом, чем они угощают публику, — какою авторскою и актерскою стряпней. Да им, в сущности, задумываться и некогда, и не над чем, приходится наперебой хватать что под руку попало и взапуски друг перед другом ставить пьесы наскоро, как попало. <...> В той “веселой войне”, которая теперь началась у нас между частными театрами, уже успели заявить себя две дамы, г-жа Назарьева и г-жа Мердер, писавшая романы и повести под псевдонимом “Н. Северин”. <...> Некий великий полководец сказал, что “для войны нужны, во-первых, деньги, во-вторых, деньги, и, в-третьих, деньги”. Театральная “веселая война” требует, разумеется, тоже денег, и очень больших денег. Но мы не станем касаться этой стороны дела: если идут люди воевать, не будучи ничем к тому вынужденными, стало быть,

денег у них много — девать некуда; мы говорим об иных средствах — об артистических и художественных силах»⁵¹².

На сценах с успехом шли разнообразные «игривые» французские комедии Э. М. Лабиша и В. Сарду. Отечественная драматургия «приватизируется» В. А. Крыловым, И. В. Шпажинским, П. М. Невежиным, с успехом эксплуатировавшими салонные темы: любовные интрижки господ с горничными. Усилия Л. Н. Толстого в своих пьесах пытавшегося ставить высоконравственные вопросы на срезе конфликта общечеловеческих ценностей и «официоза» не смогли переломить общей ситуации в драматургии, а до Чеховской реформы, провозгласившей — «пусть на сцене все будет так же сложно и вместе с тем так же просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...»⁵¹³, — еще было далеко: в 1896 году на Александринской сцене с треском провалится «Чайка».

Поэтому к середине восьмидесятых годов, когда на волне общего увлечения театром Назарьева пишет свои первые пьесы, она вполне приходится ко двору со своим пристрастием «списывать реальность» таковой, какая она есть. «В 1889 г. К. В. <Назарьева> решила испытать свои силы и на поприще драматического искусства»⁵¹⁴, как сообщает современник, а ее драмы (некоторые были одобрены литературным театральным комитетом) давались в Москве, в театрах Е. Н. Горевой и Корша, а в Петербурге с большим успехом шли на всех частных сценах и в больших провинциальных театрах⁵¹⁵.

Нами найдено десять пьес Назарьевой: «Жизнь-битва: Воронье гнездо» (1890, 1891), «Правда» (1892), «Чужая» (1890, 1901, 1908), «Тревожное счастье» (1884, 1889), «Сокровище» (1891), «Прощение» (1903), «Два полюса (Опасные люди)» (1889), «Над бездной» (1902), «Со злости» (1896), «Ураган»

⁵¹² Ан. (Ремезов М. Н.). Современное искусство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/remezow_m_n/text_1889_10_sovr_iskusstvo_olderfo.shtml. [Дата обращения: 10.01.2022].

⁵¹³ [Летопись жизни и творчества А. П. Чехова]: 1889 // Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 2: 1889 – апрель 1891. С. 5.

⁵¹⁴ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.

⁵¹⁵ Там же.

(1891) (однако, есть предположение, что их было больше), многие были изданы уже после смерти писательницы. Ни одна из них не попала на государственные театральные сцены, о чем сама Назарьева горестно сокрушалась в одном из своих писем, написанном Е. П. Карпову от [б. д.] 1898 года: «Моя жизнь кончается (50 л. стукнуло!) и хотя одну бы пьесу повидать на образцовой сцене»⁵¹⁶.

Она сперва делает авторскую инсценировку из собственного романа «Тревожное счастье» (1884)⁵¹⁷ (постановка осуществлена в частном театре Е. Н. Горевой в 1889 году в Санкт-Петербурге), а затем пробует написать отдельное оригинальное драматургическое произведение — «Два полюса (Опасные люди)» (1889)⁵¹⁸ (также поставлена в театре Е. Н. Горевой в Санкт-Петербурге в 1889 году).

Современная Назарьевой критика отмечала, что эти две пьесы «стоят на границе между драмой и мелодрамой, причем в последнюю не переходят из-за серости красок», однако «в них, несомненно, есть кой-какое движение»⁵¹⁹, анонимный рецензент видел в драматургических сочинениях писательницы всего только «положительный момент в освещении новых уголков жизни»⁵²⁰, отмечая вместе с тем «присущие автору психологический схематизм»⁵²¹.

В основе пьесы «Тревожное счастье» (1889)⁵²² любимая тема Назарьевой: женщина выходит замуж, не будучи разведенной, и все четыре акта огромного спектакля мучается от происков злобного шантажиста.

Вот что писал рецензент Ан. (М. Н. Ремезов) по поводу премьеры этой пьесы в театре Е. Н. Горевой⁵²³: «Первою крупною новинкой из

⁵¹⁶ Письмо Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. от [б. д.] 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.

⁵¹⁷ Назарьева К. В. Тревожное счастье // Наблюдатель. 1884. № 2. С. 3–45.; № 3. С. 3–45.; № 4. С. 3–45.

⁵¹⁸ Назарьева К. В. Два полюса (Опасные люди): Драма в 4-х актах. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 74 с.

⁵¹⁹ [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева: «Драмы и комедии» // Новости и Биржевая газета, среда. 1895. № 66. С. 3.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Назарьева К. В. Тревожное счастье: Драма (в 4 д. и 5 карт.). СПб.: Театр. б-ка В. А. Базарова, 1889. 51 с.

⁵²³ Эпоха конца XIX века в драматургическом плане отличалась от начала века XX, но общее неприятие и настороженное отношение к текстам, сочиненным для театра женщинами, сохранялось и в дальнейшем // См.: Михайлова М. В. Женщины-драматурги серебряного века // Гендерная проблематика в современной

оригинальных пьес в театре г-жи Горевой шла драма в 4 дейст. и в 5 картинах К. В. Назарьевой, **Тревожное счастье** [выделено автором. — М. А.]. Мы назвали эту пьесу “оригинальной” потому только, что она не переведена с иностранного языка, а представляет собою переделку из повести, о чем, впрочем, не заявлено на афише. Тем не менее, сомнения быть не может в том, что весь сюжет драмы и некоторые сцены целиком, чуть не слово-в-слово, списаны с романа того же автора и под тем же заглавием, напечатанного во 2, 3 и 4 книжках журнала **Наблюдатель** [выделено автором. — М. А.] за 1884 г. Заимствования авторами сюжетов, хотя бы и из своих же собственных повестей, следовало бы, по нашему мнению, непременно оговаривать в афишах и объявлениях, и безусловно необходимо делать это в таких случаях, когда произошло заимствование из чужого произведения. При этом очень желательно бы было иметь и указания, откуда именно заимствован сюжет пьесы, дабы отклонить всякие поводы к недоразумениям и пререканиям»⁵²⁴.

Далее рецензент сетует на то, что до посещения спектакля по пьесе Назарьевой не читал ее романа «Тревожное счастье», но между тем сюжет пьесы ему показался необыкновенно знакомым. Причем настолько знакомым, что далеко до окончания пьесы он знал уже все подробности развязки.

Затем рецензент вспомнил, что несколько лет тому назад читал подобную историю в газете про некую крестьянку Катерину, которая от невыносимого распутства и тиранства мужа бежала с паспортом вдовы солдатки, носившей тоже имя Катерины. После некоторых странствований она попала в какой-то город и нанялась там служительницей в больницу, где приглянулась зрителю из отставных унтер-офицеров. Полюбив скромную и добрую работницу и получив взаимность, он с ней обвенчался. Но вскоре в эту же больницу попал захворавший в дороге мужик, бывший односельчанин

литературе: Теория и история литературоведения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: РАН ИНИОН Центр гуманист. науч.-информ. исслед. 2010. С. 4–35.

⁵²⁴ Ан. (Ремезов М. Н.). Современное искусство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/remezow_m_n/text_1889_10_sovr_iskusstvo_olderfo.shtml. [Дата обращения: 10.01.2022].

Катерины. Вылечившись, он узнал Катерину и начал ее шантажировать под угрозой доноса.

Пока могла, она ему платила, а когда не смогла, он разозлился и на самом деле заявил полиции, что Катерина беглая и двумужница. При допросе в полиции Катерина сразу же призналась во всем и ее посадили в острог, затем судили, и на суде выяснилось, что венчалась она со вторым мужем в то время, когда ее первый муж внезапно умер уже на родине. Катерину оправдали, и новая семья воссоединилась. «Таков небольшой **Очерк из народной жизни** [выделено автором. — М. А.] П. А. Захаревича, напечатанный под названием **С чужим паспортом** в Газете Гатцука [выделено автором. — М. А.] в 1883 г., в №№ 31 и 32. Слово-в-слово такова же фабула драмы г-жи Назарьевой **Тревожное счастье** [выделено автором. — М. А.], только действие происходит не в крестьянской среде, а в “сюртучной” и в Петербурге»,⁵²⁵ — пишет рецензент.

Далее он подчеркивает разницу между рассказом П. А. Захаревича и драмой Назарьевой, которая заключается в том, что Катерине у П. А. Захаревича дает чужой паспорт какая-то добрая соседка, а героиня драмы Назарьевой обменивает свой паспорт на паспорт случайной спутницы, скоропостижно умершей, и отмечает, что это прямое заимствование сюжета из романа Н. Д. Ахшарумова «Чужое имя». При этом Катерина П. А. Захаревича выходит вторично замуж по «вдовьему» паспорту, а героиня романа из драмы Назарьевой вступает во второй брак по паспорту «девицы», и ее второй муж не подозревает некоторого несоответствия между документом и его предъявительницей, в чем тоже рецензент видит некий обман и натяжку, поскольку муж явно не мог не заметить, что девица совсем не девица. «Стало быть, героиня г-жи Назарьевой обманула второго мужа не в том только, что назвалась чужим именем, но и еще кое-в-чем»,⁵²⁶ — заключает рецензент.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

Далее он указывает, что П. А. Захаревич поступил предусмотрительнее Назарьевой, снабдив свою Катерину вдовьим паспортом и отмечает, что вообще все рассказанное П. А. Захаревичем «весьма возможно в крестьянском быту и от очерка **С чужим паспортом** [выделено автором. — М. А.] веет правдой, в основе его наверняка лежит быль. В романе и в драме г-жи Назарьевой чувствуется на каждом шагу фальшь, неловкая выдумка и натяжка. Героиня убежала от злого деспота-мужа, а в руках ее оказывается “вид на жительство”, которым она обменивается с умершею спутницей. Откуда же у нее взялся этот “вид”? Крестьянка Катерина, ушедши верст за 300 в чужую губернию, может воображать, что зашла за тридевять земель, где ее никто не отыщет и не узнает, и на самом деле так это и может случиться»⁵²⁷. Действительно, логически рассуждая, становится очевидно, что жена состоятельного помещика, уехав от мужа, едва ли может рассчитывать прожить всю жизнь «инкогнито» в Петербурге. Для этого ей действительно надо бежать как минимум в Сибирь, в глухое имение без соседей, которые ездят в гости.

Замужняя дама же у Назарьевой и не думает скрываться: она посещает курсы, где собираются женщины и девушки из всех закоулков России, а по окончании курсов она ищет места и поступает учительницей в богатый дом, где живут открыто, и кто-то из многочисленных гостей может ее опознать.

С новым мужем она путешествует за границей, куда съезжается дворянский круг со всех концов России. При этом русская среда за границей замкнута, шанс, что кто-то ее узнает и скажет: «да, ведь, эта дама — исчезнувшая жена нашего соседа — сильно увеличивается»⁵²⁸.

Дальше еще интереснее: ко всем вышеперечисленным неблагоприятностям добавляется то, что ввиду того, что героиню шантажируют, она систематически вынуждена обворовывать мужа.

⁵²⁷ Там же.

⁵²⁸ Там же.

Ситуация в дальнейшем развивается более неправдоподобно: она попадает в острог, а богатый муж, фабрикант, сидит сложа руки, не наводит никаких справок, которые сразу разрешили бы и устранили «юридический» вопрос о двумужничестве. Следовательно, со своей стороны, не находит нужным ни собрать справки о побеге от первого мужа, о подмене паспорта, ни допросить этого первого мужа. Как небезосновательно отмечает рецензент Назарьевой, «поступи следовательно так, как он обязан поступить по закону, все дело разъяснилось бы очень скоро и совершенно изменились бы поводы к преданию суду»⁵²⁹.

Достаточно странно, по мнению рецензента, выглядят и дальнейшие события: «оправданная, благодаря счастливой случайности, героиня кидается в объятия мужа, а обманутый “во всех статьях” муж радостно принимает выпущенную из острога жену. “Умилительная картина”, — пишет рецензент, — Больничный унтер г. Захаревича мог так поступить, и Катерина тоже, и счастье их могло восстановиться. Они люди простые и отношения их не усложнялись в такой мере, как взаимные отношения героев драмы. Впрочем, что же еще распространяться об этом! И без того достаточно ясно, что вся эта история — сплошная нелепость и несодеянность. Изображенный в ней совершенно исключительный и неправдоподобный случай никакого вопроса не возбуждает, не разъясняет и не решает, и ровно ничего не доказывает!»⁵³⁰

Солидарен с Ан. (М. Н. Ремезовым) и другой рецензент: «В художественном отношении драма не выдерживает даже снисходительной критики, в ней нет живых людей, она написана по известному шаблону пьес Александринского театра <...>; во всей драме нельзя уловить даже намека на то, чтобы автор так или иначе лично принял участие в судьбе действующих лиц (двоемужница, которую разоблачают, суд и примирение со вторым супругом)»⁵³¹.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23–47.

Современники-критики отмечали, что на пьесы Назарьевой оказало большое влияние творчество известнейшего и популярнейшего драматурга того времени — В. А. Крылова (существовал даже такой термин — «крыловщина», который употреблялся не только по отношению к пьесам Назарьевой). «Г-жа Назарьева, нам кажется, невольно усвоила себе манеру и приемы г. Крылова... крыловский “шаблон” и здесь слишком дает себя чувствовать...»⁵³², — отмечалось в критике.

«Крыловщина» означала предельную театральную замшелость и заштампованность сюжетов и характеров: «Публика наша слишком привыкла к шаблону, к крыловщине, и нового, не рутинного не любит; особливо, если это новое — тонко...»⁵³³, — горько констатировал современник.

Анонимный издатель, которому В. А. Крыловым было завещано издать все его пьесы, во вступительном слове к первому тому писал: «Скончался один из известнейших русских писателей и деятелей сцены, оставивший русскому театру крупное наследство в виде множества репертуарных пьес, которые в течение 35–40 лет не сходили с подмостков сцен по всей России, и на которых выросли и воспитались многие первоклассные сценические таланты»⁵³⁴. Описывая заслуги В. А. Крылова перед русским театром, издатель отмечал: «Трудно указать, кроме Островского, еще одного такого драматурга, как В. А. Крылов, который так щедро поддерживал бы репертуар русского бытового драматического театра и притом так много сделал бы для развития театрального дела на практике. В течение долгого ряда лет пьесы В. А. Крылова не сходили с репертуара не только частных, не только провинциальных сцен, но и казенных Императорских театров. По подсчету одного из газетных обозревателей, в периоде времени ее начала семидесятых

⁵³² [Б. а.] К. В. Назарьева. Драммы и комедии // Наблюдатель. 1895. № 12. С. 28–29.

⁵³³ Цит. по: Тамарли Г. И. Чехов и Джойс о театре и драме // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 93.

⁵³⁴ Крылов В. А. Прозаические сочинения: В 2-х т. / В. А. Крылов (В. Александров). Т. 1: СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908. С. 4.

годов и по 1887 год на одной только петербургской драматической сцене 55 пьес В. А. Крылова были сыграны 1,397 раз!»⁵³⁵

Издатель ничего не преувеличивает. Действительно репертуар В. А. Крылова оживляли своим талантом такие артистки, как М. Н. Ермолова и М. Г. Савина. Многие из наиболее ярких сценических созданий этих актрис приходится именно на заглавные роли крыловских пьес. Влияние его на драматургов-современников было огромно: благодаря пьесам В. А. Крылова многие из театральных знаменитостей того времени приобрели популярность и любовь публики⁵³⁶.

В. А. Крыловым написано 125 пьес, из них 30 — с собственным сюжетом, остальные — инсценировки или переделки произведений русских и иностранных авторов. Ему были подвластны все жанры: развлекательные комедии, водевили, не брезговал он и опереточными текстами. Но из-под его пера вышло и большое количество драм, с тематикой, которая была чрезвычайно востребована и у Назарьевой: это обличительные драматургические тексты, в центре которых находится непременно молодой интеллигент (не только мужчина, но и женщина), клеймящие русскую косность и борющиеся за справедливость и равенство перед законом. Однако основной корпус сочинений В. А. Крылова все же представляют развлекательные салонные комедии и драмы, построенные на хорошо продуманной интриге, с намеками на реальные события и лица.

В этом же духе выдержаны и пьесы Назарьевой, начиная с «Тревожного счастья». Все они, будучи единожды поставлены без дальнейшего повтора и восстановления, прошли в нескольких частных антрепризах в столице и провинции и были прочно забыты. То есть можно сказать, что Назарьева писала для заполнения пробелов в репертуаре не очень востребованного театра.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Там же.

В основе сюжета второй пьесы Назарьевой — «Два полюса (Опасные люди)» (1889) — все те же салонные страсти — неверность жены мужу, причем сокрытие этого греха осуществляют все знакомые мужа, а муж в конце стреляется.

У Назарьевой, как и в романах, так и в пьесе действуют все очень «хорошие люди» — в этом смысле весьма примечательны характеристики действующих лиц. «Муж Алексей Иванович Варенцов, 42 лет, худощавый блондин с бородой, идейный человек, добрый и чуткий. Наталья Михайловна, жена его, 25 лет, хорошенькая, живая, кокетливо капризная натура. Николай Степанович Юрин, художник, 28 лет, красивый брюнет, честный, но порывистый, увлекающийся характер. Иван Петрович Скребышев, 42 лет, адвокат, молодится, фатоват, с брюшком. Павел Егорович Малинец, 23 лет, лекарь, простоват и грубоват, неловкий. Анна Николаевна Зорькина, 18 лет, воспитанница Варенцова, наивное любящее существо»⁵³⁷.

Общий тон диалогов — мелодраматический, не подразумевающий ни иронии, ни второго плана, оттого многие фрагменты текста выглядят шаблонно:

«Наташа. Ну, полно глупить, Котик... Чего ты рассердился? Что я такое сделала? И отчего это у нас постоянно, постоянно ссоры и размолвки?.. Каждое свидание повздорим. Сойдемся на минуточку и непременно что-нибудь неприятное выйдет... Отчего у других все так хорошо... весело... увлекательно... Вот Колмаков, который с Катей... знаешь? У них свидания — действительно доставляют отраду, наслаждение...

Юренин. Да, да, весьма естественно... Колмаков — типичный, идеальный “друг дома”. Для него: любовь — забава... для меня — вопрос жизни... Я отдал тебе всего себя... я все положил к твоим ногам... Но... мы

⁵³⁷ Назарьева К. В. Два полюса (Опасные люди): Драма в 4-х актах. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. С. 2.

стоим на разных полюсах... Оттого и ссоры, и нравственный разлад, оттого и эти терзания, которых не утолить поцелуями»⁵³⁸.

Психологические характеристики поступков не представляются реальными, что хорошо видно по финалу пьесы, где обязательно присутствует роковой выстрел из револьвера. Как необходимо следует для подобного рода продукции, в этой пьесе присутствует неестественно-искреннее раскаяние жены над умирающим, застрелившимся мужем и совершенно неожиданно для зрителя выясняющаяся причина самоубийства мужа — предстоящий инфаркт, вкупе с его великодушным прощением жены перед тем, как испустить дух, — все это не выдерживает никакой критики:

«Наташа. Алеша... прости меня... прости... Разве могла я предполагать... разве думала... Дорогой мой... прости... Не умирай... Из-за такого пустяка убить себя!.. Я исправлюсь... клянусь тебе... Не слышит! Это я... я убила его...

Варенцов. Нет, нет... никто не виноват... Малодушие... Сегодня... в городе... доктор... Грозит разрыв сердца... Ждать смерти — так жутко... Я сам... из малодушия... только из малодушия убил себя... простите... Прощай, Наташа!»⁵³⁹

Между тем из всех пьес Назарьевой именно «Тревожное счастье» и «Два полюса (Опасные люди)» прошли цензуру литературно-театрального комитета и были одобрены к постановкам, чем сама Назарьева очень гордилась. На обложке отдельно изданной пьесы «Два полюса (Опасные люди)» было указано, что сочинение это К. В. Назарьевой, автора драмы «Тревожное счастье», которая была «одобрена Литературно-театральным комитетом для представления на сцене Императорских театров»⁵⁴⁰. Это, как мы полагаем, репутационный момент для самой писательницы, который она не преминула подчеркнуть.

⁵³⁸ Там же. С. 41.

⁵³⁹ Там же. С. 74.

⁵⁴⁰ Там же.

В одном из сохранившихся писем Назарьевой к Е. П. Карпову от 1898 года отражены ее переговоры о пьесе «Опасные люди» (1889), которая понравилась артисту О. П. Гореву, с тем, чтобы представить ее на одной из центральных театральных площадок, но, судя по всему, постановка не была осуществлена: «На днях меня посетил О. П. Горев, ему понравилась пьеса “Опасные люди” (Два полюса) и он обрадовал меня, сказав, что хотел бы играть роль Варенцова. <...> Я бросила писать для сцены и <неразобр.> публицистик.<у>, но драма и влечет, и манит меня. Ах, чтобы <неразобр.> этот могучий Горев»⁵⁴¹.

С третьей пьесой («Над пропастью. Ком. В 3-х действиях. Сюжет заимствован. Соч. К. В. Назарьевой») случился форменный скандал: она была не только не одобрена, но и запрещена к постановке ввиду того, что затрагивала слишком острые семейные вопросы. Как отмечает М. М. Казбек в 1896 году: «пьеса хотя и является почти цензурною, но самый ход пьесы, отношения детей к родителям, их разговоры между собой, местами неприличные и не подобающие по отношению к детям, должны произвести на публику самое неприятное впечатление». Современник заключает, что пьеса «вовсе непригодна для сцены, по своему грязному колориту»⁵⁴².

Сюжет пьесы заключается в том, что молодая пара стремится вступить в брак. Но к этому возникают совершенно немислимые «различные препятствия, мешающие осуществить им свое намерение и составляющие суть всей пьесы», они-то и «делают ее не совсем удобною к представлению»⁵⁴³, — полагает цензор. Ситуация усугубляется тем, что влюбленные друг в друга молодые люди оказываются братом и сестрой и являются плодом греха их родителей. По ходу сюжета выясняются совершенно неприличные для того времени подробности. Благовоспитанная семья, в которой есть мать, дочь и младший сын, оказывается, хранит страшный секрет. Мать покрывает «грех дочери» тем, что называет своим

⁵⁴¹ Письмо Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. от [б. д.] 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.

⁵⁴² Запрет пьесы [Над пропастью] в представлении на сцене «за грязный колорит» 31 августа 1896 г., Казбек М. М. // РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 15.

⁵⁴³ Там же.

сыном ее ребенка, рожденного тайно от любовной связи с другом дома, женатым человеком. Таким образом, семья на самом деле состоит из матери, дочери и внука:

«Лиза. Ты сделала! Ты! О, я помню каждую мелочь! Отцу не нравился Борис Ильич, он не хотел его видеть... запретил бывать... но я не послушалась... у нас в саду мы встречались... у нас в саду, пока отец был болен, а ты проводила возле его постели все ночи. Борис сказал, что он должен уехать. Я была в отчаянье. Я с ума сходила от тоски. А потом, мама, потом отец умер, и ты на себя взяла мой позор! Ты считалась матерью Бази, а я только сестрой... и он не знал ничего. Счастливый и спокойный, он рос, окруженный нашей любовью... и вот удар судьбы... неизбежный и жестокий... и в какое время!.. Ах, мама, мама, зачем ты скрывала правду!»⁵⁴⁴

Этот сын/внук влюблен в девушку — дочь того человека, который приходится ему отцом, поскольку был любовником его настоящей матери, называемой в семье сестрой. Таким образом, у жениха и невесты один отец, но разные матери и потому они — сводные брат и сестра.

Понимая это, семья делает все, чтобы этот брак не состоялся.

Сначала мать/сестра отговаривает невесту. Она убеждает ее, что жених не здоров, что болезнь к тому же и наследственная. А значит, перейдет на ее детей от него:

«Лиза. Базя болен. Очень-очень серьезно болен. У него была чахотка... и наследственный порок сердца... наследственность с детства. <...> я хотела вас подготовить... наш отец умер от паралича... прогрессивного... я тоже любила, мечтала о счастье. Но я не решилась выходить замуж... на такое преступление... Погубить дорогого человека. Иметь больных детей, видеть, как тускнеет свежий разум мужа, отца... видеть зародыш той же болезни — этого нельзя. Нельзя!»⁵⁴⁵

⁵⁴⁴ Назарьева К. В. Над бездной: [Сюжет заимствован]: Комедия в 3-х актах. СПб.: Т-во худож. печати, 1902. 50 с.

⁵⁴⁵ Там же. С. 35.

Но когда невеста оказывается готова на все, тогда настоящая мать жениха (по семейной легенде — сестра) напрямую объявляет ей, что она хочет выйти замуж за родного сводного брата, потому что ее отец был ее любовником. Невеста и в шоке и одновременно — в восторге, ибо она всегда мечтала повидать ту девушку, которую, как рассказывал отец, он когда-то любил:

*«Лида. Полюбить брата! Родного брата! Как это ужасно! Вы? Вы Веточка? Базя ваш сын? Бедная моя, сколько же вы выстрадали!»*⁵⁴⁶

Ситуация осложняется тем, что отец невесты, снова увидев свою прежнюю любовницу (мать жениха), заново в нее влюбляется, поскольку теперь он свободен, вдовец и может, и хочет на ней жениться.

«Корчагин. Пришла! Дорогая! Любимая! Все та же! Ни упрека, ни жалоб... постой погоди, не рвись от меня. Ты жена моя... моя жена...

Лида. Нет, нет. Наши дети несчастные!

*Корчагин. Простила? Простила? Да только русская женщина может так прощать!»*⁵⁴⁷

А чтобы финал всей этой истории все же оказался счастливым, как того требует публика, автор находит фантастический выход, в самом конце вдруг объявляя, что в его семье тоже была тайна: он не является отцом невесты, поскольку когда-то женился на женщине с ребенком и удочерил невесту:

*«Корчагин. Не дочь мне Лида. Приемьш! Она дочь той несчастной, обманутой женщины... Той, на которой я и женился»*⁵⁴⁸.

А потому молодые люди могут жениться свободно, не совершая греха.

Это последнее обстоятельство особенно разозлило цензора, который посчитал, что «эта заключительная его фраза <...> сказана только для обхода цензуры», а молодые герои пьесы, «когда им объявили, что они оба незаконного происхождения, то на них это известие не произвело никакого впечатления, они остаются равнодушными, показывая как бы этим, что для

⁵⁴⁶ Там же. С. 37.

⁵⁴⁷ Там же. С. 47.

⁵⁴⁸ Там же.

них безразлично, кто были их родители, для них достаточно того, что они существуют и пользуются всеми благами мира»⁵⁴⁹.

В сущности можно сказать, что Назарьева поднимала действительно потаенные вопросы в области семейной темы, и делала она это довольно смело, не боясь вскрывать запретные пласты. Но другое дело, что ей, вероятно, изменяла мера, и она сгущала краски — для достижения, как ей казалось, большего эффекта, что на самом деле приводило к обратному: ситуация из реальной и вполне вероятной трансформировалась в клубок нереальных сцеплений и ходульных положений.

Следующие три пьесы Назарьевой «Чужая» (1890, 1901, 1908), «Воронье гнездо» (1890, 1891) и «Сокровище» (1891) имели ту же судьбу, что и предыдущие, за исключением того, что не получили одобрения и рекомендации на сцены Императорских театров.

Впрочем, даже то, что первые две пьесы имели рекомендации, ни в одном государственном театре они так и не были поставлены. «“Чужая”, “Воронье гнездо” и “Сокровище” никем не одобрены; шаблонные положения. Такие же формы... Ясно выделяется только прекраснодушие автора. К сожалению, этого мало для драматурга»⁵⁵⁰, — с раздражением писал рецензент-современник.

Не меньшее раздражение вызывала у критиков и последняя пьеса Назарьевой под названием «Правда» (1892)⁵⁵¹, в полной мере отвечающая стилистике, которая носила имя — «крыловщина». По сюжету молодой интеллигент разоблачает ложь современного ему общества, но так, что все очень напоминает шекспировского Гамлета. Все это отмечали современники: «В “Правде” г-жа Назарьева возмечтала о лаврах авторов “Гамлета” и “Pierre et Jean”. Ее герой не скрывает тайны; он громко кричит про нее всем — и Горацию-Андропову, и матери — Гертруде и королю — Кайданову. В сцене

⁵⁴⁹ Запрет пьесы [Над пропастью] в представлении на сцене «за грязный колорит» 31 августа 1896 г., Казбек М. М. // РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 15.

⁵⁵⁰ [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева: «Драмы и комедии» // Новости и Биржевая газета, среда. 1895. № 66. С. 3.

⁵⁵¹ Назарьева К. В. Правда: Пьеса в 4-х актах. М.: Лит. Моск. театр. б-ки Е. Н. Рассохиной, 1892. 80 с.

с Гертрудой — Еленой Павловной он сопоставляет отца с королем — Кайдановым; в сцене со всеми остальными он рассказывает содержание книги о Леосе и Алисе, так как по недостатку средств не может пригласить актера сыграть такую любительскую пьесу, в которой король — Кайданов узнал бы себя. Г-жа Назарьева значительно пессимистичнее Шекспира. Гертруда не верит Гамлету и только в минуту высшего возбуждения ужасается, что в душе у нее темные черные пятна. Гертруда — Елена Павловна знает, что Алеша — Гамлет прав, но не хочет знать, и никто этого знать не хочет. Эти преступники скучают при виде Алеши, но не боятся его. И все ему говорят: “Уезжай ты со своей правдой”. Никто не хочет его “Правды”. И мы ее не хотим, и не правда — а ложь, наивная. Не психологическая ложь»⁵⁵².

Рецензент прав. Механически позаимствовав систему персонажей Шекспировского «Гамлета» и переведя общую линию сюжета в современность, Назарьева так и не смогла «оправдать» перед зрителями и актерами, зачем и почему главный герой каждому, кого встречает, всегда говорит нелюбезную правду в глаза. И оттого и сам главный персонаж кажется надоедливым глупым занудой, люди, с которыми он сталкивается по ходу развития сюжета, и обстоятельства основных событий кажутся не просто надуманными, а вовсе нереальными.

Интересно, что в 1895 году часть пьес Назарьевой была издана отдельной книгой под названием «Драмы и комедии»⁵⁵³. Рецензии на нее тоже были не слишком хвалебными: «Известная нашим читателям г-жа Назарьева выпустила отдельным изданием свои драмы и комедии. В ее книжке помещено всего шесть пьес: “Тревожное счастье”, “Два полюса”, “Чужая”. “Воронье гнездо”, “Правда” и “Сокровище”. Нам не приходится

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ Назарьева К. В. Драмы и комедии. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1895. 319 с.

рекомендовать талантливость автора»⁵⁵⁴, — сообщает своим читателям рецензент.

Далее он говорит о широкой известности романов Назарьевой, которые печатаются в «Наблюдателе» и отмечает, что как рассказчик писательница «очень жива и занимательна»⁵⁵⁵, потому что умеет подмечать в русской действительности такие особенности, которые не были с достаточной полнотой разработаны другими беллетристами. «Однако мы принуждены прибавить, что г-жа Назарьева оказывается гораздо более талантливой и оригинальной беллетристой, чем драматургом. Для драматурга необходимы не только наблюдательность, живое воображение и творческое дарование, но также знание сцены, умение управляться с объективной драматической речью <...>. Г-жа Назарьева, по-видимому, недостаточно изучила сцену, поэтому она не так сильна в своих драматических опытах, как в беллетристике. В ее драмах и комедиях менее удачен выбор содержания и недостает опыта в развитии драматических положений»⁵⁵⁶.

И здесь мы скорее согласимся с рецензентом. В пьесах Назарьевой отсутствует драматургическая конструкция, действенный конфликт, речевые характеристики персонажей подчас не позволяют отличить одного от другого, а сами персонажи — клишированные функции характеров. Вместо идеи пьесы присутствует морализаторство, отсюда все действие не развивается, а «стоит», начисто сломана поведенческая и психологическая логика в угоду единственной морали, которая, как правило, звучит в конце пьесы.

Поэтому зрелищная сторона действия держится исключительно на перемене костюмов актеров, так как действие, как правило, согласно традиции того времени, идет в одних и тех же среднестатистических декорациях «богатого дома».

⁵⁵⁴ [Б. а.] Рубрика. – XVIII Новые книги. «К. В. Назарьева. Драмы и комедии // Наблюдатель. 1895. № 12. С. 28–29.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Там же.

Далее рецензент упрекает Назарьеву в том, что чаще всего она как драматург избирает «замысловатую и не всегда правдоподобную фабулу, как напр., в драме “Тревожное счастье”»⁵⁵⁷, а в некоторых пьесах, как, например, в драме «“Два полюса!”» или в комедии “Правда”», она «разрабатывает или какую-либо основную мысль <...>, или драматическое положение»⁵⁵⁸, чего недостаточно для успеха на сцене. Иллюстрируя свою последнюю мысль, критик разбирает пьесу «Правда», указывая на ее родство с «Гамлетом» Шекспира «по содержанию и даже по некоторым положениям»⁵⁵⁹.

Действительно, ходульный и неправдоподобно-темпераментный герой пьесы Алеша является доморожденным современным Гамлетом, борющимся за правду. В комедии есть даже сцена между матерью героя и сыном, совсем напоминающая такую же сцену в «Гамлете». Однако как пишет критик, «крыловский “шаблон” и здесь слишком дает себя чувствовать...»⁵⁶⁰

Следует заметить, что и сама Назарьева осознавала несовершенство своих драматургических творений. А потому — и это видно из переписки — бесконечно советовалась со своими друзьями и знакомыми в поисках подсказки, каким образом усовершенствовать текст.

«Посылаю Вам, уважаемый Евтихий Павлович, — пишет она Е. П. Карпову в письме от 14 августа 1898 года, — “**Рабыни**” и “**Со злости**” [выделено автором. — М. А.] (последняя в виде черновика). Если пожелаете, я немедленно выпишу литограф.<ический> экз.<емпляр> от <неразобр>. Посылаю еще пьесу “Ураган”. Если будет время черкните, прошу Вас свое мнение. Если **Рабыни достойны** [выделено автором. — М. А.] переделки — сделаю все что скажете, подумаю не <неразобр> эта пьеса!»⁵⁶¹

В другом своем письме к В. О. Михневичу от 14 декабря 1892 года она приглашает его на спектакль по ее пьесе: «Если бы вы и Ваша супруга приехали в Бл.<агородное> Собр.<ание> я была бы безгранично

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Письма Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. от 14 авг. 1898 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.

признательна. Я чувствую, что пьеса плоха, имеет массу недостатков, но вынести <неразобр> из нее можно, кое-что сделать, нужно указание опытного и разумного критика, его совет и вот отчего я позволяю себе беспокоить Вас моею горячею просьбою. Если бы пьеса не имела успеха — я не решилась бы и говорить о ней, но говорят, что она понравилась, что она имеет будущее, а я нахожу ее ужасной по многим обстоятельствам. К успеху в Приказе Клуба я, конечно, отношусь критически. Во-первых, публика там далеко не интеллигентная, а во-вторых, автор женщина <...>. Не могу передать, как я буду глубоко благодарна за самый резкий и беспощадный ваш приговор и указания. Я хочу переделать драму и с признательностью приму Ваш совет. Не знаю почему, но эту драму просят у меня на все клубы, но я чувствую, что ее надо переделать насквозь, но что переделать, как — не понимаю!.. Итак, сделайте одолжение, великое и громадное, пожалуйста взглянуть ее и не откажите дать совет. <...> Если Вы скажете: драма никуда не годится — **честное слово** [выделено автором. — М. А.] брошу в печку, потому что сама ничего не понимаю. Написала я ее в 4 дня и ни разу не переделывала, хотя местами она просто кричит и воеет, **требуя** [выделено автором. — М. А.] изменений»⁵⁶².

Таким образом, о каких-то существенных художественных достоинствах пьес Назарьевой нам сегодня говорить не приходится. Они, наряду с тысячами других, входили в обиход так называемых пьес-однодневок, выдерживали недельное представление и благополучно уходили в небытие.

На сегодняшний день этот драматургический материал ценен для исследователя и историка литературы именно тем, *за что* критика так усердно ругала Назарьеву — за его предельный натурализм. Картина быта и нравов современного Назарьевой русского общества, его интеллигентно-обывательской «салонной» среды раскрывается в этих пьесах полностью. Ведь все сюжеты, которые она «изобретала» и «закручивала», как и в

⁵⁶² Письмо Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. от 14 дек. 1892 г. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.

романах, имели отсылку к реальности — она ничего не придумывала, а лишь немного «раскрашивала» ту реальность, которую видела вокруг. Взаимоотношения мужей и жен, отцов и детей, описанные в ее пьесах, одинокие женщины с брошенными детьми, толстосумы, соблазняющие девиц, адюльтеры, «семейные скелеты в шкафу» — это то, чем в быту жила та среда, в которой вращалась Назарьева и которую с добросовестностью документалиста она перенесла на бумагу.

В этом смысле ее пьесы — любопытный документ эпохи, достоверно доносящий до нас состояние и настроения российского обывателя второй половины XIX века.

3.3. Публицистика и журналистская деятельность К. В. Назарьевой

В публицистику Назарьева приходит достаточно поздно — в 1896 году, за четыре года до своей смерти. «Назарьева начала отдавать предпочтение журнальной работе, помещая во многих газетах заметки из жизни провинции»⁵⁶³, — сообщает П. В. Быков. И это оказывается самое удачное ее поприще, где она не только широко востребована, но и безоговорочно любима читателями: «она стяжала себе известность, и статьи этого рода, подписанные ее псевдонимом Н. Левин, всегда прочитывались с живым интересом, отличаясь талантливостью изложения»⁵⁶⁴.

Круг изданий, печатающий ее тексты, крайне широк и не ограничивается столицей. «Сын отечества», «Биржевые ведомости», «Северный курьер», «Приднепровский край», «Новости дня», «Осколки» (1881–1883), «Отголоски» (1881), «Дело» (1883, 1886), «Наблюдатель» (1883–1895), «Всемирная иллюстрация» (1883–1885), «Иллюстрированный мир» (1884), «Модный свет» (1884–1887). Причем провинция ее любит особенно⁵⁶⁵, поэтому ее публикации можно встретить в больших и малых изданиях по всей России. Например, в таких изданиях, как «Заря», «Киевлянин», «Киевский листок», «Одесский вестник» «Южный край», «Новое обозрение» (Тифлис), «Самарская газета», «Дон» (Воронеж). И все равно — это далеко не полный перечень изданий, где можно найти ее статьи под разными псевдонимами (полностью установить библиографию ее публицистики на данный момент не представляется возможным, это требует отдельной кропотливой поисковой работы).

Современники отмечали, что писательница получала большое количество писем из разных уголков страны. Причем не только со словами

⁵⁶³ Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

⁵⁶⁴ Там же.

⁵⁶⁵ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

одобрения, но и с возможными материалами о жизни в городе и даже — с просьбами о совете в сложных житейских ситуациях⁵⁶⁶.

Необходимость зарабатывать вынуждала Назарьеву пользоваться многочисленными псевдонимами, ведь иногда в одном и том же издании выходило одновременно две или три ее статьи. Л. Ошво, Вера Зан, К. Елизаров, Альберт, Н. Калина, Энель и др. — всего 28 псевдонимов — вероятно, тоже не полный перечень известных нам псевдонимов, поскольку, как свидетельствовали люди, близко ее знавшие, «К. В. до самых последних дней своей жизни» вынуждена была «необходимостью иногда писать до пяти статей в день в разные издания»⁵⁶⁷.

Но самым известным и приоритетным был, конечно, Н. Левин. «Нужно ли говорить о той популярности, которою Н. Левин пользовался в провинции, как отзывчивый и безукоризненно честный журналист? — писал современник. — Можно сказать, не опасаясь впасть в преувеличение, что по известности в этом отношении К. В. не имела себе равных из современных писательниц и явилась если не первой, то одной из самых первых представительниц женского журнального труда в России»⁵⁶⁸.

Между тем, Н. Левин «родился» не только потому, что Назарьева по бедности неоднократно подвергалась унижительной процедуре полицейской описи своего имущества⁵⁶⁹. Вся Россия знала ее как автора романов, повестей, рассказов и пьес. Но если читательское одобрение она получала практически всегда, то литературная элита относилась к ее трудам с большой долей скептицизма. И псевдоним, принятый Назарьевой для себя на публицистическом поприще, должен был, видимо, согласно ее ожиданиям, сформировать ее «новому имени» более благожелательную репутацию. Об этом очень хорошо написал в покаянной, появившейся после известия о смерти Назарьевой, заметке знаменитый пересмешник-фельетонист того времени — Влас Дорошевич: «Я никогда не видел Назарьевой. Я не знал,

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же.

была она молода или стара, интересна или не интересна в беседе. Я не знал даже, как ее зовут. Сегодня я в первый раз узнал, что ее звали Капетолиной⁵⁷⁰ Валериановной. А я всегда был уверен, что ее зовут Калерией Назарьевой. Это смешное имя выдумали ей мы, фельетонисты, выдумали нарочно, чтобы сделать ее еще более забавной, смешной в глазах публики. Мы **травили ее, травили из года в год. Мы изощрялись** [выделено нами. — М. А.] над этой “многописательницей”. <...> Мы создали такой забавный образ, что публика без улыбки не могла слышать имени: — Калерия Назарьева! Калерия! Затравленная, загнанная нами, она **пряталась от нас за псевдонимом** [выделено нами. — М. А.], чтобы высказывать свои мысли, часто интересные, всегда добрые, всегда гуманные. Кто стал бы читать статью по общественному вопросу, подписанную ее именем? — Ужасно интересно знать, что думает Калерия Назарьева. Чтобы читали ее мысли, она прикрывалась мужским псевдонимом: — Н. Левин. “К. Назарьева”, бесконечная романистка, существовала для публики, не знакомой еще с критикой. Для публики, более интеллигентной, был “Н. Левин”. И, быть может, часто тот, кто с интересом читал статьи Н. Левина, с насмешливой улыбкой говорил о “Калерии Назарьевой”»⁵⁷¹. Таким образом, Н. Левин стал alter ego Назарьевой в публицистике по жестокой необходимости защитить свои заработки от насмешливых оценок современников.

Следует так же учитывать, в какой момент Назарьева приходит в журналистику, ибо это напрямую связано с тем творческим почерком, который она себе избрала.

Временные правила о печати 1865 года определяли положение прессы в России и во второй половине XIX века. Цензуре не подвергались только столичные ежедневные газеты и журналы (хотя, на самом деле, цензура была, но в более мягком варианте) и книги, объем которых превышал 10 печатных листов. Все иллюстрированные, сатирические и провинциальные

⁵⁷⁰ В. М. Дорошевич допускает неточность в имени писательницы – «Капетолина» вместо «Капитолина» // Дорошевич В. М. К. В. Назарьева // Литераторы и общественные деятели: художественная литература. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 65.

⁵⁷¹ Там же. С. 65–66.

издания цензурировались, при этом получая от министра внутренних дел не менее трех предупреждений. По получении третьего издание приостанавливало работу на срок до полугода. Полное прекращение работы издания осуществлялось по суду⁵⁷².

На деле Временные правила имели неприятные исключения: в Петербурге в 1879 году из 149 изданий 79 продолжали цензурироваться. Но самым важным для нашей темы является то, что многочисленными правилами и инструкциями пресса лишена была возможности напрямую реагировать на острые политические вопросы. А законом о печати 1882 года, было предписано закрывать любое издание вплоть до лишения права издателей и редакторов на дальнейшую деятельность, если совещание четырех министров принимало решение о том, что она вредна обществу⁵⁷³.

При этом 1870–1880-е годы дали бурный рост газетного дела. Из деревень на открывающиеся фабрики и заводы прибывают все новые и новые массы людей, потребности которых как в информации, так и в развлечении следовало удовлетворять. Спрос рождает предложение — резко увеличивается количество еженедельных и ежедневных газет, чему способствует и стремительное развитие полиграфических технологий: растет бумажное производство, совершенствуются мощности печатных машин. В издательской деятельности широко начинает использоваться фотография, (автотипия)⁵⁷⁴, которая к началу 90-х годов полностью вытесняет рисованные иллюстрации. К тому же в России появляется телеграф: Русское (РТА, 1866), Международное (МТА, 1872) и Северное (СТА, 1882) телеграфные агентства, чьими владельцами были А. А. Краевский, А. С. Суворин, Н. А. Нотович⁵⁷⁵.

Газета стремительно вытесняет журнал: если в 1871 году в России выходило 14 журналов и 36 газет, то в 1890 году 29 журналов и 79 газет⁵⁷⁶, а

⁵⁷² См.: Западов А. В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. / Под ред. проф. А. В. Западова. Третье, исправленное издание. М.: Высшая Школа, 1973. С. 485.

⁵⁷³ См.: Там же.

⁵⁷⁴ См.: Там же. С. 485.

⁵⁷⁵ См.: Там же.

⁵⁷⁶ См.: Там же. С. 487.

уже в 1891 году издавалось 70 ежедневных и 226 не ежедневных газет. Тиражи некоторых газет достигали 70 тысяч экземпляров (газета «Свет»)⁵⁷⁷.

Наконец, стремительно строящиеся железные дороги развозят тиражи газет по всем городам России. «Газетная лихорадка» охватывает не только столицы: частные издатели и владельцы активно развивают этот бизнес в провинциальных городах России: Одесса, Новороссийск, Киев, Тифлис («Тифлисский вестник», «Обзор», «Новое обозрение»), Харьков («Харьков» и «Южный край»), Самара («Самарская газета»), Саратов, Казань («Волжский вестник»), Таганрог («Таганрогский вестник»), Воронеж («Дон» и «Воронежский телеграф»). Причем отдельные издания не ограничивались самим городом, а открывали отделения по региону. Так «Одесский листок» и «Одесский вестник» охватывали своими отделениями весь юг России⁵⁷⁸.

Собственниками газетного бизнеса становятся купцы, банкиры и прочие деловые люди, не имеющие никакого отношения к литературной деятельности. Их мало интересует содержательность издания, в большей степени — его коммерческий успех. Поэтому тематика газет стремительно деградирует: на их страницах сплетни, скандалы, сенсации (часто выдуманные) чередуются с коммерческими объявлениями, биржевыми таблицами, курсами валют, откровенной рекламой и даже объявлениями о знакомствах.

В 1878 году в Петербурге возникает «Артель уличных продавцов произведений печати» и «Общий склад изданий для разносной торговли газет и журналов», где одновременно работало 100 человек. Розница вытесняет подписку и становится ведущей формой распространения газетных изданий⁵⁷⁹.

Особой популярностью пользуются юмористические издания, целиком представлявшие собой разнообразные «анекдоты» из русской жизни. Пресса

⁵⁷⁷ См.: Жиликова Н. В. История отечественной журналистики конца XIX — начала XX веков: учеб. пособие для академического бакалавриата / Н. В. Жиликова. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2016. С. 18.

⁵⁷⁸ См.: Там же.

⁵⁷⁹ См.: Западов А. В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. / Под ред. проф. А. В. Западова. Третье, исправленное издание. М.: Высшая Школа, 1973. С. 487.

приобретает все более «бульварный характер»: «для не очень подготовленных и не всегда достаточно образованных читателей предназначался и своеобразный вид публикаций с ярко выраженной обличительной тенденцией, с элементами сенсационности и развлекательности, всегда имевшими успех среди подобной аудитории»⁵⁸⁰.

Естественно, что такой взлет количества периодических изданий, и еженедельных, и ежедневных, потребовал огромной армии пишущих, чтобы обслуживать возрастающие потребности в информации самого различного толка. Поэтому три главных фактора, присущие умениям Назарьевой — способность писать быстро, много и «совершенно своеобразное освещение того или иного жизненного явления»⁵⁸¹ — пришлось к возрастающему информационному газетному буму как нельзя кстати.

Условно весь корпус публицистических текстов Назарьевой можно разделить на две неравные части.

К первой, меньшей, относится то, что сегодня мы назвали бы репортажем, заметкой, критическим обзором. Например, она пишет отклик на премьеру оперетты «Калиостро в Вене»⁵⁸². Кратко пересказав либретто, она дает четкую однозначную оценку увиденному и услышанному: «На это, безусловно слабое либретто Штраус написал музыку, набранную из старых мотивов. Там, где “король вальса” находится в своей сфере, то есть, где мотив переходит в вальс, — мелодия льется легко и слушается с удовольствием. Но и самый красивый вальс может вконец надоесть, и Штраус в своих опереттах часто злоупотребляет танцевальными ритмами»⁵⁸³. И далее автор в этом же духе раздает советы артистам, кто и как должен был играть свою роль. Скорее всего, премьеру этого спектакля она видела и потому, называя фамилии актеров, дает свои рекомендации со знанием дела.

Однако чаще всего ее репортажи, что называется, «сняты с телетайпа» и целиком оживлены ее воображением. Одна-две строчки сухого текста

⁵⁸⁰ Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М., 1989. С. 30.

⁵⁸¹ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.

⁵⁸² Л-н Н. [Назарьева К. В.] Калиостро в Вене // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 1. С. 6.

⁵⁸³ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Калиостро в Вене // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 1. С. 6.

превращаются ею в довольно длинную и всегда очень эмоциональную заметку.

Так, описывая аварию при спуске на воду корабля «Дафна» в Глазго, во время которой погибли по самым скромным подсчетам — от 100 до 250 человек, — событие, очевидцем которого она явно не была, Назарьева подает так, словно присутствовала на нем лично, не скупясь на сильные эпитеты: «**Страшное** [выделено автором. — *М. А.*] несчастье случилось 3 июля (21 июня) в Шотландии. На реке Клейд близ Глазго. <...>. В назначенный час начался спуск и “Дафна”, разукрашенная вымпелами и разноцветными флагами, при громких рукоплесканиях толпы вошла в воду и вот в этот момент и произошла **роковая** [выделено автором. — *М. А.*] катастрофа <...> **страшный** [выделено автором. — *М. А.*] крик огласил набережную...»⁵⁸⁴

Та же ситуация и с освещением новости о смерти графа Шамбор — описывая последние минуты графа Шамбор, при которых она, естественно, присутствовать не могла, Назарьева дает живописную картину как бы личных наблюдений, целиком сочиненную ею самой: «После долгой и мучительной болезни скончался 24 (1) августа последний представитель старшей ветви дома Бурбонов граф Шамбор, унося с собой в могилу столь дорогое ему белое знамя. <...> Граф лежал без движения и едва дышал. Борода и волосы его совершенно побелели, и тело его по худобе было похоже на скелет. У изголовья стояли две монахини и по временам смачивали уксусом лоб умирающего, покрытый холодным потом»⁵⁸⁵.

В таком же стиле выполнены и многочисленные так называемые подписи к иллюстрациям, то есть комментарии к размещенным тут же картинам: «На пороге, подвязанный, наподобие заплатанного Плюшкина, стоит жалкий остаток того, кто когда-то был “Коллежский регистратор, // Почтовой станции диктатор”. Этот тип теперь совсем вымер. Осталась одна пародия на него. Но тип еще живой. Это ямщик, почесывающий затылок и

⁵⁸⁴ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Гибель парохода «Дафна» // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 5. С. 70.

⁵⁸⁵ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Последние минуты графа Шамбора // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 11. С. 178.

клянчащий на старосту. Тарантас хотя и не совсем новый, но с претензией на комфортабельность, ямщики, вытесняемые “чугунками”, уже утратили свою прежнюю характерность...»⁵⁸⁶

Все подобные краткие «репортажи-заметки», в той или иной мере всегда либо в контексте, либо в открытом тексте (в конце) содержат очень четкую и жесткую оценку факта, некое своеобразное назидание, как бы заведомо навязывающее зрителю свою ценностную шкалу восприятия.

Однако большая часть публицистики Назарьевой сделана в совершенно ином стиле. Ничего не остается от репортерской фиксации факта, напротив, сам факт настолько «офантазирован» самой Назарьевой, что превращается из репортажа или заметки в целый занимательный художественный рассказ.

Так, например, вполне рядовой факт — санитарную проверку на рынке Назарьева трансформирует в целую мини-пьеску с диалогами, причем акцент события смещается с собственно происходящего на действия и поступки лиц, которых она придумывает и вводит в рассказ. Так появляется некая хлопотливая хозяйка Дарья Михайловна, которая «устраивает кавардак» в своей квартире, чем вызывает изумление своего жильца. Объяснив ему, что она готовится к празднику, хозяйка увлекает его с собой за покупками и долго водит нетерпеливого спутника по рынку, желая купить поросенка непременно у некоего Акима Савельевича, назойливо утверждая, что у него всегда все дешевое и свежее. Когда же действующие лица прибывают в искомую лавочку, они и застают санитарную инспекцию, которая, строго обследовав весь товар, не находит ничего предосудительного и уже совсем было собирается уходить, когда врач у двери не спотыкается обо что-то прикрытое рогожами. Оказывается, именно там спрятаны червивые окорока и солонина с душиком. Лавочку опечатывают, поросенка купить не удастся, приходится еще долго бродить по рынку, слушая ворчание Дарьи Михайловны при покупке гуся и двух поросят у других торговцев. «Возвращаясь домой, она чуть не плакала. Помилуйте, — говорила она,

⁵⁸⁶ Н. Л. [Назарьева К. В.] На станции // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 14. С. 234.

слишком целый рубль передала, а все из-за него окаянного. Окаянный, конечно же, был злополучный Аким Савельевич, с которым не поцеремонились чины санитарной полиции»⁵⁸⁷.

Так акцент с самого события смещается на встроенный в новость сюжет.

Этим приемом Назарьева пользуется повсеместно, таким своеобразным образом трансформируя входивший тогда в широкое употребление жанр фельетона. И именно эта, большая часть ее публицистического наследия, приносит ей наибольшую славу.

Однако в чистом виде фельетон у Назарьевой не встретишь, сатирической направленности у ее фельетона нет. Комическое в ее текстах практически отсутствует. Поскольку ей как литератору крайне тесно в рамках сухой заметки или статьи, она использует фельетонную основу лишь как средство, которое бы помогало ей раздвинуть стесняющие ее репортажные рамки, поскольку фельетон позволяет вводить диалоги и описания. Критическая же направленность, если и присутствует в ее текстах, то она скорее морально-назидательного, поучающего характера. Не высмеивая своих персонажей или само событие, Назарьева на контрасте сравнения того, что должно быть и чего нет, показывает, как должно быть — против того, как есть сейчас. При этом в обязательном порядке вводится какая-нибудь оценочно-закрепляющая фраза. Так, например, представляя целую сценку, разыгравшуюся между ничего не успевающим и пропускающим много важных событий рассказчиком и его знакомым, который давно провел себе домой телефон, она в диалогах и лицах показывает необходимость мер по телефонизации России: «Если ты не заведешь коллективного телефона для своих квартирантов, то ты мне больше не друг и на глаза мне не показывайся. Довольно мы спали, пора проснуться и догнать Европу!»⁵⁸⁸ Представляя двух героев — незадачливую даму, не имеющую телефона (как бы отсталую, консервативную Россию) и своего

⁵⁸⁷ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Петербургские виды, сцены и типы (Осмотр санитарною полицею перед праздниками рынка на Сенной площади в С.-Петербурге) // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 2. С. 35.

⁵⁸⁸ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Телефонная станция в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 17. С. 299.

«просвещенного», европеизированного знакомого, — у Назарьевой на сопоставлении и контрасте получается косвенно коснуться критики в ее мини-рассказе.

Однако собственно фельетон Назарьевой тоже тесен для нее, поскольку легкостью своей формы он подчас нивелирует серьезность постановки проблемы. И тогда Назарьева смешивает фельетон с элементами эссе, вкрапляя в текст свои собственные рассуждения. Точнее всего о том, как создавали некоторые корреспонденты, в том числе и Назарьева, свои тексты, пишет Э. А. Полянский: «...природа фельетона сродни электричеству. И собирается он по принципу динамо-машины. Берешь сердечник — факт, наматываешь на него обмотку обстоятельств и собственных размышлений, начинаешь вращать факт так и этак. <...> и на другом конце цепи читатель загорается праведным негодованием»⁵⁸⁹. Назарьеву и в самом деле сам факт интересует мало, он только повод для определенного личностного самовыражения, причина, запустившая его рассуждения, и целью текста является не сообщение факта, а именно та эмоциональная нагрузка, которой наделяет этот факт рассказчик.

При этом рассказ, как правило, целиком сочинен, потому что Назарьева, например, точно не присутствует при разборе завалов после землетрясения 16 июля 1881 года в Италии: «Одну молодую девушку лет 15 нашли в ужасном положении: ноги ее завязли между обломками, и вытащить ее было совсем невозможно. <...> Наконец, после долгих и опасных усилий девушку удалось освободить, и она получила много опасных контузий. Много слез, много горя и страданий пришлось увидеть тем, кто уцелел»⁵⁹⁰. Но пишет она об этом так, будто все видела своими глазами.

Однако огромный текст, в котором подробно и эмоционально, несколько даже преувеличенно, описаны страшные страдания потерпевших, усилия спасателей и важная миссия властей, менее всего похож на репортаж с места

⁵⁸⁹ Полянский Э. А. Еще раз о фельетоне // Журналист. 1986. № 7. С. 48.

⁵⁹⁰ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Землетрясение на острове Иския // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 7. С. 103, 106.

событий. Это целая драма, широко и щедро развернутая перед глазами читателя, с пространными описаниями, диалогами и темпераментными оценками самого автора. Это скорее художественный рассказ, который вполне мог бы быть помещен в одном из ее сборников рассказов и был бы там не отличим от ее художественной прозы.

«Заметки» Назарьевой по весьма бытовому поводу подчас начинаются с почти эпических, звучащих как зачин к поэме, описаний: «Там, где двести лет тому назад, когда несметные турецкие полчища осаждали Вену, были крепостные рвы, находились брустверы и палисады, теперь проходит Рингштрассе»⁵⁹¹; или с вполне будничного диалога двух знакомых: «За одним из столиков, поставленных у ресторана Доминика, сидели два господина»⁵⁹², якобы случайно оказавшихся на военных учениях под Красным селом и в дальнейшем в своих диалогах описывающих весь масштаб и красоту построения строя, разворота войск, перемещения огромных масс людей и доблесть, с которой военные участвуют в этих «военных играх».

Вероятно, так происходит потому, что, как уже было сказано, сама писательница никогда не бывала на месте происходящих событий, и потому вынуждена была целиком опираться только на свое богатое воображение. Получая с телетайпа факт, она реконструирует его так, как сама себе представляет, превращая в темпераментный рассказ очевидца. И она настолько убедительна в этом, что именно эта часть ее публицистического наследия и пользовалась у читателя, и не только массового, особенным успехом.

В какой-то мере, подобные ее тексты — это не только художественные миниатюры, но и кафедра, с которой она проповедует нравственные нормы и правила, активно призывая читателя им следовать.

⁵⁹¹ Л-н Н. [Назарьева К. В.] Новая ратуша в Вене и историческая выставка // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 13. С. 222–223.

⁵⁹² Л-н Н. [Назарьева К. В.] Лагерный сбор под Красным Селом // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 8. С. 122.

«Конечно, и там умирают люди — от смерти никто не застрахован»⁵⁹³, — философски рассуждает она об участи больных чахоткой. И тут же «подсказывает» читателю решение: «но человек, вовремя захвативший болезнь, может получить там облегчение»⁵⁹⁴.

Особая тема в ее публицистических заметках — как и в художественных произведениях Назарьевой — семейная. Она же занимает значительную часть ее публицистики. На эти темы она пишет особенно ярко, сочно, с множеством подробностей, выводя перед читателем огромное количество разнообразных семейных типажей. Описывая семейную ссору из-за отказа мужа дать денег на какие-то покупки, едва не приведшую к разводу, Назарьева на малом объеме создает целый мини-роман с переживаниями обоих героев, логически приводя их к сентенции, завершающей эту историю: «Разве могут деньги принести счастье!»⁵⁹⁵

«...Все, выходявшее из-под ее пера, носило отпечаток вдумчивого, свежего и умудренного жизненным опытом ума, горячего, доброго, отзывчивого сердца»⁵⁹⁶, — так писали современники о ее публицистических работах, в сущности одобряя эту несколько подчас и экзальтированную, взвинченную, но глубокую эмоциональность, с которой писательница излагала ту или иную занимавшую ее мысль.

Таким образом, эмоциональная подача Назарьевой в ее публицистике сухой телетайпной информации как нельзя более точно отвечала запросу коммерческой прессы с ее установкой на обязательную развлекательность. Более того, для подчас совершенно неискушенного в мировых событиях и культуре читателя, обывателя, вчерашнего крестьянина, поселившегося в городе, публицистика Назарьевой была своеобразным учебником жизни,

⁵⁹³ Л-в-н Н. [Назарьева К. В.] Лечебное заведение для чахоточных в Герберсдофе доктора Г. Бремера // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 29. № 20. С. 387.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Назарьева К. В. Трещина: Очерк // Осколки. 1881. № 14. С. 115.

⁵⁹⁶ Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.

проводником в мир духовных ценностей, ориентиром в культурном наследии человечества.

Сочетая увлекательный сюжет, пламенность открытого текста эссе и свободу формы фельетона, Назарьева создавала одновременно и коммерческий, и культурный, и художественный продукт, благодаря чему и была востребована не только работодателями, но и благодарными читателями.

Бесспорно, что корпус публицистических работ Назарьевой велик и пока не изучен, а приемы публицистики и сами механизмы трансляции актуальной информации, оформленные зачастую с элементами художественного вымысла, принципиально не меняющими правду факта, заслуживают в будущем отдельного внимания исследователей. Возможно, что свойственный Назарьевой во всех родах ее творческой деятельности фактографизм оказался органичен именно в ее журнальных заметках и газетных репортажах, поскольку являлся доминантой публицистической формы.

Итак, проза, драматургия и публицистика Назарьевой представляют собой пласт литературы «периферии» второй половины XIX века, которая была, тем не менее, востребована читателем и одновременно формировала и транслировала его вкусы.

Назарьева активно работала в жанре «уголовного» (детективного) романа, который своим острым авантюрным сюжетом, восходящим, как правило, к судебной хронике, демонстрировал сферу интересов обывателя в части пристрастий к острым ощущениям. Также Назарьева обращалась к сюжетам о нелегкой судьбе современной женщины, эмансипированной, свободной (часто разведенной), зарабатывающей своим трудом, и эта проза претендовала на статус психологической, однако характеры писательницей были разработаны слабо.

Отдельный корпус художественного наследия Назарьевой составляет драматургия, которая не составила особой вехи в русском театре конца XIX века, поскольку, в основном, это были пьесы-однодневки. Драматургические сочинения Назарьевой представляли собой, как правило, «пересказ», или переложение для сцены тех тем и сюжетов, которые Назарьева развивала в своей прозе. Она как драматург оставалась, в основном, в рамках историй о взаимоотношениях мужей и жен, отцов и детей, выводя на сцену страдания одиноких, брошенных женщин с детьми, развлечения толстосумов, соблазняющих молоденьких девиц и раскрывала тщательно, годами охраняемые, секреты рядовых русских семей. Назарьева оставила современному исследователю в своих драматургических текстах добросовестное свидетельство того, какими интересами каждый день жила та читательская социальная среда, которая была основным потребителем ее литературной продукции.

Представители этой же среды в обеих столицах и крупных промышленных центрах России с удовольствием читали яркие статьи, репортажи и заметки Назарьевой. Они органично отвечали как запросу коммерческой прессы, так и установке читателя на обязательную развлекательность. Для провинциального жителя, далекого от реального участия в столичных или зарубежных событиях, публицистика Назарьевой была не только новостной лентой, но и своеобразным учебником жизни, проводником в мир прогрессивных интересов, ориентиром в культурном наследии человечества. Увлекательный сюжет в сочетании с открытой интонацией проповеди, характерные для трансформированного Назарьевой жанра фельетона, делали публицистику писательницы востребованной не только работодателями, но и гигантской читательской аудиторией России.

Заключение

Изучение архивных, мемуарно-публицистических материалов, художественных сочинений К. В. Назарьевой и ее переписки, а также многочисленных справочных изданий позволило сделать следующие выводы.

Капитолина Валериановна Назарьева как прозаик, драматург и публицист оставила большое литературное наследие. Ее творчество было востребовано современниками и отражало процессы, которые происходили в русской культуре в 1860–1890-е годы.

В результате коренных социальных реформ в России стал активно образовываться ранее не существовавший широкий слой обывателя, который в прошедшее с 1861 года десятилетие стал активно формировать «запрос» на определенные формы проведения досуга, в том числе — на чтение как форму развлечения, что, в свою очередь, спровоцировало открытие огромного количества самых разнообразных изданий — от серьезных общественно-политических журналов наподобие «Вестника Европы» до всевозможных развлекательно-юмористических вроде «Будильника», «Шута» или «Стрекозы».

Естественно, что появление «нового» широкого читательского (не узко аристократического) массового «запроса», а также наличие множества «толстых» журналов потребовало серьезного расширения круга авторов и в том числе — привлечения к писательскому труду целого «штата» женщин-писательниц, которые, как свидетельствуют письма Назарьевой, за весьма скромную плату в 2–5 коп. были готовы заполнять страницы любых изданий своими произведениями. Так, из архивных документов и личной переписки Назарьевой нам удалось установить, что она сотрудничала с целым списком изданий самых различных видов и жанров (нами было установлено 48 наименований).

Женщины-писательницы создавали специфические произведения, относимые критикой к жанру «дамского романа», которые были призваны как бы «облагораживать», приобщать читателя к культуре. Литература была еще и средством досуга, чем в немалой степени можно объяснить массовый спрос на литературу подобного качества.

Произведения женщин-писательниц, в том числе и Назарьевой, как правило, были основаны на личных впечатлениях от их нелегкой судьбы: социальные реформы и зарождающееся в России феминистское движение, разрешение (пусть и при крайне усложненной процедуре) разводов образовали целый «класс» свободных женщин — курсисток или «разводок», — которые предпочитали семейным узам свободное существование и обеспечение жизни собственным трудом. Проведенное изучение рукописного наследия Назарьевой также позволило установить, что мировоззрение писательницы сложилось под влиянием споров вокруг «женского вопроса» и идей Н. Г. Чернышевского, что навсегда определило как ее личную судьбу, образ жизни, так и основную творческую тему. Она была задана уже в самой первой опубликованной повести «Специалист (Страница из женской жизни)», появившейся в «Вестнике Европы» (1879), и сразу принесла ей значительную известность. Как и «Специалист», все дальнейшие ее произведения отличались тенденциозностью — все ее сочинения были посвящены судьбе одинокой женщины, — злободневностью и максимальной натуралистичностью. При сопоставлении фактов биографии писательницы с судьбами героинь ее романов и повестей нам удалось установить, что большинство ее произведений написаны на материале личной биографии и жизненного опыта, дополненного существенной долей фантазии, что неизменно порождало своеобразную мифологизацию собственной биографии.

В различных архивах страны нам удалось разыскать немногочисленные рукописные материалы (50 архивных фондов): письма (самой писательницы к разным корреспондентам и ее мужа — к ней), а также ряд документов:

«Дело о дворянстве Манкошевых», «Дело о расторжении брака». Ценные сведения о жизни писательницы, ее семьи и ее рода представлены в «Истории строительства Покровского храма», в воспоминаниях мужа писательницы В. Н. Назарьева «История моего несчастья», а также в подробных некрологах. Кроме того, удалось путем сопоставления уже известных фактов жизни писательницы с фактами, представленными в творчестве ее мужа, узнать подробности их семейной жизни и развода.

Найденные нами и упорядоченные архивные материалы, воспоминания самой писательницы и ее современников позволили восстановить историю семьи Назарьевой, подробно реконструировать ее родословную в 4-х поколениях, установить ряд неточностей в биографии писательницы, а также уточнить основные вехи ее творчества, очертить круг ее близких знакомых, понять, на каких условиях она работала с издательствами и редакциями журналов (мы установили, что она сотрудничала с 48 журналами), воссоздать ее образ жизни, а также пополнить список ее псевдонимов. В частности, к уже известным (23 псевдонимам) мы смогли добавить следующие подтвержденные сокращения: Л-в-н Н., Леви Н., Левин, Н. К., Н.-Л-н.

Благодаря переписке, мы восстановили список опубликованных ею при жизни произведений (нам удалось найти 37 романов, 9 повестей, 4 сборника рассказов, 9 эскизов и очерков, 3 перевода с немецкого, 10 пьес и 53 публицистических статьи) и, согласно этому списку, установили сегодняшнее их местонахождение: РГБ, РГБ (Химки), РНБ.

Из изученных документов становится очевидным, что биография Назарьевой отражает процесс «раскрепощения» семейных отношений и освобождения женской личности от семейного «ярма», начавшийся во второй половине XIX века, с 60–70 годов. Достоверно известно, что писательница исповедовала «передовые взгляды» на брак и семью, чему свидетельством служит ее добровольный развод с мужем, отстаивала «свободный» образ жизни, подразумевавший «привязанности по сердцу».

Назарьева и при жизни не относилась к «писателям первой величины», даже не была вхожа в их круг, и потому отчасти практически не была замечена серьезной критикой своего времени. Современники неизменно относили ее творчество к жанру «дамского романа». Поэтому писательница числилась автором «второго круга», «литературным поденщиком», живущим исключительно на весьма низкие гонорары от издательств, что во многом определило и качество ее творчества.

В то же время личная переписка Назарьевой представляет значительный интерес для историка литературы, поскольку проливает свет на множество ранее не известных фактов литературного процесса второй половины XIX века, а именно: позволяет прояснить структуру литературной среды этого периода, систему «литературной иерархии», издательскую политику в отношении авторов «второго ряда». Ее корреспондентами являлись издатели и публицисты, среди которых были В. С. Миролубов, Б. Б. Глинский, К. К. Арсеньев, А. А. Навроцкий и т.д. Большую часть знакомств Назарьевой составляли библиографы, среди которых следует назвать А. В. Старчевского, Н. А. Рубакина, Н. В. Гаврилова, С. Е. Добродеева, П. В. Быкова и т.д. Писательница имела знакомства с режиссерами и театральными деятелями того времени, среди которых А. Р. Кугель, Е. П. Карпов, И. М. Булацель и т.д. Особую группу писем составляют обращения к уже тогда знаменитым писателям и публицистам: Д. Н. Мамину-Сибиряку, Н. К. Михайловскому, В. И. Немировичу-Данченко, Н. С. Лескову, Ф. М. Достоевскому, А. П. Чехову.

Писательница прожила сложную и неоднозначную жизнь, самостоятельно зарабатывая литературным трудом, держа четверых своих детей, и умерла, будучи впоследствии забыта современниками и потомками.

Забвение постигло Назарьеву потому, что ее произведения были типичными образцами, как сегодня сказали бы, масс-культуры того времени. Они пользовались спросом в основном в среде тех, кто, в связи с бурным ростом промышленности и городов, покидая деревни, только начинал свою

городскую жизнь в статусе рабочего, прислуги, мелкого приказчика и так далее.

Именно этот социальный слой заново складывающегося городского населения с удовольствием потреблял ее уголовные, авантюрные и «нравственно-психологические» романы. Литературная репутация Назарьевой в среде «аристократического» литературного круга была невысока.

К началу литературной деятельности Назарьевой детектив как жанр только-только появился в России, отталкиваясь от опыта — появившихся в переводе в 1868–1874-х годах романов Э. Габорио (фактически зачинателя жанра), У. Коллинза («Женщина в белом» и «Лунный камень») и многих других зарубежных авторов (А. Бело, К. Геру, Э. Шаветта, Э. К. Грин и П. Понсон дю Террайля, Ф. де Буагобе, А. Бувье, П. Законнэ). Тотальный успех и востребованность подобной литературы у читателя стимулировали интерес российских издателей к поиску авторов, способных массово создавать подобный продукт.

Капитолина Назарьева, предельно нуждающаяся в средствах для проживания и воспитания детей, была одной из первых, кто явился активным популяризатором жанра среди российских обывателей, встав к середине 1880-х годов в один ряд с такими авторами, как Ф. К. Иванов, А. И. Деянов, Н. Н. Животов, А. А. Соколов, А. И. Соколова, Г. А. Хрущов-Сокольников и многих других.

После реформы судебной системы вт. пол. 1860-х — 1870-х годов, сделавшей судопроизводство открытым и гласным, зал для судебных заседаний превратился в еще один модный вид развлечения публики, в своеобразный театральный партер, где представлялись щекочущие нервы «пьесы» прямо из реальной жизни. Назарьева в это время работала репортером в «Судебном вестнике» и потому легко ориентировалась во всех тонкостях проведения судебного процесса. Ее судебные отчеты в какой-то мере уже были своеобразными «конспектами» будущих романов, которые

она, откликаясь на запрос издателей, создавала в большом количестве, благодаря чему быстро и органично встроилась в процесс создания уголовного романа, придав ему, впрочем, свои собственные оригинальные черты.

Выбирая наиболее сенсационные криминальные сюжеты, она придумывала «начало» истории (до судебного разбирательства), расширяла круг действующих лиц, сохраняя мотивы поступков, услышанные ею в процессе судебного заседания. При этом Назарьева в «уголовном романе» использует свой своеобразный почерк: в ходе детективного сюжета обязательно появляется свободная молодая женщина, трудом обеспечивающая саму себя. В основе уголовных романов Назарьевой всегда лежит бурная «любовь», как главный мотив преступления, в отличие от западного детектива, где самым сильным мотивом преступления было стремление «сорвать легкие деньги».

При всем разнообразии сюжетов и типов героев, персонажи ее произведений грешат аллегорическими социальными масками, заведомо мотивирующими читателя на определенные оценочные суждения в отношении этих персонажей, и никак не согласуются с их поступками.

Сама Капитолина Назарьева стремилась к другому, однако преодолеть барьер так и не смогла. Причиной была особенность ее личного мировоззрения: она четко разделяла людей на «плохих» и «хороших», «страдающих» и «безддушных», «умных» и «глупых», «правых» и «не правых», что аннигилировало объективность взгляда и лишало персонажей психологического объема.

Те же проблемы преследовали и пьесы Назарьевой — частью переделки для сцены ее собственных произведений, частью — созданные «с нуля».

Нами найдено десять пьес Назарьевой: «Жизнь-битва: Воронье гнездо» (1890, 1891), «Правда» (1892), «Чужая» (1890, 1901, 1908), «Тревожное счастье» (1884, 1889), «Сокровище» (1891), «Прощение» (1903), «Два

полюса» (1889), «Над бездной» (1902, 1902 «Со злости» (1896), «Ураган» (1891), однако есть предположение, что их было больше. Ни одна из них не попала на государственные театральные сцены, пройдя по подмосткам частных антреприз столиц и российской провинции.

На пьесы Назарьевой оказало большое влияние творчество известнейшего и популярнейшего драматурга того времени — В. А. Крылова. Существовал даже такой термин «крыловщина», что означало предельную театральную замшелость и заштампованность сюжетов и характеров. Все пьесы Назарьевой, будучи единожды поставлены, без дальнейшего повтора и восстановления, прошли в нескольких частных антрепризах в столице и провинции и были прочно забыты.

Однако драматургия Назарьевой ценна тем, что поднимала действительно потаенные вопросы в области семейной темы, не боясь вскрывать запретные пласты. Но отсутствие чувства меры и излишнее сгущение красок для достижения большего эффекта, приводило к обратному: ситуация из реальной и вполне вероятной трансформировалась в клубок нереальных сцеплений и ходульных положений. Художественной ценности пьесы Назарьевой не представляли. Они, наряду с тысячами других, входили в обойму так называемых пьес-однодневок, выдерживали недельное представление и благополучно уходили в небытие.

Однако этот драматургический материал ценен для исследователя и историка литературы именно тем, *за что* критика так усердно ругала Назарьеву — за его предельный натурализм. Картина быта и нравов современного Назарьевой русского общества, его интеллигентно-обывательской «салонной» среды полностью раскрывается в этих пьесах. Копируя реальность, она фактически ничего не придумывала, а лишь немного «раскрашивала» те ситуации, которые брала за основу сюжета. Взаимоотношения мужей и жен, отцов и детей, описанные в ее пьесах, одинокие брошенные женщины с детьми, толстосумы, соблазняющие девиц, адюльтеры, «семейные скелеты в шкафу» — это то, чем в быту жила та

среда, в которой вращалась Назарьева и которую с добросовестностью документалиста она перенесла на бумагу. И в этом смысле ее пьесы — любопытный документ эпохи, достоверно доносящий до нас состояние и настроения русского обывателя второй половины XIX века.

В публицистику Назарьева приходит достаточно поздно — в 1896 году, за четыре года до своей смерти. Круг изданий, печатающий ее тексты, крайне широк и не ограничивается столицей. «Сын отечества», «Биржевые ведомости», «Северный курьер», «Приднепровский край», «Новости дня», «Осколки» (1881–1883), «Отголоски» (1881), «Дело» (1883, 1886), «Наблюдатель» (1883–1895), «Всемирная иллюстрация» (1883–1885), «Иллюстрированный мир» (1884), «Модный свет» (1884–1887). Причем провинция ее любит особенно, поэтому ее публикации можно встретить в больших и малых изданиях по всей России. Например, в таких изданиях, как «Заря», «Киевлянин», «Киевский листок», «Одесский вестник» «Южный край», «Новое обозрение» (Тифлис), «Самарская газета», «Дон» (Воронеж). Это далеко не полный перечень изданий, где можно найти ее статьи под разными псевдонимами (полностью установить библиографию ее публицистики на данный момент не представляется возможным, это требует отдельной кропотливой поисковой работы).

Особым успехом ее публицистические произведения пользовались в русской провинции.

Для Назарьевой не существовало приоритетных тем: она работала везде, где платили, и потому писала то, за что платили. Биржевые обзоры соседствовали с библиографическими, тенденции моды — с обзорами вернисажей, военные учения — с катастрофами и так далее, лишь бы получать свои полкопейки за строку.

Необходимость зарабатывать вынуждала Назарьеву пользоваться многочисленными псевдонимами, ведь иногда в одном и том же издании выходило одновременно две или три ее статьи. Л. Ошво, Вера Зан, К. Елизаров, Альберт, Н. Калина, Энель и др. — всего 28 псевдонимов —

вероятно, тоже не полный перечень известных нам псевдонимов. Самым известным был, псевдоним Н. Левин.

Ее публикации как нельзя точно отражали запрос издателей коммерческих газет: материал должен был быть не столько информативен, сколько развлекателен. Три главных фактора, присущие умениям Назарьевой — способность писать быстро, много и с бурной фантазией — прились к возрастающему информационному газетному буму как нельзя кстати.

Условно весь корпус публицистических текстов Назарьевой можно поделить на две неравные части. К первой, меньшей, относится то, что сегодня мы назвали бы репортажем, заметкой, критическим обзором. Однако «снятые с телетайпа» новости, как правило, целиком оживлены ее воображением: одна-две строчки сухого текста превращаются ею в довольно длинную и всегда очень эмоциональную историю.

Большая часть публицистики Назарьевой, принесшая Н. Левину/Назарьевой наибольшую славу, сделана в совершенно ином стиле. Ничего не остается от репортерской фиксации факта, он лишь используется писательницей как повод для создания занимательного художественного рассказа, акцент с самого события смещается на встроенный в новость сюжет.

Таким своеобразным образом Назарьева трансформирует входивший тогда в широкое употребление жанр фельетона.

В чистом виде фельетон у Назарьевой не существует, ибо он лишен главного признака — сатирической направленности. Она использует фельетонную основу лишь как средство, которое бы помогало ей раздвинуть стесняющие ее репортажные рамки, поскольку фельетон позволяет вводить диалоги и описания.

В то же время фельетон Назарьевой тоже тесен, поскольку легкостью своей формы он подчас нивелирует серьезность постановки проблемы. И тогда Назарьева смешивает фельетон с элементами эссе, вкрапляя в текст свои собственные рассуждения. В этом смысле ее тексты — это не только

художественные миниатюры, но и кафедра, с которой она проповедует нравственные нормы и правила, активно призывая читателя им следовать.

Деятельность Назарьевой представляет собой явление, которое позволяет глубже понять историко-литературную особенность того времени, в котором она жила, собственно проблему литературных иерархий, а ее произведения есть некий слепок представлений эпохи, выявляющий духовные и интеллектуальные запросы общества. Поэтому изучать творчество Назарьевой прежде всего следует как документ литературной эпохи, нежели как ценностное произведение искусства. Литературная и личная судьба Назарьевой, безусловно, интересное явление, заслуживающее внимательного историко-литературного изучения как одно из свидетельств «женской литературы» второй половины XIX века.

В перспективе, как мы полагаем, стоит обратиться к сравнительному изучению сочинений Назарьевой и ее коллег по литературному цеху — писательниц М. В. Крестовской (из писем Назарьевой известно, что они были знакомы и конфликтовали между собой), А. И. Соколовой, А. А. Вербицкой, Ю.В. Жадовской. Заслуживает внимание и вопрос литературной традиции, поскольку Назарьева очевидно интересовалась творчеством Ф. М. Достоевского, испытывала влияние А. П. Чехова. Вне нашего внимания вынужденно остались детские произведения писательницы и ее рождественские рассказы, на примере которых было бы интересно проследить, насколько они соотносятся с традицией рождественского рассказа Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лескова.

Отдельным предметом изучения может стать внушительное публицистическое наследие Назарьевой, которая часто выступала как репортер и журналист. Для этого нужно уточнить количество принадлежащих ее перу произведений, изданий, в которых она публиковалась (особенно это касается провинциальной прессы).

Библиографический список**I. Библиография К. В. Назарьевой:**

1. Гартенбах Е. Искусство приобрести превосходную память: Руководство, сост. по опыту и помогающее удерживать в памяти все слыш., виден. и прочит.: С прил. разнообр. способов запоминания: Для всех возрастов и положений / Е. Гартенбах; Пер. с 13-го доп. изд. К. В. Назарьевой. СПб.: Тип. Б. Г. Янпольского, 1880. 175 с.
2. Гартенбах Е. Искусство приобрести превосходную память: Руководство, сост. по опыту и помогающее удерживать в памяти все слыш., виден. и прочит.: С прил. разнообр. способов запоминания: Для всех возрастов и положений / Е. Гартенбах; Пер. с 13-го доп. изд. К. В. Назарьевой. 2-е изд. СПб.: Тип. Дома призрения малолетн. бедн., 1890. 174 с.
3. Елизаров К. [Назарьева К. В.] Золотые горы: Роман из современной жизни. СПб.: Тип. С. Е. Добродеева, 1889. 150 с.
4. К. Н. [Назарьева К. В.] Очерки иностранной жизни // Осколки. 1881. № 21. С. 163–164.; № 29. С. 299.; № 30. С. 235–236.
5. Каэн [Назарьева К. В.] Очерки иностранной жизни // Осколки. 1881. № 47. С. 373.; № 48. С. 380.
6. Л-в-н Н. [Назарьева К. В.] Лечебное заведение для чахоточных в Герберсдофе доктора Г. Бремера // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 29. № 20. С. 387.
7. Леви Н. [Назарьева К. В.] Электротехника (в 2-х ч.) // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 20. С. 359–361.; № 21. С. 379.
8. Левин [Назарьева К. В.] Фераморс // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 24. С. 465.

9. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Брак по приличию // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 1. С. 10.
10. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Петербургские виды, сцены и типы (Крейсер «Африка» и колесный пароходофрегат «Олаф» у Николаевского моста в С.-Петербурге) // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 17. С. 315.
11. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Петербургские виды, сцены и типы // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 9. С. 159–162.
12. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Русские виды, сцены и типы // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 1. С. 10.
13. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Сад «Аркадия» близ С.-Петербурга // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 3. С. 46.
14. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] У кассы Мариинского театра перед закрытием итальянской оперы // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 11. С. 214.
15. Ле-н Н. [Назарьева К. В.] Маргарита Югальд // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 1. С. 7.
16. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Телефонная станция в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 17. С. 299.
17. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Бал 29-го января, Подданный французской колонией в дворянском собрании // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 8. С. 158.
18. Л-н Н. [Назарьева К. В.] В прихожей // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 6. С. 110.
19. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Гибель парохода «Дафна» // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 5. С. 70.
20. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Домашняя война // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 5. С. 91.
21. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Дядюшкины рекруты // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 17. С. 335.

22. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Загулял // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 7. С. 114.
23. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Землетрясение на острове Иския // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 7. С. 103, 106.
24. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Зоологический сад в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 12. С. 218.
25. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Из жизни русского актера в провинции // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 2. С. 28–30.
26. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Из окрестностей Вены // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 5. С. 79.
27. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Калиостро в Вене // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 1. С. 6.
28. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Костюмированный бал французской колонии в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 8. С. 150.
29. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Лагерный сбор под Красным Селом // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 8. С. 122.
30. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Новая ратуша в Вене и историческая выставка // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 13. С. 222–223.
31. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Новинки в цирке Чинизелли // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 7. С. 135–138.
32. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Переполох на петербургской бирже // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 15. С. 294.
33. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Петербургские виды, сцены и типы (Осмотр санитарною полицею перед праздниками рынка на Сенной площади в С.-Петербурге) // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 2. С. 35.
34. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Пикник с приключением // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 6. С. 102.
35. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Последние минуты графа Шамбора // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. № 11. С. 178.

36. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Хор испанских студентов в С.-Петербурге // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 2. С. 31–32.
37. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Число тринадцать // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 14. С. 259.
38. Л-н Н. [Назарьева К. В.] Энрико Тамберлик // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 14. С. 282.
39. Н. К. [Назарьева К. В.] Без названия // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 32. № 12. С. 218.
40. Н. К. [Назарьева К. В.] Богатая добыча: (к рисунку Н. Н. Каразина) // Всемирная иллюстрация. 1884. Т. 31. № 9. С. 179.
41. Н. К. [Назарьева К. В.] Охота на кабанов в средней Азии // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 20. С. 354.
42. Н. К. [Назарьева К. В.] Угон верблюжьего табуна (к рисунку) // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 25. С. 463.
43. Н. Л. [Назарьева К. В.] «Потешный сад – Кинь-грусть» близ Петербурга // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 6. С. 91.
44. Н. Л. [Назарьева К. В.] Африканский Ермак // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 7. С. 111–114.
45. Н. Л. [Назарьева К. В.] В затопленном лесу (набросок) // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 16. С. 274.
46. Н. Л. [Назарьева К. В.] Выставка в Антверпене // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 16. С. 270.
47. Н. Л. [Назарьева К. В.] На станции // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 14. С. 234.
48. Н. Л. [Назарьева К. В.] Понесли!.. // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 8. С. 127.
49. Н. Л. [Назарьева К. В.] Преследование // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 6. С. 91.
50. Н.-Л-н [Назарьева К. В.] Старый рыбак // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 22. С. 234.

51. Назарьева К. В. Ада Кристен // Осколки. 1881. № 14. С. 106.
52. Назарьева К. В. Актриса: Повесть // Наблюдатель. 1890. № 7. С. 5–64.; № 8. С. 5–44.
53. Назарьева К. В. Безправная: Повесть // Наблюдатель. 1886. № 5. С. 115–154.; № 6. С. 141–212.
54. Назарьева К. В. Брак, каких мало: Роман // Прил. к журн. «Живописное обозрение». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. № 6. 128 с.
55. Назарьева К. В. Брак, каких мало: Роман. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 128 с.
56. Назарьева К. В. Бубновый король: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1890. № 9 156 с.
57. Назарьева К. В. Будуарная интрига: Посмертный роман в 2-х ч.: Начало // В кн. В. И. Немировича-Данченко: Нежданно-негаданно! СПб., 1901. С. 14–23.
58. Назарьева К. В. В когтях нищеты: Уголов. роман из рус. жизни в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Тип. И. П. Воцинского, 1885. № 21–33, 35–36. 309 с.
59. Назарьева К. В. В оковах любви: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1895. № 9. 240 с.
60. Назарьева К. В. В тисках; Опасные люди; Две правды: Роман: [Повести]. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 244 с.
61. Назарьева К. В. В цепях: Роман. СПб.: Тип. СПб. АО «Издатель», 1897. 174 с.
62. Назарьева К. В. Во имя долга: [Скорбный путь]: Роман в 2-х ч. // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1892. 263 с.
63. Назарьева К. В. Волк в овечьей шкуре: Очерк // Наблюдатель. 1887. № 2. С. 259–278.; № 3. С. 176–199.
64. Назарьева К. В. Голос крови: Роман из соврем. жизни / Трагическая развязка: Роман Поля Бурже; [Пер. К. Карелина] // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1897. 196, 192 с.

65. Назарьева К. В. Гордая воля: Роман // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1901. 160 с.
66. Назарьева К. В. Два полюса (Опасные люди): Драма в 4-х актах. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 74 с.
67. Назарьева К. В. Дебютантка (Эскиз из театральной жизни) в 3-х ч. // Театральный мирок. 1892. № 18. С. 6–8.; № 19. С. 3–4.
68. Назарьева К. В. Дорогой ценой: Роман. СПб.: Паровая скоропеч. Я. И. Либермана, 1898. 315 с.
69. Назарьева К. В. Драмы и комедии. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1895. 319 с.
70. Назарьева К. В. Жемчужное ожерелье: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1891. № 4. 192 с.
71. Назарьева К. В. Жертва за жертву: Новый роман: В 2-х ч. // Прил. к журн. «Домашняя библиотека». СПб.: Изд. Домашняя библиотека, 1896. 208 с.
72. Назарьева К. В. Жертва иллюзии: Роман // Наблюдатель. 1894. № 8. С. 96–121.; № 9. С. 132–191.; № 10. С. 220–251.
73. Назарьева К. В. Жизнь-битва: Воронье гнездо: Пьеса в 4-х д. М.: Лит. Рассохина, 1890. 93 с.
74. Назарьева К. В. Жизнь-битва: Воронье гнездо: Пьеса в 4-х д. М.: Лит. Рассохина, 1891. 62 с.
75. Назарьева К. В. Золотое руно: Роман: Из современной жизни: В 3 ч. / Невеста короля: Роман Вальтера Безанта: Пер. с англ. [A fountain Sealet] // Прил. к журн. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1899. 254, 104 с.
76. Назарьева К. В. Из жизни: Очерк // Отголоски. 1881. Т. 3. № 18. С. 674–695.; Т. 4. № 19. С. 35–57.; № 20. С. 165–184.
77. Назарьева К. В. Из огня да в полымя: Роман // Всемирная иллюстрация. 1883. Т. 30. Июль-декабрь. 520 с.

78. Назарьева К. В. Из огня да в полымя: Роман в 2-х ч. СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1884. 353 с.
79. Назарьева К. В. Из огня да в полымя: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1885. 350 с.
80. Назарьева К. В. К рисункам // Осколки. 1881. № 1. С. 6.; № 4. С. 31.
81. Назарьева К. В. Кривой дорогой: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Гражданин». СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1883. № 7–10. 234 с.
82. Назарьева К. В. Круговая порука: Роман в 2-х ч. // Наблюдатель. 1895. № 9. С. 71–150.; № 10. С. 348–366.; № 11. С. 238–310.
83. Назарьева К. В. Круговорот: Роман в 2-х ч. // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1896. 144 с.
84. Назарьева К. В. Легкие деньги: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1893. № 8. 240 с.
85. Назарьева К. В. Любитель искусств: Роман // Наблюдатель. 1891. № 8. С. 3–72.; № 9. С. 3–78.
86. Назарьева К. В. Любовь: Роман; Без любви: Повесть; Ракитинская история: Рассказ. СПб.: М. В. Попов, 1898. 250 с.
87. Назарьева К. В. Мелок (Театральные эскизы) в 2-х ч. // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 2–8.
88. Назарьева К. В. Мелочи жизни: Рассказы. СПб.: М. В. Попов, 1898. 260 с.
89. Назарьева К. В. Мелочи жизни: Рассказы. СПб.: Тип. СПб.: АО «Издатель», 1899. 51 с.
90. Назарьева К. В. Мертвая зыбь: Роман // Наблюдатель. 1889. № 5. С. 135–171.; № 6. С. 5–55.; № 7. С. 5–46.; № 8. С. 5–33.
91. Назарьева К. В. Мечты и жизнь: Очерк // Наблюдатель. 1883. № 5. С. 172–190.; № 6. С. 59–104.
92. Назарьева К. В. Мститель: Роман: (Из соврем. жизни) // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1894. № 5. 264 с.

93. Назарьева К. В. Над бездной: [Сюжет заимствован]: Комедия в 3-х актах. СПб.: Т-во худож. печати, 1902. 50 с.
94. Назарьева К. В. Над пропастью: Повесть // Прил. к журн. «Живописное обозрение». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 168 с.
95. Назарьева К. В. Над пропастью: Повесть. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1889. 168 с.
96. Назарьева К. В. Надорванные силы // Наблюдатель. 1893. № 8. С. 3–77.; № 9. С. 3–71.; № 10. С. 121–178.
97. Назарьева К. В. Надорванные силы: Роман // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1898. 340 с.
98. Назарьева К. В. Напрасные ожидания: Повесть // Дело. 1886. № 8. С. 65–122.
99. Назарьева К. В. Наш садик: Рассказы для детей: С хромолит. картинками Э. Гардинг и политипажами в тексте. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф, 1906. 29 с.
100. Назарьева К. В. Не судьба // Осколки. 1881. № 20. С. 154–158.
101. Назарьева К. В. Недоразумение // Осколки. 1881. № 29. С. 227–228.
102. Назарьева К. В. Опасные люди: Повесть // Наблюдатель. 1886. № 12. С. 145–176.
103. Назарьева К. В. Ораторы: Роман // Наблюдатель. 1892. № 9. С. 3–74.; № 10. С. 47–101.
104. Назарьева К. В. Очерки иностранной жизни // Осколки. 1881. № 14. С. 106–107.; № 15. С. 124–125.; № 17. С. 134.; № 20. С. 158–159.; № 22. С. 172–173.; № 23. С. 181–182.; № 24. С. 189–190.; № 25. С. 197–198.; № 26. С. 205–206.; № 27. С. 215.; № 28. С. 221–222.; № 31. С. 244–245.; № 32. С. 252–253.; № 33. С. 261–262.; № 34. С. 268–270.; № 35. С. 275–276.; № 36. С. 285–286.; № 37. С. 292–293.; № 38. С. 301.; № 40. С. 317–318.; № 41. С. 325.; № 42. С. 333–334.; № 44. С. 349–350.; № 45. С. 357–358.; № 46. С. 365.

105. Назарьева К. В. Папиросница (из типов женского пролетариата): Очерк // Наблюдатель. 1889. № 2. С. 305–320.
106. Назарьева К. В. Первые шаги. Из воспоминаний писательницы. (1872–1892 гг.) // Вестник всемирной истории. 1900. № 9. С. 106–128.
107. Назарьева К. В. По наклонной плоскости: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1897. № 9. 238 с.
108. Назарьева К. В. По наклонной плоскости: Роман в 2-х ч. Ч. 1: Преступление. Ч. 2: Возмездие. СПб.: А. А. Каспари, 1899. 234 с.
109. Назарьева К. В. Под влиянием аффекта: Повесть // Наблюдатель. 1893. № 6. С. 77–113.
110. Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. 2-е изд. СПб.: Тип. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1898. 368 с.
111. Назарьева К. В. Порыв: Эскизы и очерки. СПб.: Тип. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1891. 368 с.
112. Назарьева К. В. Потомки титанов. Исторический роман из эпохи Екатерины Великой // Прил. к журн. «Родина». СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1902. № 114. 192 с.
113. Назарьева К. В. Правда: Пьеса в 4-х актах. М.: Лит. Моск. театр. б-ки Е. Н. Рассохиной, 1892. 80 с.
114. Назарьева К. В. Прием шведских послов царем Алексеем Михайловичем в Москве, в 1674 г. // Осколки. 1881. № 5. С. 35.
115. Назарьева К. В. Прощение: Драм. этюд в 1 акте. СПб.: Т-во худож. Печати, 1903. 10 с.
116. Назарьева К. В. Расплата: Повесть // Наблюдатель. 1888. № 4. С. 220–247.; № 11. С. 221–260.
117. Назарьева К. В. Рыцарь тьмы: Роман. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 278 с.
118. Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. СПб.: Тип. Лебедева, 1885. 322 с.

119. Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. Часть вторая // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 34. № 1. С. 17–18.; № 2. С. 27–30.; № 3. С. 43–47.; № 4. С. 66–67.; № 6. С. 102–106.; № 7. С. 118–122.; № 8. С. 131–135.; № 9. С. 146–150.; № 10. С. 174–175.; № 11. С. 183–186.; № 12. С. 203–210.; № 14. С. 242–246.; № 15. С. 255.
120. Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. Часть первая // Всемирная иллюстрация. 1885. Т. 33. № 1. С. 17–18.; № 2. С. 40–42.; № 3. С. 59–61.; № 4. С. 79–82.; № 5. С. 99–101.; № 6. С. 119–121.; № 7. С. 140–142.; № 8. С. 160–162.; № 9. С. 180–181.; № 10. С. 201–202.; № 11. С. 221–222.; № 12. С. 239–242.; № 13. С. 263–266.; № 15. С. 302–303.; № 16. С. 325–326.; № 17. С. 343–346.; № 18. С. 363–366.; № 20. С. 402.; № 21. С. 420–422.; № 23. С. 456–458.; № 24. С. 471–473.; № 25. С. 492–494.; № 26. С. 511–514.
121. Назарьева К. В. Скорбный путь: Роман в 2-х ч. 2-е изд. СПб.: Тип. Лебедева, 1889. 322 с.
122. Назарьева К. В. Со злости: Комедия в 1 акте: (Сюжет заимствован). М.: Тип. С. Ф. Рассохина, 1896. 32 с.
123. Назарьева К. В. Сокровище: Драма в 5 д. и 6 карт. М.: Тип. С. Ф. Рассохина, 1891. 97 с.
124. Назарьева К. В. Старая мыза: Роман. СПб.: Тип. С. Е. Добродеева, 1892. 164 с.
125. Назарьева К. В. Столичные туманы: Роман // Прил. к газ. «Свет». СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1899. 100 с.
126. Назарьева К. В. Томас Карлейль // Осколки. 1881, № 9. С. 70.
127. Назарьева К. В. Тревожное счастье: Роман // Наблюдатель. 1884. № 2. С. 3–45.; № 3. С. 3–45.; № 4. С. 3–45.
128. Назарьева К. В. Тревожное счастье: Драма (в 4 д. и 5 карт.). СПб.: Театр. б-ка В. А. Базарова, 1889. 51 с.
129. Назарьева К. В. Трещина: Очерк // Осколки. 1881. № 14. С. 115.

130. Назарьева К. В. Чортово гнездо: Роман в 2-х ч. // Прил. к журн. «Луч». СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1890. № 1–3. 218 с.
131. Назарьева К. В. Чужая: Драма в 4 д. СПб.: Театр. б-ка В. А. Базарова, 1890. 51 с.
132. Назарьева К. В. Чужая: Комедия в 4 д. М.: Тип. С. Ф. Рассохина, 1901. 93 с.
133. Назарьева К. В. Чужая: Драма в 4 д. Б. м.: Б. и., 1908. 100 с.
134. Назарьева К. В. Безпомощная (Эскиз) в 3-х ч. // Театральный мирок. 1892. № 23. С. 3–4.; № 24. С. 4–5.
135. Никулина К. [Назарьева К. В.] Специалист (Страница из женской жизни) // Вестник Европы. 1879. № 1. С. 63–94.
136. Оллендорф Г. Г. Новая метода выучиться правильно читать, писать и говорить на немецком языке в продолжение 6-ти месяцев / Г. Г. Оллендорф; Пер. с послед. париж. изд. К. В. Назарьевой. СПб.: И. Л. Тузов, 1881. 390 с.
137. Панова И. [Назарьева К. В.] Опекун: Роман в 2-х ч. // Прил. к газ. «Сын Отечества». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 188 с.
138. Панова И. [Назарьева К. В.] Чужая вина: Роман в 3-х ч. // Прил. к журн. «Живописное обозрение». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1888. № 11–12. 350 с.
139. Панова Ив. [Назарьева К. В.] Ураган: Сценка-монолог: Сюжет заимствован. СПб.: Театр. б-ка В. А. Базарова, 1891. 16 с.
140. Риеке Г. А. Открытие Америки Христофором Колумбом: Книга для юношества / Г. А. Риеке; Пер. с нем. К. В. Назарьевой. СПб.: Б. Г. Янпольской, 1880. 466 с.
141. Самаров Г. Без вести пропавший: Роман в 4-х т. / Г. Самаров; Пер. с нем. К. В. Назарьевой. СПб.: И. Л. Тузов, 1879. 512 с.
142. Стоянов Марк [Назарьева К. В.] Развенчанная королева: Роман из современной сербской придворной жизни в 2-х ч. // Прил. к газ. «Сын отечества». СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 456 с.

II. Архивные источники:

143. Дело Герольдмейстерской конторы: Книги решенных дел // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 286. Оп. 2. Д. 10.
144. Дело Герольдмейстерской конторы: О даче надворному советнику Манкошеву на дворянское достоинство диплома, 1798 год // РГАДА. Ф. 86. Оп. 2. Д. 68. Стр. 28 (Кн. 68. Д. 8).
145. Дело о дворянстве Манкошевых // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 25. Д. 1358. Ед. хр. 2.
146. Дело о расторжении брака Штаб Ротмистра Валериана Никанорова Назарьева с женою его Капитолиной Валерьяновной за прелюбодеяние ее // РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 466. Ед. хр. 4.
147. Записка ректора Академического университета Ломоносова М. В. к инспектору, 1761 год // Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 825.
148. Запрет пьесы [Над пропастью] в представлении на сцене «за грязный колорит» 31 августа 1896 г., Казбек М. М. // РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 15.
149. Краткое изложение письма Назарьевой К. В. рукою Лескова А. Н. // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (далее – ИРЛИ РАН). Ф. 612. Ед. хр. 265.
150. Личные и служебные документы Павловского Г. А., жены его урожденной Левашевой, и имущественные документы их на недвижимую собственность в Новгородской губ. // РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 7.
151. Межевые книги, 1798 год // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 279. Ч. 1.
152. Межевые книги, 1798 год // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 280. Ч. 1.

153. Назарьев В. Н. Воспоминания «История моего несчастья» и письма Н. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 2.
154. Назарьева К. В. Рассказ «Все можно» // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 573.
155. Назарьева К. В. Рассказ «Два букета» // ИРЛИ РАН. Ф. 649. Оп. 4. Ед. хр. 181.
156. Назарьева К. В. Рассказ «Пророчество» с предисловием Измайлова А. А. // ИРЛИ РАН. Ф. 115. Оп. 5. Ед. хр. 54.
157. Назарьева К. В. «Указ герцога Доодоната» – сказка Антони Гопа (перевод Назарьевой К. В.) // ИРЛИ РАН. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 102.
158. Назарьева К. В. «Фальшивая куропатка» (перевод К. В. Назарьевой) // ИРЛИ РАН. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 101.
159. Письма Назарьева В. Н. к жене Назарьевой К. В. // РГАЛИ. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 7.
160. Письмо Назарьевой К. В. к Арсеньеву К. К. // ИРЛИ РАН. Ф. 359. Ед. хр. 371.
161. Письма Назарьевой К. В. к Булацелю И. М. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 73.
162. Письмо Назарьевой К. В. к Буренину В. П. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 853.
163. Письма Назарьевой К. В. к Быкову П. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 273. Оп. 1. Ед. хр. 407.
164. Письма Назарьевой К. В. к Гаврилову Н. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 564. Ед. хр. 55.
165. Письма Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. // РГАЛИ. Ф. 1243. Оп. 1. Ед. хр. 24.
166. Письма Назарьевой К. В. к Достоевскому Ф. М. // Российская государственная библиотека имени В. И. Ленина (Дом Пашкова) (далее – РГБ Дом Пашкова). Ф. 93. Р. II. Картон 7. Ед. хр. 5.

167. Письма Назарьевой К. В. к Жемчужникову А. М. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 101. М. 4818. Ед. хр. 20.
168. Письма Назарьевой К. В. к Зарину А. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 210.
169. Письма Назарьевой К. В. к Зарину А. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 211.
170. Письма Назарьевой К. В. к Измайлову А. А. // РГАЛИ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 188.
171. Письма Назарьевой К. В. к Карпову Е. П. // ИРЛИ РАН. Ф. 550. Ед. хр. 76.
172. Письма Назарьевой К. В. к Кауфману А. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 603.
173. Письма Назарьевой К. В. к Кривенко С. Н. // РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Ед. хр. 157.
174. Письма Назарьевой К. В. к Кугелю А. Р. // ИРЛИ РАН. Ф. 686. Оп. 2. Ед. хр. 150.
175. Письма Назарьевой К. В. к Лейкину Н. А. // ИРЛИ РАН. Ф. 149. Оп. 2. Ед. хр. 143.
176. Письмо Назарьевой К. В. к Лескову Н. С. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 268.
177. Письма Назарьевой К. В. к Миролубову В. С. // ИРЛИ РАН. Ф. 1854. Оп. 1. Ед. хр. 832.
178. Письма Назарьевой К. В. к Михайловскому Н. К. // ИРЛИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 477.
179. Письма Назарьевой К. В. к Михневичу В. О. // ИРЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Ед. хр. 248.
180. Письма Назарьевой К. В. к Савиной М. Г. // РГАЛИ. Ф. 853. Оп. 2. Ед. хр. 893.
181. Письма Назарьевой К. В. к Старчевскому А. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 583. Ед. хр. 523.

182. Письма Назарьевой К. В. к Суворину А. С. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2851.
183. Письма Назарьевой К. В. к Чехову А. П. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 331. Картон 53. Ед. хр. 6.
184. Письмо и расписка Назарьевой К. В. к Добродееву С. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 164.
185. Письмо Назарьевой К. В. к Глинскому Б. Б. // ИРЛИ РАН. Ф. 72. Ед. хр. 223.
186. Письмо Назарьевой К. В. к Мамину-Сибиряку Д. Н. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 157. Шифр М–С. П. III. Ед. хр. 49.
187. Письмо Назарьевой К. В. к Навроцкому А. А. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 575.
188. Письмо Назарьевой К. В. к Рубакину Н. А. // РГБ Дом Пашкова. Ф. 358. Картон 257. Ед. хр. 2.
189. Письмо Назарьевой К. В. к Слонимскому Л. З. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 544.
190. Письмо Немировича-Данченко В. И. к Назарьевой К. В. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 610.
191. Расписка, выданная Назарьевой К. В. Добродееву С. Е. // ИРЛИ РАН. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 165.
192. Расписка Назарьевой К. В. в получении стихотворения от Фофанова К. М. // ИРЛИ РАН. Ф. 282. Ед. хр. 45.

III. Энциклопедии и словари:

193. [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 376–377.
194. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. / Под ред. Б. П. Козьмина [и др.]. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюз. кн. Палаты, 1960. С. 330.

195. Павленков Ф. Ф. Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова / Под ред. и с предисл. В. Яковенко [и др.]. – 4-е вновь пересмотр. изд. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1910. С. 1512.
196. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 6-ти т. / Под ред. П. А. Николаева [и др.]. Т. 4: М–П. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. 717 с.
197. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 48-ми т. / Под ред. К. К. Арсеньева [и др.]. Т. 20. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1897. С. 460.

IV. Источники и материалы:

198. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи: В 2-х т. / А. А. Бобринский. Т. 2: От начала XVII стол. до 1885 года / Под ред. А. А. Бобринского [и др.]. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 795 с.
199. Водовозова Е. Н. На заре жизни: В 2-х т. / Е. Н. Водовозова. Ред. и примечания Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. Т. 1: Мемуарные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.
200. Водовозова Е. Н. На заре жизни: В 2-х т. / Е. Н. Водовозова. Ред. и примечания Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. Т. 2. М., Л.: Художественная литература, 1964. С. 188–201, 230–232.
201. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7-ми т. / Н. В. Гоголь. Т. 6: Статьи 1831–1847. М.: Художественная литература, 1967. 600 с.
202. [Летопись жизни и творчества А. П. Чехова]: 1889 // Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 2: 1889 – апрель 1891. С. 5.
203. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20-ти т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) и др.].

- Т. 5: Критика и публицистика. 1856–1864. М.: Художественная литература, 1966. С. 711.
204. Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., Л.: Изд. «Земля и фабрика», 1928. С. 248–249.
205. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22-х т. / Л. Н. Толстой. Т. 12: Произведения 1885–1902. М.: Художественная литература, 1982. 457 с.
206. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон: «ОPI», 1990. 441 с.
207. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15-ти т. / Под ред. В. Я. Кирпотина [и др.]. Т. 11: Что делать? Из рассказов о новых людях. Юношеские произведения. Комментарии / Под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М.: Гослитиздат, 1939. 748 с.
208. Чехов А. П. Письма // А. П. Чехов Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Письма: В 12-ти т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1983.

V. Статьи, монографии, учебные пособия:

209. [Б. а.] «Из огня да в полымя» К. Назарьевой // Наблюдатель. 1884. № 11. С. 58–59.
210. [Б. а.] Рубрика. – XVIII Новые книги. «К. В. Назарьева. Драмы и комедии // Наблюдатель. 1895. № 12. С. 28–29.
211. [Б. а.] «Скорбный путь» К. Назарьевой // Северный вестник. 1886. № 3. С. 25.
212. [Б. а.] «Скорбный путь» К. Назарьевой // Северный вестник. 1886. № 4. С. 178.
213. [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева: «Драмы и комедии» // Новости и Биржевая газета, среда. 1895. № 66. С. 3.
214. [Б. а.] Библиография. К. В. Назарьева. «Дорогой ценой» Роман // Новости и Биржевая газета, вторник. 1898. № 122. С. 3.

215. [Б. а.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1881. № 5. С. 346.
216. [Б. а.] Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: НЛЮ. 2008. 576 с.
217. [Б. а.] К. В. Назарьева (Некролог) // Нива: Илл. журнал лит-ры и совр. жизни. 1901. № 3. С. 60.
218. [Б. а.] Наши деятели по медицине // Иллюстрированный вестник культуры, научно-воспитательного, технического и торгово-промышленного прогресса России. 1910. № 1. С. 59–60.
219. [Б. а.] Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1.
220. [Б. а.] Памятная книжка Новгородской губернии на 1858 год / Сост. ред. губ. правл. Вишневым. Новгород: Тип. губ. правл., 1858. 90 с.
221. [Б. а.] Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии за 1863 год. СПб., 1863. Ч. 1. С. 215.
222. [Б. а.] Постановления Новгородского уездного земского собрания и доклады Новгородской земской управы за 1913 год. Новгород, 1914. С. 12.
223. [Б. а.] Скорбный путь // Русская мысль. 1886. № 2. С. 73–76.
224. [Б. а.] Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост. Е. М. Ворожейкин. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1958. С. 77.
225. Абдулхаерова Н. Г. Феномен «паралитературы» и его роль в формировании мировоззрения // Формирование мировоззрения: история и современность. 1987. С. 30–41.
226. Абрамович Н. Я. Женщина и мир мужской культуры. М.: Свободный путь, 1913. С. 103.
227. Авдонин А., Краснов Н. В. Н. Назарьев и просвещение чувашей // Дружба: Лит.-худ. Альманах. 1983. № 2. С. 262–271.
228. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания: Сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.

229. Адмони В. А. Поэтика и действительность. Л.: Советский писатель, 1975. 312 с.
230. Акимов В. В спорах о художественном методе. Из истории борьбы за социалистический реализм: Монография. Л.: Худож. лит. Ленингр. отделение, 1979. 373 с.
231. Александров Н. Кухня бестселлера // Литературное обозрение. 1994. № 11–12. С. 106–109.
232. Алтухов В. Л. Новое мышление – мышление о многомерном мире // Дружба народов. 1994. № 2. С. 140–158.
233. Амфитеатров А. В. Женщины в общественных движениях России. СПб.: Живое слово, 1907. 81 с.
234. Амфитеатров А. В. Женское нестроение. – 3-е изд. СПб., 1908. С. 134–139.
235. Аникеевский В. [Назарьев В. Н.] Бакенбарды. Очерки полковой жизни // Современник. 1858. № 10. С. 471–523.
236. Анкудинов И. Ю. Переписная книга 1678 года / Сост. И. Ю. Анкудинов, Н. П. Воскобойникова, Т. Б. Соловьева // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII начала XVIII вв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 655 с.
237. Аннинский Л. Масс-культура, макула-культура и просто культура // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 127–130.
238. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. 654 с.
239. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 467 с.
240. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
241. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Литературно-критические статьи / Сост. С. Г. Бочаров [и др.]. М.: Искусство, 1986. 424 с.

242. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13-ти т. / В. Г. Белинский. Т. 2: Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838 / Под ред. Н. Ф. Бельчиков [и др.]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 768 с.
243. Белобровцева И. З. О двух стилевых тенденциях, сходящихся в одной точке // XX век. Литература. Стиль. Екатеринбург: Изд. Урал, 1999. Вып. 4. С. 54–59.
244. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд. «Правда», 1989. С. 418.
245. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
246. Благосветлов Г. Е. Женский труд и вознаграждение за него. СПб.: Тип. Е. А. Благосветловой, 1882. С. 73–114.
247. Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1–2.
248. Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.
249. Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения Российских семей за 100 лет // Мир России. 1999. № 4. С. 58–70.
250. Борисова О. «Дамский роман» и его читатели // Звезда. 1993. № 12. С. 198–200.
251. Бочарова О. Формула женского счастья: Заметки о женском любовном романе // НЛО. 1996. № 22. С. 302–306.
252. Булин С. Н. Самокражский погост надо Мстой. Великий Новгород: Центр оперативной полиграфии «Бумеранг», 2016. 140 с.
253. Быков П. В. Некролог. К. В. Назарьева // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 2.
254. Вайнштейн О. Розовый роман как машина желаний // НЛО. 1996. № 22. С. 33–37.

255. Васильев В. К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). От Средневековья к Новому времени. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 260 с.
256. Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.: АСТ, 1997. С. 28–29.
257. Вернадская М. Н. Женский труд // Сочинения / Вступ. статья Е. А. Тончу. М.: ИД Тончу, 2007. С. 133.
258. Вершинина Н. Русская беллетристика 1830-х – 1840-х годов: (Пробл. жанра и стиля) / Н. Л. Вершинина; М-во общ. и проф. образования РФ. Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. Псков: Псков. гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1997. 179 с.
259. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
260. Вознесенская А. П. Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С. 153–156.
261. Воробьева С. Ю. Теоретико-методологические основания гендерных исследований в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 1 (19). С. 48–51.
262. Воронский А. И. Искусство видеть мир (о новом реализме). М.: Советский писатель, 1987. 702 с.
263. Гачев Г. Д., Кожин В. В. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении: В 3-х кн. / Кн. 2: Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. 487 с.
264. Гей Н. К. Категории художественности и метахудожественности в литературе // Литературоведение как проблема. Тр. Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. М.: Наследие, 2001. С. 280–302.
265. Гижицкая Л. Новая женщина в литературе // Мир Божий. 1897. № 1. С. 54–74.

266. Глазычев В. Л. Проблема «массовой культуры» // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 14–22.
267. Головин К. Р. Русский роман и русское общество. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркса, 1914. 520 с.
268. Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1914. С. 471.
269. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести. М.: Флинта, 2010. 280 с.
270. Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX–нач. XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 162–163.
271. Гордович К. Д. О художественных критериях массовой литературы // Книга и печатное дело: Сб. научных трудов. СПб., 1999. С. 18–24.
272. Горелов П. Г. Примечания // Н. Г. Чернышевский. Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. М.: Советская Россия, 1988. С. 406–427.
273. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. М.: Книжная лавка А. Ф. Смирдина, 2001. 304 с.
274. Грузенберг С. О. О психологии творчества. Минск: Белтрестпечатъ, 1923. 130 с.
275. Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 78–100.
276. Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Массовая литература как социальный феномен // Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. 80 с.
277. Гулыга А. В. Искусство в век науки. М.: Наука, 1978. 183 с.
278. Гурвич И. Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 113–142.
279. Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: РОУ, 1991. 90 с.

280. Демидова О. Р. Русская женская литература первой половины 19 века // Проблемы жанра и метода в русской литературе. Тезисы конференции. Томск: ТГУ, 1989. 75 с.
281. Дмитриевская М. Превращения мелодрамы // Современная драматургия. 1987. № 2. С. 235–243.
282. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9-ти т. / Под ред. Б. И. Бурсова [и др.]. Т. 2: Статьи и рецензии. Август 1857 – май 1858 / Под ред. А. И. Груздева. М., Л.: Гос. изд. Художественной литературы, 1962. 573 с.
283. Долженко О. В., Тарасова О. И. Проблемы понимания // Знание. Понимание. Умение. Елец: ЕГУ, 2009. № 1. С. 206–214.
284. Дорошевич В. М. К. В. Назарьева // Литераторы и общественные деятели: художественная литература. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 65–75.
285. Дрюк М. А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышлению // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2002. № 2. С. 30–46.
286. Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства // Отечественные записки, 2005. № 4. С. 25–43.
287. Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // НЛЮ. 2002. № 5 (57). С. 6–23.
288. Дубин Б., Зоркая Н. Идея классики и ее социальные функции. // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: «ИНИОН», 1983, С. 40–82.
289. Душенко К. В. Формула женского счастья: Серийный любовный роман // Человек: образ и сущность. Массовая культура. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 65–74.
290. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Изд. отд. Языкового центра СПбГУ, 1995. 258 с.

291. Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М., 1989. С. 30.
292. Жилиякова Н. В. История отечественной журналистики конца XIX — начала XX веков: учеб. пособие для академического бакалавриата / Н. В. Жилиякова. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 18.
293. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М.: Изд. группа «ПРОГРЕСС», «УНИВЕРС», 1996. 342 с.
294. Западов А. В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. / Под ред. проф. А. В. Западова. Третье, исправленное издание. М.: Высшая Школа, 1973. С. 485–487.
295. Зверев А. Лики массовой литературы США. М.: Наука, 1991. С. 336.
296. Змиев Ф. К. В. Назарьева // Новь. 1884. № 3. С. 187.
297. Измайлов А. А. Некролог. Памяти К. В. Назарьевой // Биржевые ведомости. 1900. № XII. С. 1–2.
298. Ильина Н. И. К вопросу о традиции и новаторстве в жанре «дамской» повести // Новый мир. 1963. № 3. С. 224–230.
299. Итенберг Б. С. Революционеры и либералы пореформенной России // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. С. 104–130.
300. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / Пер. с англ. Е. М. Лазаревой // НЛО. 1996. № 22. С. 33–64.
301. Коган П. С. Интеллигентная женщина в рассказах г-жи А. Крандиевской // Образование. 1902. № 2. С. 31–38.
302. Каган М. С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура. Сборник научных трудов. СПб., 1992. С. 14–19.
303. Казакова И. Критика и публицистика конца XIX – начала XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение (Русский феминистский журнал). 1995. № 3. С. 63–67.
304. Калашникова О. В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // Омский науч. вестн. Омск: Современность, 2008. № 2. С. 26–30.

305. Кечеджи-Шаповалов М.В. Женское движение в России и за границей. СПб.: Тип. СПб. О-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 1902. 210 с.
306. Кирсанова Р. Синий чулок // Родина. 1998. № 1. С. 64.
307. Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. 432 с.
308. Ковров А. Женский вопрос. Вести из Германии // Русское богатство. 1896. № 10. С. 93.
309. Конди Н., Падунов В. Макулакультура или вторичная переработка культуры // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 101–126.
310. Кони Ф. Кое-что о Москве // Северная пчела. 1836. № 80. С. 317–320.
311. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Едиториал УРСС, 2005. 352 с.
312. Костина А. В. Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 28–35.
313. Костина А. В. Популярная культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 213–215.
314. Котляревский Н. Канун освобождения. 1855–1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 560 с.
315. Крылов В. А. Прозаические сочинения: В 2-х т. / В. А. Крылов (В. Александров). Т. 1: СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908. С. 4.
316. Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А. Массовая литература сегодня: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 424 с.
317. Ланщикова А. П. Н. Г. Чернышевский. М.: Современник, 1982. 399 с.
318. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.
319. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
320. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. 940 с.
321. Лотман М. Ю. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

322. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Изд. «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
323. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Таллинн: Александра, 1993. 495 с.
324. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Ю. М. Лотман / О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 817–827.
325. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. 1992. 479 с.
326. Лотман Ю. М. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994, 547 с.
327. Лук А. Н. Мышление и творчество. М.: Изд. полит. лит-ры, 1976. 144 с.
328. Массовая культура и современный человек // Человек: Образ и сущность: Ежегодник / РАН ИНИОН. М., 2000. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Редкол.: Л. В. Скворцов – гл. ред. и др. М.: ИНИОН, 2000. Вып. 11: Массовая культура. 260 с.
329. Мельников Г. Н. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. Материалы Международной научной конференции. М.: МГУ, 1998. С. 229–240.
330. Меньшиков М. О. О любви. О любовной страсти. Суеверия и правда любви. Любовь супружеская. Любовь святая. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 224 с.
331. Мещеряков В. П. Введение в литературоведение. Основы теории литературы. М.: Юрайт, 2013. 422 с.
332. Мильдон В. И. Беседы о паралитературе // Вопр. философии. 1972. № 1. С. 50.
333. Миронова Н. В. Драматургические произведения В. Н. Назарьева // Симбирский научный Вестник. 2017. № 1. С. 117–120.

334. Миронова Н. В. Назарьевы-Борхсениус-Лесков // История Симбирского-Ульяновского края в документальном наследии. К 70-летию образования Ульяновской области. Материалы Межрегиональной историко-архивной конференции. / Под ред. Г. В. Романова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2013. С. 151–154.
335. Михайлов А. В. Из истории характера // Языки культуры: Учеб. пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 176–210.
336. Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Утопический социализм в России. М.: Политиздат, 1985. С. 301–309.
337. Михайлова М. В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе серебряного века // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. № 4. С. 150–158.
338. Михайлова М. В. Женщины-драматурги серебряного века // Гендерная проблематика в современной литературе: Теория и история литературоведения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: РАН ИНИОН Центр гуманит. науч.-информ. исслед. 2010. С. 4–35.
339. Михайлова М. В. И. А. Гончаров и идеи феминизма: (Роман «Обломов») // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 49–58.
340. Михайлова М. В. Лица и маски русской женской культуры «серебряного века» // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 117–132.
341. Михайлова М. В. Писательницы Серебряного века в литературном контексте эпохи // Феминизм и женская литература в России. История последнего десятилетия. Вестник Московского университета. Серия 9:

- Филология / Гл. ред. М. Л. Ремнева. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, № 1. 2001. С. 35–44.
342. Михайлова М. В., Ровенская Т. А. Феминизм и женская литература в России. История последнего десятилетия // Литературная учеба. 2004. № 1. С. 93–97.
343. Михневич В. О. Русская женщина XVIII столетия: Исторические этюды. Киев: Южно-русское книгоизд-во Ф. А. Иогансон, 1895. 403 с.
344. Мордовцев Д. Л. Русские исторические женщины: Популярныe рассказы из русской истории. Женщины допетровской Руси. СПб.: Изд. книгопродавца К. Н. Плотникова, 1874. 363 с.
345. Надеждин Н. Н. Женщины в изображении современных русских женщин-писательниц // Новый мир. 1902. № 92. С. 290–293.
346. О. Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни // Вестник Европы. 1869. № 3. С. 455–466.
347. Озерская Ф. С. Средние женские учебные заведения // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. ред. А. И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. С. 183.
348. Олесич Н. Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 208 с.
349. От редакции. О Программе «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1866. Т. 1. С. VI.
350. Павлюченко Э. А. Женщины в освободительном движении. М.: Мысль, 1988. 270 с.
351. Паперно И. Семиотика поведения: Н. Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ. 1996. 207 с.
352. Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 595.
353. Писарев Д. И. Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание сочинений: в 6-ти т. / Д. И. Писарев. Т. 1: Сочинения Д. И. Писарева с портретом

- автора и статьей Евгения Соловьева (автора биографии Писарева). СПб.: Изд. Ф. Павленкова; Тип. А. Пороховщикова, 1897. 636 с.
354. Покровская М. Новые женские типы в произведениях русских писательниц // Женский вестник. 1907. № 11. С. 270–272.
355. Поленов Д. В. Исторические сведения о екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. Ч. 3. С. 263.
356. Полянский Э. А. Еще раз о фельетоне // Журналист. 1986. № 7. С. 48.
357. Пономарев С. И. Наши писательницы. СПб.: Тип. Имп. акад. Наук, 1891. 80 с.
358. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба (XVIII — начало XX века). М.: Русское слово, 2006. 320 с.
359. Поспелов Г. Н. Искусство и эстетика. М.: Искусство, 1984. С. 7–20; 286–295.
360. Привалов В. Д. Улицы Петроградской стороны. Дома и люди. М., СПб.: Центрполиграф, 2015. С. 73–95.
361. Протопопов М. Женское творчество // Русская мысль. 1891. № 1. С. 98–113, № 2, С. 171–182, № 4. С. 123–138.
362. Пульхритудова Е. М. Литература, беллетристика и паралитература // Теория литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 10–29.
363. Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: непрочитанная страница // НЛО. 2006. № 77. С. 405.
364. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. // НЛО. 1993. № 2. С. 113–129.
365. Рейтблат А. И. Булгарин и его читатели // Чтение в дореволюционной России. М., 1992. С. 55–66.
366. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО. 2009. С. 110–111.

367. Рейтблат А.И. Записка Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча о «Северной пчеле» // Шестые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 65–68.
368. Рождественская Н. В. Психология художественного творчества: Учеб. пособие. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 270 с.
369. Розанова М. С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции // Рабочие тетради по компаративистике / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Сайт Web-кафедра философской антропологии, 2003. С.99–103.
370. Розенберг Р. Н. История искусства с древних времен до наших дней / Пер. с нем. О. Ф. Павловской; Под ред. А. А. Павловского. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1905. 25 с.
371. Рубинштейн М. Женский вопрос как проблема культуры // Вестник воспитания. 1911. № 6. С. 120–140.
372. Русанов Н. С. На родине. М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 45.
373. Савкина И. Международная научная конференция «Культ-товары: феномен массовой культуры в современной России» // НЛЮ. 2008. № 4. С. 421–425.
374. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с.
375. Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 66–84.
376. Скабичевский А. Литературные воспоминания. Л.: Изд. «Земля и Фабрика», 1928. 355 с.
377. С-кий А. Пятидесятилетний юбилей Боннского университета // Вестник Европы. 1869. № 2. С. 870–897.
378. Склейнис Г. А. Создание модели знакового поведения в творчестве н. Г. Чернышевского («Что делать?», «Пролог») и ее влияние на

- общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35–38.
379. Скубневский В. А. Города России во второй половине XIX века: Учебное пособие к спецкурсу. Барнаул, 2012. 93 с
380. Соловьев В. С. Смысл любви // В. С. Соловьев. Сочинения: В 2-х т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гульги, А. Ф. Лосева; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
381. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. И. А. Школьникова, О. В. Шныровой; Ин-т соц. и гендер. политики. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 614. с.
382. Степанов П. И. Правые и виноватые: Записки следователя сороковых годов. Т. 1–2. СПб.: В. Е. Генкель, 1869. 465, 455 с.
383. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
384. Страхов Н. Н. Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб.: Изд. Тип. Майкова, 1871. 50 с.
385. Строганова Е. М. Русская литература XIX века в гендерном измерении: опыт коллективного исследования // Кафедра истории русской литературы Тверского государственного университета, Центр изучения и пропаганды женского творчества. Сб. науч. статей / Сост. Е. М. Строганова. Тверь: Изд-во Лилия Принт, 2004. 161 с.
386. Сущинский П. Н. Женщина-врач в России: Очерк десятилетия Женских врачебных курсов, 1872–1882 гг. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1883. 221 с.
387. Тamarли Г. И. Чехов и Джойс о театре и драме // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 93.

388. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя.) // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 4. С. 111.
389. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России: 50–60 годы XIX века. Л.: Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, 1984. 239 с.
390. Трофимова Е. И. Женская литература и книгопечатанье в современной России // *ОНС*. 1998. № 5. С. 147–156.
391. Тульчинский Г. Л. Массовая литература в современном обществе: эволюция жанров – к персоналогичному фэнтези // *Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: Сб. науч. ст.* СПб.: СПГУТД, 2009. 336 с.
392. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино // *О литературной эволюции*. М.: Наука, 1971. С. 270–281.
393. Уваров М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. 214 с.
394. Ульянова Г. Н. Досуг и развлечения. Зарождение массовой культуры / Г. Н. Ульянова // *Очерки истории русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 1: Общественно-культурная среда*. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 455–526.
395. Ученова В. В. Забвению вопреки. Творчество русских писательниц первой половины XIX века // *Дача на Петергофской дороге: Прозы русских писательниц первой половины XIX века / Сост. В. В. Ученова*. М.: Современник, 1986. С. 8–9.
396. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти т. / К. Д. Ушинский. Т. 3: Педагогические статьи / Под ред. А. М. Еголина. М., Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. 692 с.
397. Фаресов А. И. Достоевский перед судом проф. Баженова // *Петербургская газета*. 1908. № 156. 9 июня. С. 1.

398. Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых. Казань, 2003. С. 203–209.
399. Федорова Ж. В. Массовая литература в России XIX века: художественный и социальный аспекты // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых / Ред. кол. д-р филол. наук, проф. Н. А. Андрамонова [и др.] Казань: Казанский государственный университет, 2003. С. 203–209.
400. Фриче Ф. Новые женские типы в современной немецкой литературе // Русская мысль. 1909. № 4. С. 40–46.
401. Хазбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: ИвГУ, 1994. 135 с.
402. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
403. Хирьяков А. М. Из воспоминаний о К. В. Назарьевой // Женское дело. 1900. № 12. С. 199–201.
404. Цветкова Б. Л. Массовая литература как культурный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 128–135.
405. Цитович П. П. Ответ на письма к ученым людям: документально-художественная литература. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1878. С. 9.
406. Чернец Л. В. Система персонажей // Русская словесность. 1994. № 1. С. 54–60.
407. Чернышевский Н. Г. Избранные педагогические высказывания. М.: Учпедгиз, 1936. С. 33.
408. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XIX века: технология или поэтика // Филологический класс. 2008. № 20. С. 4–19.
409. Чуйко В. Современные женщины-писательницы (Г-жа О. Шапир, М. Крестовская, К. Назарьева) // Наблюдатель. 1889. № 4. С. 23–47.

410. Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1912. 32 с.
411. Шашков С. С. История русской женщины. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1879. 352 с.
412. Шестаков В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М.: Искусство, 1988. 224 с.
413. Шмит Ф. И. Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков: Книгоиздательство «Союз», 1919. 328 с.
414. Шпилева Г. А. «Язык бала» и «Музыка жизни» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 142–150.
415. Шпилева Г. А. А. А. Шкляревский и Э. Габорио: родоначальники «Полицейского» романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 5. С. 145–149.
416. Шпилева Г. А. Беллетристика Н. А. Некрасова в свете эйхенбаумовской концепции «массовой литературы» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж, 2014. № 4 (265). С. 95–96.
417. Шпилева Г. А. Динамика развития прозы Н. А. Некрасова: учебное пособие / Г. А. Шпилева. Воронеж: ВГПУ, 2005. 67 с.
418. Шюккинг Л. Социология литературного вкуса. Л.: АCADEMIA, 1928. 117 с.
419. Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. 320 с.
420. Эйхенбаум Б. М. Литература и писатель // Звезда. 1927. № 15. С. 121–141.
421. Юнусова Л. В. Бракоразводный процесс в середине XIX – начале XX века (по материалам Тобольской губернии) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. матер. 4-й Регион. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 118–122.

422. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст, 1983. М.: Наука, 1984. С. 197–236.
423. Ясперс К. Власть массы // Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

VI. Электронные ресурсы удаленного доступа:

424. [Б. а.] «А была ли девочка?» / Курс лекций: «Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magisteria.ru/dostoevsky/girl>.
425. Ан. (Ремезов М. Н.). Современное искусство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/remezow_m_n/text_1889_10_sovr_iskusstvo_oldorfo.shtml.
426. Большая Биографическая энциклопедия. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia//Назарьева_\(урожд_Манташева\),_Капитолина_Валер](https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia//Назарьева_(урожд_Манташева),_Капитолина_Валер).
427. Бунин И. А. Бунин И. А. – Бунину Ю. А., 14 мая 1892 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bunin-lit.ru/bunin/letters/letter-146.htm>.
428. Генеалогическая база данных Geni. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geni.com/people/>.
429. Государственная публичная историческая библиотека России. Адрес-календари и месяцесловы Российской империи (общероссийские), списки чинов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9504-adres-kalendari-i-mesyatseslovy-rossiyskoj-imperii-obscherossiyskie-spiski-chinov>.
430. Достоевский Ф. М. (Антология жизни и творчества) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedordostoevsky.ru/around/Nazareva_K_V/.

431. Краткая биографическая энциклопедия, 2012. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/ist/biografiya/2261920.html>.
432. Лесков Н. С. Письма Суворину А. С. 19 апр. 1888 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/pisma/pismo-210.htm>.
433. Мезенцева Л. Литературный календарь. [Электронный ресурс] // Журнал «Литература». 2005. № 25. – Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200502323>.
434. Наша родословная. Генеалогические исследования А. Новожилова и Н. Белозеровой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novbelgen.net/pv>.
435. Офицеры РИА. Назарьев Н. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria1914.info/index.php?title=Назарьев_Николай_Николаевич.
436. Перепись 1710 года: Новгородский уезд: Деревская пятина: Григорьева половина Морозова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8597. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_8597_2.htm.
437. Прожито. (Дневники и записи). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221890-01-01%22&diaries=%5B1393%5D>.
438. Рублев С. «Крестьянские малолеточки Невзорова, или Приключения Страхова в бане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedordostoevsky.ru/research/fake/001/>.
439. Русский биографический словарь. Назарьева К. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rulex.ru/01140237.htm>.
440. Скорбим. Com (Международная система поминовения усопших) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://skorbim.com/мемориал/назарьева_капитолина_валериановна.html.

441. Фидлер Ф. Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фидлер,_Фёдор_Фёдорович.
442. Якимова С. И., Наумова В. В. Журнал «Вестник Европы»: история и современность // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Т. 8. № 3. С. 151–157. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pnu.edu.ru/ejournal/pub/articles/1784/>.

VII. Диссертации и авторефераты:

443. Агафонова Н. С. Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы: Дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. Иваново, 2005. 153 с.
444. Миронова Н. В. Очерк в творческом наследии В. Н. Назарьева: 70–90 гг. XIX века: Автореферат дис. канд. филол. наук: 10.01.01. Ульяновск, 2012. 20 с.
445. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства: Автореферат дис. кан. филол. наук: 10.01.01. М., 2009. 18 с.
446. Хмельницкая И. Б. Столичный досуг в начале XX века: Петербург и Москва: Автореферат дис. кан. истор. наук: 07.00.00, 07.00.02. М., 2004. 24 с.

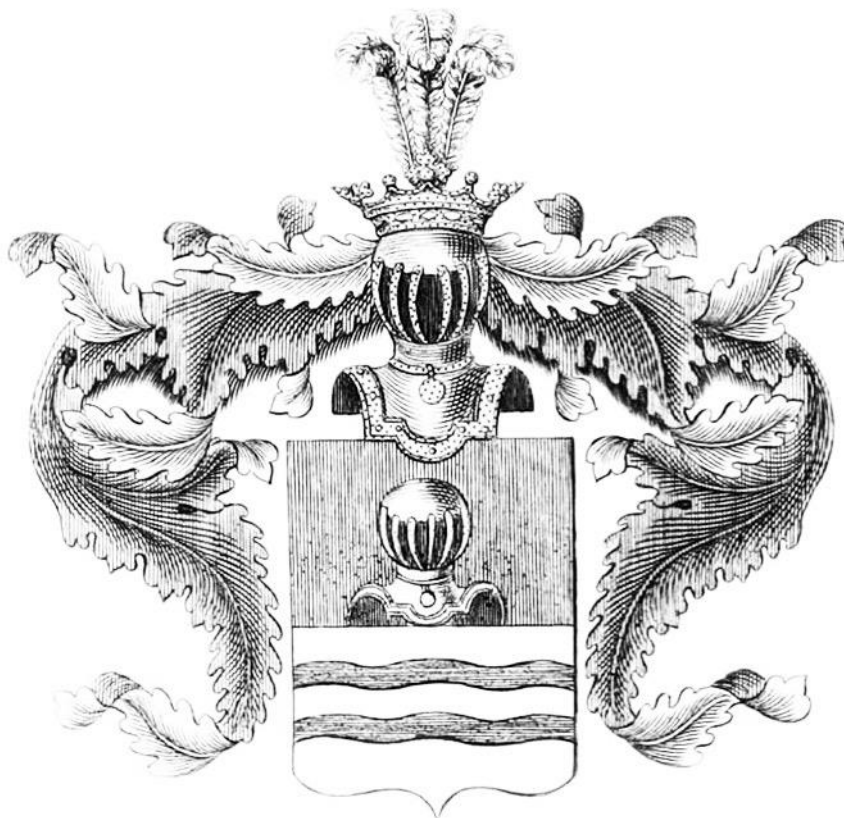
VIII. Иностранные источники:

447. Andreas Huyssen, *After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism*, Indiana University Press, 1986. 244 p.
448. Nepomneashchy S. *Markets, Mirrors and Mayhem: Aleksandra Marinina and the Rise of the New Russian Detective* // *Consuming Russia*. Ed. by A. M. Barker. Duke University Press. Durham/London, 1999. P. 161–191.

449. Storey J. *Inventing Popular Culture: From Folklore to Globalization*.
Maiden, 2003. P. 32–42.

Приложение 1

Герб рода Манкошевых внесен в Часть 3 Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, стр. 50⁵⁹⁷.

«Щит имеет две части, из коих в верхней в красном поле изображен серебряный Шлем. В нижней части в серебряном поле означены горизонтально две голубые волнистые Полосы. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Короною и тремя страусовыми перьями. Намет на Щите красной подложенный серебром.

Фамилии Манкошевых, многие Российскому Престолу служили Дворянские службы в 7114/1606 и других годах поместьями. Все сие доказывается справкою Вотчинного Департамента и копию с диплома

⁵⁹⁷ Дело Герольдмейстерской конторы: О даче надворному советнику Манкошеву на дворянское достоинство диплома, 1798 год // РГАДА. Ф. 86. Оп. 2. Д. 68. Стр. 28 (Кн. 68. Д. 8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gerbovnik.ru/arms/350.html>. [Дата обращения: 18.01.2022].

пожалованного 1798 года Августа в 27-й день Ивану Петровичу Манкошеву в подтверждение происхождения его от благородных предков»⁵⁹⁸.

⁵⁹⁸ Там же.

Приложение 2

Портрет К. В. Назарьевой, размещенный в Галерее Русских писателей⁵⁹⁹.

⁵⁹⁹ [Б. а.] Галерея Русских писателей / Под ред. И. Игнатова. М.: Типолиитография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. С. 377.

Портрет К. В. Назарьевой, размещенный в Театральном мирке⁶⁰⁰.

⁶⁰⁰ Богданович А. К. В. Назарьева (к портрету) // Театральный мирок. 1892. № 13. С. 1.

Портрет К. В. Назарьевой, размещенный в Литературном календаре⁶⁰¹.

⁶⁰¹ Мезенцева Л. Литературный календарь. [Электронный ресурс] // Журнал «Литература». 2005. № 25. Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200502323>. [Дата обращения: 18.01.2022].